

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Мемуары доктора Алекса Саранина

ГЛАВА 1 ДОМ САВИНЫХ

Моим родителям пришлось расстаться. Отец после ранения и лечения в омском госпитале отправился с отступающей Белой армией в поход, известный как Ледовый. Мать поехала в обратном направлении. Она приехала домой как раз вовремя, чтобы успели вытопить баню и позвать акушерку. Так в сентябре 1920 года в уральской деревне Рудянка недалеко от Екатеринбурга появился на свет я, крепкий и гордый мальчик.

Вот одна из сценок раннего детства, ярко запечатлевшаяся в памяти. Я сижу на коленях дедушки Якова, укутанный полой его халата, моя голова поконится на его широкой груди, мне тепло и уютно.

Меня немного пугает завывание холодного зимнего ветра за окном, и я кручуясь, время от времени высовываюсь из-под халата, вглядываюсь в затянутое морозным зором окно и сноваприникаю к теплой надежной груди дедушки. Мы сидим на тинной деревянной скамье, накрепко приделанной к передней стене дома, и поглядываем на большую русскую печь, возле которой хлопочет бабушка. Печь меня зараживает, она кажется мне живой и доброй. Она дышит теплом и уютом, в ней стихают и подмигивают огоньки, она потрескивает, поет, потом затихает и что-нибудь бормочет.

Печь занимала большое пространство справа от порога, место между печью и средней стеной было кухней. Левая центральная часть комнаты вместе с красным столом, вверху которого стояли иконы и висели лампадки, с большим обеденным столом, за которым обычно собиралась вся семья, служила столовой. Остальное пространство до порога представляло собой гостиную.

Высокие потолки дома давали возможность соорудить традиционные для села оплати. Это было теплое и удобное место, в основном там спали ребяташки, в зимнее время там могло разместиться до десяти человек. Вокруг стен в комнате стояли подвижные лавки, тяжелые передвижные скамейки и стулья дополняли убранство.

В доме были и другие комнаты. Справа располагалась спальня дедушки и бабушки, которая обогревалась все той же печкой. В левой угловой части дома была большая приемная, которая в лучшие времена служила для дедушки конторой. К ней прымкали комнаты для гостей, которые зимой почти никогда не открывались.

Добрый ангел-хранитель моего детства да и всей нашей семьи, бабушка Александра Егоровна была второй женой Якова. Она родилась в Рудянке и в четырнадцать лет начала свою трудовую жизнь, работая горничной в доме Савиных. Она вышла здоровой, трудолюбивой и красивой блондинкой. Яков женился на ней в 1906 году, когда, простудившись, умерла его первая жена Мария, оставив ему двух детей.

Александра родила ему сына Степана, которому в то время, о котором я рассказываю, было около пятнадцати лет. Она была любящей и доброй матерью Степану и бушкой нам с Женей, жалела и баловала меня, за завтраком подкладывала побольше шанежек и других стряпушек. Она была глубоко религиозной,

энергичной, умной и имела влияние на всю семью, включая Якова. Он всегда советовался с ней по поводу ведения хозяйства и прочих дел. Когда-то в хозяйстве работали наемные рабочие. Теперь Александре пришлось взять на себя много работы по дому, заботы о семье, но все это она делала с радостью, любовью и терпением.

В доме всегда с нетерпением ждали весны. В предвесенние дни дед часто рассказывал мне о птицах. Он вставал, уходил в свою конторку и возвращался оттуда с журналом или книгой, в которых были изображения птиц. В это время я любил смотреть на его тонкую фигуру, седые волосы, падающие на длинные и тоже седые брови. Он шел быстро, привычно скрывая свою хромоту, которую получил в детстве. Его походка с взлетающими руками удивительно напоминали мне движения журавля, взмахивающего крыльями перед взлетом. Иногда мне даже казалось, что когда-нибудь он сильно взмахнет руками и взлетит в небо.

Мастерски подражая, он изображал, как они кричат, как двигаются их ноги и крылья, он говорил об их характерах и манере поведения, как будто рассказывал о своих хороших знакомых. Показывая картинки, он рассказывал мне о каждой птице, как они летят к нам весной, выют гнезда, выводят птенцов и осенью опять улетают.

— Это туда, где живет моя мама?

— Да, твоя мама живет в Китае, и некоторые птицы улетают туда, чтобы пережить там холодные месяцы. Но они обязательно вернутся назад, как только кончится зима.

Мне очень хотелось, чтобы и моя мама тоже вернулась к нам.

— Ты думаешь, она вернется к нам в следующую весну? — с надеждой спрашивал я у Якова.

— Может быть, она скоро вернется. Она пишет в своих письмах, что любит тебя и Женю и всех нас, что очень скучает. Она хочет быть с нами, но пока не может...

Он останавливался и замолкал. Подождав, я спрашивал его:

— Мой отец тоже приедет домой?

В ответ Яков обнимал меня, потом крепко прижимал к себе и тихо, но спокойно и твердо отвечал:

— Нет, он не может, он умер и улетел на небо, навсегда.

Его слова приводили меня в отчаяние. Почему у других детей есть отцы и матери, а почему мой папа улетел на небо, а моя мама так далеко, куда могут долететь только птицы! Иногда я начинал плакать. Тогда бабушка брала меня на руки, обнимала и утешала. Я засыпал и видел во сне, как вместе с Яковом мы сильно взмахиваем руками, отываемся от земли и летим далеко-далеко, в теплые страны, туда, где живет моя мама, которая никак не может сама прилететь к нам весной вместе с долгожданными птицами. Я совсем не помнил ее, только знал по фотографиям, которые мне иногда показывали...

Дедушка был главной персоной моего детского существования, несомненно повлиявший на мое духовное развитие. Кроме него меня очень привлекала фигура брата бабушки Александры, Миколы, ежевечернего нашего гостя, высокого седого старика, которого мы называли «старый дядя». Он был самоучкой, очень грамотным, начитанным и по природе интеллигентным человеком, увлеченным историком села. Думаю, что его рассказы были предназначены не столько для взрослых, сколько для нас, младшего поколения, потому что он хотел, чтобы мы помнили свои корни, знали историю села.

Давние предки Савиных в шестнадцатом веке мигрировали из Карелии в южные провинции Московии — в Воронежскую и Курскую губернии. Взамен на право иметь собственный земельный надел они должны были нести военную службу. До реформы 1861 года, отменившей крепостное право, их социальное положение было неопределенным. Они не были дворянами, но и не были крепостными. Дедушка говорил о своих предках, что они были однодворцами. В начале восемнадцатого века с новой волной миграции они двинулись на Урал, стремясь осесть на плодородных землях, о которых много слышали. Их путь сюда вдоль бассейнов рек Волги, Камы и Уфы был мед-

ленным: горные реки и болота, густая нетронутая тайга представляли трудности для продвижения переселенцев. Когда они пришли к месту своего назначения, на Средний Урал, там уже было несколько русских поселений, широко разбросанных вдоль восточных склонов.

Одна из ветвей рода Савиных, мои предки, дошли до слияния рек Пышмы и Рефта, остановились на берегу небольшой речки Рудянки и основали там село Рудянка, в ста километрах от Екатеринбурга. Вскоре к ним присоединились другие засельщики, одни пришли сами, другие были ссылочными. Переселенцы нашли здесь много хороших земель, пригодных для земледелия и пастбищ, достаточное количество подземных вод, нетронутую тайгу. Несмотря на довольно суровый климат и неосвоенную дикую природу, в неустанных и упорных трудах они смогли создать удобства, достаточные для жизни. От поколения к поколению жизнь обустраивалась, семьи достигали достатка, богатели.

К концу девятнадцатого века три больших усадьбы на главной улице села принадлежали трем богатым крестьянским семьям братьев Савиных — Петра, Якова и Максима. В 1893 году большой лесной пожар охватил несколько соседних деревень. В Рудянке тоже сгорело около сорока дворов, в том числе и братьев Савиных.

Когда после пожара село стало вновь отстраиваться, его перепланировали: улицы расширили, отвели место для центральной площади, на которой построили пятикупольную церковь Покрова Божьей Матери, четырехклассную школу и зал для сельских сходов, собраний. Вдоль улиц посадили аллеи деревьев. Новые усадьбы стали просторнее и красивее. Большинство дворов имело два дома, большой палисадник с обязательными деревьями, за домом пригон для скота, конюшни для лошадей, затем шли огороды с картофельными и прочими овощными грядами, кусты малины и смородины. На открытом пространстве недалеко от колодца в каждом дворе стояла баня. В селе было три магазина и большая спортивная площадка. Рудянка до революции была типичным процветающим уральским селом. К началу двадцатого века в ней было 360 дворов с населением около двух тысяч человек.

Мой дедушка Яков до революции имел большие земельные угодья, выращивал зерновые, кроме того он брал подряд на лесозаготовки, держал извоз — перевозил уголь и руды, он был владельцем двух магазинов, красильни, большого зернохранилища, имел несколько сельскохозяйственных машин, держал постоянно около двадцати работников, а в страду и больше. Он был одним из самых богатых людей на селе. Перед Первой мировой войной его вновь отстроенная усадьба была самой большой и богатой в селе. Она выходила на улицу большими домами, между которыми стояли широкие арочные ворота, раскрывающиеся на две половины.

Главный дом был построен в типичном для Среднего Урала стиле. Ставни, наличники и даже углы дома были украшены затейливой фигурной резьбой, что придавало ему нарядный и богатый вид. Второй дом, меньшего размера, был построен для старшего сына дедушки, моего отца Михаила Яковлевича.

За большим домом было длинное кирпичное помещение, в котором располагались галантерейный и скобяной магазины, в нем же находилось зернохранилище. За домами с одной стороны стояли амбары для зерна, сараи с инструментами и хозяйственным инвентарем и текстильно-красильная мастерская, в которой красили ткани, чаще всего лен, крестьяне из нашей и соседней деревень. С другой стороны были выстроены конюшни, тележные и санные сараи, за ними располагался скотный двор, потом шел большой огород. Перед фасадом дома росла аллея больших тополей, со всех сторон усадьба была обсажена черемухой, рябинами, березами.

Савины были воспитаны в строгих правилах православной веры, соблюдали церковный устав и придерживались патриархальных норм в семейных отношениях. Мои детские воспоминания связаны с обязательным посещением церкви всей семьей в праздничные и воскресные дни.

К концу марта с приходом теплых весенних дней снег на крышах начинал таять, образуя сосульки, которые свисали с крыши и таяли на солнце. Ребятишки сшибали их комьями снега и хрумкали, как запретное лакомство.

Снег становился липким, сырьим, сероватым. Недели через две улицы села покрывались лужами и вязкой жидкой глиной, но и в это время бойкая деревенская детвора находила себе забавы. Быстро бегущая талая вода наполняла улицы и канавы, сбегая ручьями в раздувшиеся речушки и устремляясь в большие полноводные реки. Мы носились за ручейками, пуская кораблики из щепок и деревяшек, а возле самых бурных потоков устанавливали самодельные мельницы. Воздух наполнялся весенным шумом бегущей воды, шумом птичьих крыльев, их криком, пением, гомоном.

Мы с дедушкой радовались, что птицы возвращаются, с восторгом наблюдали, как они осматривают и обновляют свои старые жилища, совершают ритуалы ухаживания. Я затаенно ждал, что вот-вот, как только прилетит следующая стая птиц, из теплых краев вернется моя мама. Но мама все не возвращалась, и это меня очень огорчало...

Между тем природа все больше и больше просыпалась от зимнего сна. Оживали деревья, покрываясь молодыми листвами. Сладко пахли тополя возле нашего дома — они покрывались нежными клейкими листиками. Трава с каждым днем все больше зеленела, преображая улицы деревни и окрестности. Дом тоже просыпался и охорашивался после зимы. Александра с помощью соседок открыла и вымыла остальные комнаты, и дом сразу стал просторным и совсем другим.

Бабушка готовилась к приезду гостей на Пасху. В Страстную субботу мы пошли в церковь ко Всенощной. Сначала была длинная служба, потом Крестный ход: все молящиеся с иконами трижды обходили вокруг храма. Трижды священник провозглашал: «Христос воскресе!» И в церкви, и во дворе прихожане отвечали: «Воистину воскресе!»

Время от мая и до предзимья было очень напряженным. В нашей осиротевшей семье не хватало рабочих рук. Дедушка был уже стар, Степан и Женя слишком молоды. То же было и у большинства соседей — семьи поредели после войны и революции, погибла самая трудоспособная часть сельского населения. По старому деревенскому обычанию соседи и родня собирались вместе и поочередно помогали друг другу, объединяя рабочие руки и лошадей. После обмолота крестьяне должны были сдать на государственные склады прод나лог: пшеницу, ячмень и овес, и официальные власти из сельсовета строго следили, чтобы крестьяне не припрятали часть зерна. Вот и снова пришла зима. Семейная жизнь вернулась в то же привычное русло, что и прошлой зимой, и вся жизнь опять сосредоточилась в одной комнате, вокруг русской печи. Так же каждый день на столе гудёл горячий самовар, так же длинными зимними вечерами у нас собирались соседи и родственники. Много говорилось о плохом урожае, о большом продналоге на зерно, после сдачи которого пустели крестьянские закрома. В течение нескольких лет дед уносил из дома наизитое добро: мебель, ковры, люстры и прочие предметы роскоши, чтобы продать в Свердловске, а оттуда привозил одежду, чай, сахар и все необходимое для семьи. За семь лет он увез из дома почти все, продавать больше было нечего. Дом казался от этого пустым и еще более просторным. Вся усадьба тоже стояла в разорении и запустении. Галантерейный магазин стоял пустым начиная с 1918 года, когда сельсоветчики закрыли его, конфисковав все товары. Осталось лишь несколько банок с текстильными красками в красильне, так как новые власти не имели представления, что с ними делать.

По утрам я продолжал наслаждаться обществом Якова, сидя перед печкой на его уютных коленях и слушая его истории. Даже мне было заметно, что его здоровье угасает, слабеет его интерес к жизни, к людям. Все чаще днем он ложился отдохнуть. Истории, которые он мне рассказывал, больше относились к прошлому, к тем счастливым годам, когда крепкой была его семья, процветало и умножалось хозяйство. Он понимал, что от него уже ничего не зависит, он ничем не может нам помочь, и это его угнетало. Нынешняя жизнь его совсем не радовала, так как, несмотря на все его усилия, хозяйство рушилось, семья едва сводила концы с концами. Никаких перспектив не было.

Иногда, когда мы проходили с ним через комнаты дома или шли через двор, осматривали сараи, конюшни, он сокрушенno качал головой, махал рукой и

говорил: «Все это гниет и рушится, ничего не сделано, ничего не обновлялось, а ведь все это было рассчитано еще на одно поколение! И вы, и ваши дети и внуки могли бы жить здесь счастливо, как это и было задумано. Безбожные большевики! Это они во всем виноваты! Для чего все это безобразие и грех! Разве это нормально? Все, что наработано в течение ста лет моим дедом, отцом и мной, все это сейчас гибнет». Он тяжело вздыхал и надолго задумывался, а иногда говорил самому себе: «Да, он был прав! Все так и идет, как он мне предсказывал! Все к тому и идет...»

Я долго многое не понимал, но постепенно, слушая рассказы взрослых, понял, о чем говорил Яков. Как-то в один из зимних вечеров, когда у нас, по обыкновению, собирались вечерние гости, я лежал на полатях и, притворившись, что сплю, как я это нередко делал, услышал эту удивительную и загадочную историю, взволновавшую мое детское воображение. Оказывается, успех и процветание Якова, его счастливая семейная жизнь начали рушиться где-то за год до революции. И началось все необычно — с предсказания странствующего монаха.

РАССКАЗ ЯКОВА

Холодной декабрьской ночью, около полуночи, когда в доме все уже спали, в окно моей спальни постучал монах и попросил, чтобы я его впустил: он должен лично мне сообщить что-то очень важное. Я впустил его. Это был старый человек с приятными манерами, культурной речью, отличавшими его от обычных старцев. Я пригласил его в гостиную и поставил перед ним еду, но он отказался, говоря, что не голоден. Мы сидели за столом, один против другого, перед нами, в центре — керосиновая лампа. Старец Владимир склонил голову и несколько минут провел в молитвенном молчании, потом выпрямился, поднял голову, взял лампу и отодвинул ее на край стола. Потом он стал внимательно смотреть в мои глаза, ожидая от меня какой-то реакции. Затем сказал: «Яков Семенович, я вижу, что вы меня не помните, а ведь мы с вами встречались раньше, я приходил к вашему отцу, тогда вы были совсем молодым. Сегодня я последний раз в вашем селе. Я должен рассказать вам о будущем вашей семьи и будущем России. Есть много тревожных знаков, которые говорят о том, что Россия на долгие годы падет в пропасть безбожия, из которой она не выйдет в течение нескольких поколений. Матушка наша Россия будет охвачена хаосом и разбоем, брат пойдет против брата, отбросив Бога, царя и закон. Тот, кто сегодня у власти, потеряет и власть, и жизнь. Я должен сказать вам, что скоро и ваша семья будет разбросана и уничтожена. И только последний или, дай Бог, двое последних детей, рожденных в семье, смогут выжить. Усадьба ваша погибнет от огня и тлена, от нее не останется и следа».

Я слушал его молча, словно заколдованный его пристальным властным взглядом. Мне хотелось сказать ему, что все это выдумка, что его предсказание никогда не сбудется, все мое существо противилось этим жестоким словам. Я почувствовал к нему неприязнь, обиду и злость, но ничего не сказал ему, стесняясь обидеть старого человека. Он скорбно смотрел в мои глаза, ясно понимая, что я чувствую в это время. Он видел, что я борюсь сам с собой, и остановил меня жестом. Не выдержав его взгляда, я склонил голову, опустил руки и сидел в тяжелом оцепенении. Мой гость молча встал и ушел в другую комнату на отведенное ему для ночлега место. Утром он долго молился, стоя перед иконами на коленях. Потом встал и, не отрывая взгляда от образов, тихо сказал, обращаясь ко мне: «Я молюсь за царя и его семью каждый день, чтобы с наступлением хаоса их жизнь не прервалась». Потом обернулся ко мне и заговорил страстно и отчаянно: «Это он, злой и грешный Григорий Распутин, навел проклятье на нашу Россию. Этот лживый старец достиг своих целей, используя дьявольский дар гипноза, знание секретных трав и настоев, привезенных из Тобольской губернии, где мы оба родились. Лучше бы я взял грех на душу и задушил его в молодые годы. У меня не раз было такое искушение. Теперь он убит в Петербурге, это сделали люди, близкие к императорской семье. Но теперь слишком поздно. Его смерть затянула узел на всех Романовых».

Он как будто хотел еще что-то добавить, но передумал и вместо этого стая снова молиться, потом благословил меня, и его последними словами ко мне было: «С годами, когда начнутся эти события, вы вспомните меня, а сейчас я должен идти; мне нужно еще успеть посетить некоторых людей по дороге в тобольскую тайгу, где, я чувствую, уже ждет меня моя смерть. Простите меня Христа ради, я знаю, что огорчил вас».

Когда Яков закончил свою историю, его слушатели не выразили никакого удивления. По-видимому, они слышали ее уже не в первый раз. События гражданской войны и смерть Романовых давно убедили их в том, что старец был святым, пророком, посланным Богом. Об этом предсказании я потом слышал не раз от старого дяди Миколы. После смерти Якова Александра разрешила нам, Степану, Жене и мне, прочитать семейный дневник, состоящий из трех толстых тетрадей. В нем был записан и рассказ Якова о предсказании старца.

Вскоре после прихода старца в дом мой отец весной 1916 года был мобилизован и отправлен на Западный фронт в армию генерала Брусилова. Это было первым чувствительным ударом для семьи. На фронте отец попал в плен к немцам, около года работал в госпитале для военнопленных, но смог бежать. Как бывший военнопленный отец получил разрешение вернуться домой и работать на земле.

Почти в это же время, когда Михаил ушел на фронт, до Якова стали доноситься шёпотки и пересуды о его единственной дочери Кристине. Это была семнадцатилетняя высокая стройная белокурая красавица, любимица Якова, его гордость. Яков решил сам проверить слухи и однажды, войдя перед рассветом в комнату Кристинь, увидел ее спящей в объятиях своего кучера Савватея Горнина, толкового и серьезного восемнадцатилетнего парня. Застигнутый врасплох Савватей быстро выскочил из окна. Он бежал из села в то же утро. Досужие сельские кумушки быстро разнесли весть о падении Кристинь на всю деревню. Главные ворота усадьбы по местному варварскому обычанию ночью были вымазаны дегтем. Понадобилось несколько дней, чтобы очистить и перекрасить ворота.

Кристина была жестоко наказана — Яков собственноручно выпорол ремнем и поставил свою любимицу на самую тяжелую и грязную работу. Потом ее увезли в клинику в Сухой Лог, чтобы уничтожить последствия греховной связи, что навсегда лишило мою бедную тетушку радости материнства. В следующую зиму она была выдана замуж с хорошим приданым за бедного молодого парня в соседнюю деревню Знаменка. О Савватее ничего не было слышно несколько лет, пока он вновь не появился на селе уже в новом качестве... Будучи смышленым молодым человеком и хорошим конюхом, Савватей пошел вначале служить в царскую кавалерию, потом служил в красной кавалерии под командованием маршала Тухачевского, вступил в партию большевиков.

После войны его как местного жителя и партийца направили в Рудянку председателем сельского Совета. Возвращение Савватея разбередило затянувшуюся душевную рану Якова, это усугубилось еще и тем, что их положение в жизни села, в обществе поменялось. Савватей ни разу не зашел в дом Якова и ни словом не обмолвился о своей вине перед опозоренной семьей. Он был женат, привез с собой из Москвы жену, но снова на селе поползли слухи о нем и Кристине. Поговаривали, что видели их верхом на лошадях на берегу реки далеко от села. Видимо, они все еще любили друг друга.

ГЛАВА 2 СУДЬБА СЕМЬИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Третьим и самым тяжелым ударом для Якова была гражданская война. На Урале она вспыхнула в январе 1918 года. В первые месяцы небольшие группы красных и белых бродили по лесам, перестреливаясь друг с другом, захватывая населенные пункты и устраивая политические расправы. Рассказывая об этих ужасных временах, Яков не выражал симпатии ни к одной из воевавших сторон. И красные, и бе-

лые конфисковали у крестьян лучших лошадей, отбирали скотину, продовольствие и фураж. В результате крестьянские хозяйства разорялись, пустели амбары, конюшни, скотные дворы. Гибли люди. Их расстреливали, вешали, забивали до смерти. Забирали «добровольцами» в свою армию, не спрашивая на то желания и согласия крестьян. Рудянку несколько раз захватывали то красные, то белые.

Отряд белой кавалерии, в основном, офицеры, совершила набег на село. Всех мужчин собрали на церковной площади, выбрали самых бедных из них, сочувствовавших Советам. Подгоняя штыками, их подвели к церковной ограде, приказали раздеться и поставили лицом к ограде, приказали просунуть руки сквозь решетки и связали их ремнями. Им дали каждому по дюжине и больше плеток и забрали «добровольцами» в белую армию. Крестьяне вынуждены были согласиться, но на следующий день бежали в лес. В отместку за это, найдя спрятавшегося в подполье бедного крестьянина, бывшего члена сельсовета, его так избили плетьями, что несколько недель он не мог ни работать, ни ходить. Отряд покинул Рудянку, забрав с собой 24 военнослужащих, большей частью из зажиточных семей.

Мой отец ушел воевать в армию Колчака, вступив в дивизию ижевского завода. В июле Белый и Чешский корпуса двинулись в западном направлении к Екатеринбургу. В то время там в доме Ипатьева находились последний русский царь Николай Второй и его семья, привезенные в апреле из Тобольска. После взятия Екатеринбурга армия адмирала Колчака двинулась через Урал в западном направлении, стремясь соединиться с белыми силами генерала Юденича на севере и генерала Деникина на юге. Следующие семь месяцев были насыщены боевыми действиями между белыми и красными войсками.

Одно из сражений произошло на берегу Пышмы недалеко от Рудянки. Белые отбросили красных и вошли в деревню. Они согнали жителей на площадь, выбрали из толпы 23 мужчин, членов местного Совета, большевиков и активистов. Связав им руки и ноги, бросили в сани и вывезли на большой холм у леса недалеко от берега Пышмы. Там они были казнены. Одних расстреляли, других закололи штыками или забили прикладами, а некоторых повесили. Потом стали набирать мужчин в армию. Поскольку добровольцев было мало, они стали брать всех годных по возрасту. Тем, кто отказывался, грозили расстрелом. Восемь месяцев спустя, когда деревню заняли красные, все повторилось, словно по тому же жуткому сценарию. Снова доносы, казни, принудительные, под страхом смерти, наборы в армию, теперь уже Красную.

Наступление и продвижение белых на запад вначале было успешным. Они заняли восточные и часть западных склонов Урала, включая такие крупные города, как Уфа и Пермь. Адмирал Колчак стал правителем на большой территории Урала, Сибири и Дальнего Востока, ему оставалось сделать совсем немного, чтобы соединиться с белыми силами, проводившими военные операции в западной части Российской Федерации, чтобы вместе пойти на Москву и Петроград. Если бы Колчак это сделал, его ждал бы успех, а исход гражданской войны был бы совершенно другим. Это изменило бы и историю всей Европы. Но успех белых был кратковременным, и этому не суждено было осуществиться. Красные части нанесли белым несколько сокрушительных ударов. После этого армия Колчака стала отступать на Восток, и в августе красные взяли контроль почти над всем Уралом.

Началась новая волна репрессий и конфискаций продовольствия и фуража — теперь уже для Красной армии. Вернувшись в Рудянку, красные расстреляли деревенского старосту, двух его помощников, а также церковного старосту и несколько зажиточных крестьян. Яков писал в своем дневнике, что с 1917 по 1920 год он был арестован четыре раза — трижды красными и один раз белыми. Каждый раз ему приходилось покупать свободу. Один раз красные его отпустили, так как он обещал привезти продовольствие и дать лошадей, другой раз он уже не мог дать то, что они от него снова требовали, и с ним, старым человеком, жестоко обращались, били по лицу и по ребрам.

В 1918 году, когда село захватили колчаковцы, Яков наотрез отказался быть сельским старостой, что вызвало дикую ярость офицера. Он стал бить Якова по голове и

кричать: «Как ты смеешь не повиноваться моему приказу! Я убью тебя! Я прикажу расстрелять тебя, трус и предатель!»

В результате войны население Рудянки очень пострадало, возможно, даже больше, чем в других уральских деревнях, так как она находилась на главном пути армии. Наглядным результатом этой бессмысленной междуусобной братской бойни были два кладбища. Те, кто сражался на стороне белых, были похоронены по церковному обряду на старом кладбище. На противоположном конце деревни в большой братской могиле были похоронены погибшие красные и те жители деревни, которые были расстреляны колчаковцами за симпатию большевикам. К концу войны в этой братской могиле было похоронено около пятидесяти человек, и она стала мемориальным кладбищем.

Мой отец, воевавший в армии Колчака, был ранен и попал на лечение в Омск. После выздоровления он работал в госпитале санитаром, и моя мама трижды приезжала к нему, но в сентябре 1921 года, как сказано выше, они вынуждены были расстаться. Отец с отступающей Белой армией отправился на Восток по Транссибирской магистрали. В европейской части России гражданская война закончилась в 1920 году, но в Сибири и на Дальнем Востоке она продолжалась еще почти два года. С помощью американцев, британцев и особенно японцев из остатков колчаковской армии были сформированы военные силы. Но к концу 1922 года и они были разбиты. Мой отец работал в госпитале в Хабаровске, и в декабре 1922 года мать получила телеграмму, что он заболел тифом. Мама решилась ехать и ухаживать за больным мужем.

Денег на дорогу не было. Но за месяц до этого маме удалось припрятать в кошельке и сохранить от конфискации шесть овечек. Другого выхода не было, как продать их мяснику и выручить деньги на дорогу. Частная продажа скота на убой расценивалась в то время как преступление против экономической политики государства, и маме грозили исправительные трудовые лагеря. В страхе и отчаянии она пошла на рискованный поступок: ночью погрузила овец в телегу с высоким коробом и увезла их в Сухой Лог мяснику. Кто-то донес на нее, она была арестована и в ожидании суда и следствия два дня просидела в сельской кутузке. Помогла Кристина. Она упросила Савватея, председателя сельсовета. Он все устроил так, что охранник, любитель спиртного, забыл на третью ночь закрыть камеру, где сидела мама. Когда охранник как будто бы спал, предупрежденная мама тихонько вышла из камеры. Неподалеку ее ожидала тетя Кристина. В дрожжах лежал предусмотрительно подготовленный чемоданчик для мамы. Она даже не имела возможности зайти в дом хоть на минуточку, чтобы посмотреть на спящих детей и попрощаться с родными. Кристина увезла маму на ближайшую станцию Богдановичи. Утром поезд Транссибирской магистрали уже увозил ее в направлении к Хабаровску.

В страхе за свою безопасность, с мыслями, что ее могут арестовать, она все же доехала до отца. Через несколько дней после ее приезда он умер в тифозной горячке. Ему все же повезло больше других. Он умер на руках любящей жены, оплаканный и похороненный по христианскому обряду. На его могиле был поставлен крест с надгробной надписью, положены цветы. После смерти отца мама осталась в очень затруднительном положении. Возвращаться домой было нельзя — там ее ждал суд и, скорее всего, исправительный лагерь. Временно она устроилась прачкой в госпитале и написала письма в Рудянку и своему брату Павлу Шемякину, который в то время жил в Харбине, прибыв в 1922 году с отступающими частями Белой армии под командованием атамана Семенова. Позже к нему приехали его жена Аннушка и сын Александр. Вскоре от Павла пришло письмо, он звал маму в Харбин. Яков придерживался того же мнения. Он писал ей: «Бог с тобой, поезжай к брату, там ты будешь в безопасности. Надеюсь, что ты сможешь скоро вернуться, уверен, что большевики долго не продержатся или по крайней мере изменят свою политику. Люди голодают и молятся о переменах. Хочу, чтобы это произошло поскорее, и ты, и Павел вернетесь домой, мы будем вас ждать. О сыновьях не беспокойся, мы о них заботимся. Они здоровы и быстро растут».

Мама уехала в Харбин, тоскуя и переживая за нас, страдая, что не может вернуться или забрать нас и вообще ничем не может помочь своим близким. Мне было полтора года, Жене — восемь. Нам все время повторяли, что наша мама скоро вернется домой, что она любит нас и скучает. Но шли месяцы, шли годы, а мама никак не возвращалась. Теперь я понимаю, что где-то глубоко в моем детском подсознании сидела болезненная заноза. Я чувствовал, что мне чего-то недостает.

Когда закончилась гражданская война и окончательно установилась советская власть с новыми порядками, новым политическим режимом, дед мой уже утратил свою былую предприимчивость и даже не пытался восстанавливать разрушенную усадьбу. Он писал в своем дневнике: «Порой мне не хотелось не только бороться, но даже жить. Я не видел в этом никакого смысла. В моей жизни не осталось почти ничего хорошего, одни лишь жизненные утраты. Я потерял моего первенца и бесконечное число дорогих мне людей, я разорен. Слава Богу, что у меня есть Степан и внуки. Только ради них я еще живу. Да, но мое здоровье...»

Теперь он был на положении простого крестьянина, государственного раба, которому позволялось растить хлеб и овощи на том участке земли, который ему сейчас был выделен, он мог держать количество скота, нормированное властями. Других возможностей у него не было.

Урожай лета 1925 года был очень плохим, гораздо хуже, чем в предыдущие годы. После принудительной сдачи продналога у крестьян мало что оставалось в закромах. Нехватало пищи. Нужно было найти виновных, и они были названы. Началось планомерное преследование кулачества. Стали конфисковать «излишки» скота. Ко-нююши и погреба Савиных окончательно опустели. Отношения Якова с сельсоветом еще больше обострились. Ему запретили выезжать из деревни без особого разрешения. Его прилюдно называли «главным кулаком», закоренелым единоличником. Суровых мер Яков избежал только благодаря бабушке. Она пользовалась большим авторитетом на селе. Обычно она вела все переговоры с сельсоветом, только поэтому Савины не были высланы.

От всех бед и нервного напряжения здоровье деда сильно ухудшилось, его мутила одышка, он часто задыхался. Все его мысли были теперь связаны с моей матерью и дядей Павлом, с их возвращением из Китая. Он выходил на улицу, долго стоял возле дома и смотрел на восток, словно ожидая их скорого приезда. Доктор, приезжавший из Сухого Лога, нашел, что у него сильная пневмония при общем нервном истощении и слабом здоровье. Вскоре ему сделали выкачивание жидкости из легких, но его состояние становилось все хуже и хуже. Отец Димитрий дал ему последнее причастие. Вечером того же дня все родственники собирались возле его постели. Яков был в полусознании и с трудом узнавал нас. Его руки были слабыми, дыхание было хриплым и прерывистым. Он пытался говорить, но с его губ слетал только хриплый шепот, он все твердил о скорой весне, а когда приходил в сознание, его беспокоила судьба семьи. Он бормотал: «Скоро прилетят птицы, скоро... Вон, они уже летят... Я слышу их голоса, шум их крыльев... Снова будет весна в доме Савиных, еще одна весна... И будет много весен... И вся семья будет снова вместе. Я не верю, я не хочу, чтобы было так, как предсказал старец... Господи, что будет с детьми...» На утро я увидел в открытом гробу его тело. Все, кроме очень бледного, безжизненного лица и холодных рук с маленькой иконкой на груди, было накрыто белым полотном. Это было для меня потрясением... Он умер в возрасте шестидесяти лет ранней весной, перед самым прилетом первых весенних птиц.

Его тело обмыли в бане, где я появился на свет, одели в особую «смертную» одежду — красивый кафтан, специально сшитый для похорон несколько лет назад, загодя, как это обычно делалось в крестьянских семьях. Его положили в гроб, также сделанный несколько лет назад по его заказу. На два дня гроб установили на столе в парадной гостиной. Приходили соседи, ставили у изголовья возле гроба восковые свечки. Следующее, что я помню: я сидел между Женей и Степаном возле гроба. Мы плакали и не могли себе представить, как теперь будем жить без Якова.

На третий день, это был очень солнечный весенний день, гроб повезли в церковь.

Траурная процессия двинулась через снег, грязь и талую воду. В это время первые весенние птицы на голых березах и тополях громкими голосами оповещали мир об окончательном приходе весны. Почти половина деревни хоронила Якова. Вроде бы и не было запрета ходить в церковь, но во время отпевания многие из присутствующих в храм не вошли, а стояли недалеко от входа, ожидая, когда похоронная процессия отправится на кладбище. Мне в то время было всего лишь четыре с половиной года, но я глубоко переживал смерть Якова, который был мне одновременно и дедушкой, и отцом. Сейчас я чувствовал себя сиротой больше, чем всегда. Я стоял и слушал церковную службу и спрашивал себя, почему Бог, которому мы молимся, так суров к нам, почему он забрал к себе Якова. Это мне казалось таким несправедливым. От обиды и горя я не мог успокоиться и проплакал всю службу. Бабушка стояла рядом со мной и держала меня за руку. Дед был похоронен на старом кладбище, рядом с могилами его предков. Он был одним из последних представителей особого типа крестьянина, дореволюционного крестьянина-хозяина.

После похорон священник, дьякон, родственники, друзья и соседи собрались в той же парадной горнице на поминки. С помощью соседок Александры и Кристины накрыли столы, поставили закуски, блины, графины и бутылки с самогоном и брагой. Отец Димитрий, прочитав молитву, дал благословение для трапезы. Стаканы наполнили, и кто-то предложил тост за вечную память Якова Семеновича, чтобы Бог упокоил его душу и земля была ему пухом.

Никто не заметил, когда вошел и тихо сел у входа самый большой обидчик деда, бывший любовник Кристины и бывший его работник, нынешний председатель сельсовета Савватей Горнин. Он вышел на середину комнаты и, обращаясь к бабушке, спросил разрешения сказать несколько слов. Прежде чем она успела ответить, Савватей громко, не торопясь, сказал: «Товарищи!» Тут он посмотрел вокруг, замолчал и опустил голову, словно собираясь с мыслями, а может быть, отдавая этим дань уважения усопшему. Сидящие за столом замерли в полном молчании, все глаза с недоумением были устремлены на высокую стройную фигуру Савватея в черной кожанке, кавалерийских брюках и черных сапогах.

Он поднял голову и теперь уже менее решительно продолжил: «Яков Семенович, как мы все знаем, был человеком многосторонним. Я всегда уважал его и благодарен ему за то, чему он научил меня за семь лет, когда я у него работал. Это очень помогло мне во время гражданской войны против белобандитов, и партия большевиков высоко оценила мои заслуги... После войны, после освобождения деревни, когда я вернулся, я избегал разговоров с ним. Нам не о чем было говорить, мы оба были виноваты по разным причинам, поэтому мы обходили друг друга при встречах».

Он замолчал, посмотрел на бабушку и Кристину, сидящих во главе стола, и продолжил: «Александра Егоровна всегда была очень добра ко мне в прежние годы. Она знает, что я уважаю ее семью. До последнего дня Яков Семенович был сторонником старого режима, как и многие другие отсталые люди в наши дни. Но когда-нибудь в один прекрасный день мы освободимся от подобных идей».

Он обернулся в сторону двери и позвал кого-то: «Ну-ка, Иван, там в углу под скамейкой две бутылки водки, достань их и разлей по стаканам». Когда стаканы были наполнены, он провозгласил тост: «Выпьем за память об умершем, а также за Советскую власть». Некоторые из присутствующих неуверенно подняли стаканы и стали медленно пить. В этом было что-то необычное, чтобы наши сельские мужики такими маленькими глотками, как бы нехотя, пили водку. Какое-то время все сидели молча, кто-то кашлял, кто-то тихонько шептался. Казалось, что каждый обдумывал сказанное, но никто не хотел поддержать разговор, затянутый Савватеем.

Бабушка встала и, тактично переведя разговор на другое, с обычной приветливостью сказала, обращаясь к присутствующим: «Что за поминки без песни и танца! Мой дорогой Яков говоривал, что поминки — это последняя возможность для души усопшего выпить вина, послушать песню и повеселиться. Давайте споем. Андрей, сыграй-ка нам что-нибудь наше, уральское». Начали тихо и неуверенно, словно кон-

фузясь, потом лучшие песенники не выдержали и подхватили в полный голос прятную песню.

Когда все было выпито, люди понемножку стали расходиться. Савватей долго сидел за столом, разговаривая с мужиками. Позже они с Кристиной вышли во двор и долго прогуливались. У них обоих были семьи, но детей не было ни у нее, ни у него. Люди поговаривали, что они оба сожалели о своей несложившейся жизни. Все могло быть иначе, они могли бы быть вместе и иметь детей. Муж Кристины работал на лесозаготовках и уезжал из дома иногда на несколько недель. После похорон дедушки она стала приезжать к нам чаще и жила по неделе и больше... Она и Савватей были хорошими наездниками и часто вдвоем уезжали на лошадях, возбуждая толки и пересуды односельчан. На одной из таких верховых прогулок лошадь Кристины, перепрыгивая через широкую глубокую канаву, упала, придавив Кристину всей своей тяжестью... Кристина умерла через несколько часов. Ее похоронили рядом с дедушкой Яковом.

ГЛАВА 3. С БАБУШКОЙ

Подходила осень 1926 года. Мне уже было почти шесть лет, большую часть времени я проводил с бабушкой Александрой, она была доброй и, как всегда, заботилась обо мне. Старый дядя Микола уделял нам много времени, помогал и всячески поддерживал. Этим семье пришлось много и тяжело работать. Иногда и меня брали в поле, чтобы привыкал помогать старшим, приучался к труду.

Сразу после смерти Якова сельсовет забрал часть лучших наших земель, расположенных близко от деревни и хорошо ухоженных. Взамен мы получили дальние и запущенные малоплодородные участки. Работать на этих полях было трудно, мы вымывались за день и, чтобы не тратить время на дорогу, частенько оставались ночевать в поле. Для меня это были первые ночевки под открытым небом.

Мне нравилось смотреть на огромное ночное небо, разглядывать луну и мерцающие звезды, размышлять и фантазировать, что же там, за этими сверкающими точками. Иногда нас в поле днем или ночью застигала гроза. Вначале издалека доносились ворчание грома, потом небо освещалось яркими молниями, и мне было страшно, что молния вот-вот ударит и расколет землю, и вот наконец начинался сильный дождь... Достаточное количество осадков в середине лета способствовало хорошему урожаю зерна и овощей. Нам хватило зерна, чтобы сдать продналог государству и засыпать закрома.

В первую зиму после смерти дедушки дядя Микола стал моим наставником и учителем. Я сидел рядом с ним возле печки и слушал занимательные рассказы о богатырях, историях о прошлых временах. Он проводил со мной много времени, учил читать и писать. Он говорил мне: «Когда ты сможешь сам читать книги, ты многому научишься, потому что книги написаны очень умными людьми, более умными, чем кто-либо в деревне. И читать ты должен научиться раньше, чем пойдешь в школу, тогда ты и там сможешь многому научиться». К концу этой зимы я уже мог читать и много часов проводил за чтением детских книжек, сидя длинными зимними вечерами перед керосиновой лампой. В этих книгах и детских сказках я открыл целый мир.

В следующем сезоне, от посевной и до жатвы, будучи уже шестилетним мальчиком, я выполнял гораздо больше работ: должен был давать корм нашему единственному коню, по кличке Серко, давать ему корм и ездить на нем во время пахоты и боронования. Когда для меня не было посильной работы в поле, я помогал бабушке на огороде. Летом моей обязанностью было также пасти нашу корову Зою в лугах, в нескольких километрах от деревни.

В селе ходили очень сомнительные слухи, но бабушке хотелось в них верить, что о время гражданской войны Яков зарыл клад с золотыми монетами и драгоценностями где-то в усадьбе. Время от времени мы с Женей и Степаном тщательно осматривали подвалы, погреба, подполье и чердаки в обоих домах и даже искали в амба-

рах и других постройках на территории всей нашей усадьбы. Родственники и близкие соседи внушили нам: «Ищите, обязательно ищите, клад должен быть, он где-то здесь в усадьбе. Яков Семенович наверняка его зарыл».

Все, что мы нашли в результате тщательных поисков, — это несколько золотых и серебряных монет в помещениях и в пригоне, но было очевидно, что это случайно оброненные монеты. Позднее, когда мне было девять лет и я жил один во всей усадьбе, я часто обследовал дома и постройки во дворе, но не для поисков клада. Меня неудержимо притягивали эти стены, в которых мирно и домовито текла жизнь моих предков, чтобы ощутить дух этой былой жизни. И я, одинокий сирота, оставшийся без взрослых несчастный мальчишка, чувствовал невидимое присутствие тех, кто уже «ушел». Эти стены поддерживали и успокаивали меня, давали мне понять, что мои предки — часть меня, они во мне, что я не один. Какое это счастье, когда у человека есть то, что мы называем «отчий дом», и как тяжело и пусто, когда его нет.

Осенью 1927 года мне исполнилось семь лет. Я с нетерпением ждал момента, когда начнется моя новая жизнь, жизнь школьника. И вот этот день наступил. Я встал до восхода солнца, раньше всех, тщательно умылся. Бабушка надела на меня самую лучшую мою одежду: рубашку, штаны, и в первый раз в жизни на меня надели кожаные ботинки, которые раньше принадлежали Жене. Бабушка тщательно причесала мои волосы, накануне вечером подстриженные Степаном. Она придирчиво осмотрела мои уши, руки и ногти и осталась удовлетворена моим внешним видом. Мой первый школьный год прошел незаметно. Так как я уже умел достаточно хорошо писать и читать, учеба в школе была для меня легкой. В школьной библиотеке я брал детские книжки и длинными вечерами читал их, а дядя Никола объяснял мне непонятное.

Бабушка в основном хлопотала по хозяйству и смотрела, чтобы мы не ленились и хорошо работали. Было заметно, что ее покидают духовные и физические силы. Дядя Степан, в то время уже восемнадцатилетний парень, постепенно занимал положение главы семьи. Ему приходилось и официально представлять семью —ходить на собрания в сельский клуб, которые устраивались сельсоветом и продолжались по несколько часов. На этих собраниях выступали местные партийцы или приезжие из Свердловска комиссары. И приезжие комиссары, и газеты молчали о том, что в стране возникла угроза голода, что тут и там в стране возникало недовольство политикой большевиков. Придя домой с собрания, Степан обычно рассказывал нам о том, как все это воспринимает народ. Мужики возмущались, что хваленая партия большевиков — это прожорливое злобное чудовище, задавившее народ. Говорили, конечно, не с трибуны, а между собой, потому что свое мнение высказывать не разрешалось. Не разрешалось иметь что-либо сверх дозволенной нормы, не разрешалось жить и работать так, как хотели крестьяне. Теперь они стали более бесправны, чем до отмены крепостного права.

Лето 1928 года было засушливым, зерновые на полях выглядели очень плохо, все боялись, что год будет неурожайным. Отец Дмитрий получил у сельсовета разрешение устроить крестный ход с иконами и молебном. В нем принимало участие почти все село, и старые, и молодые. Всю следующую неделю люди смотрели на небо в ожидании дождевых туч, но они все не появлялись. Были споры и разговоры о том, что Бог не хочет слушать наши молитвы, потому что он не подчиняется партийным указам. Партийцы говорили, что Бога вообще нет и молитвы — это только пустая трата времени. Спустя две недели устроили большой молебен, на этот раз на площади Революции, между церковью и конторой сельсовета. Во время молебна облеченные властью партийцы тоже присутствовали от начала до конца, но при этом стояли не среди народа, а на веранде конторы. Это не ускользнуло от внимания сельчан, которые не без юмора рассуждали, что вот ведь, когда трудно, когда грозит стихийное бедствие, то поневоле и коммунисты вспоминают о Боге. Правду говорят: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Случилось так, что вскоре и правда прошли дожди.

В эту осень я уже больше помогал Степану и Жене во время уборки урожая.

Сжатое зерно отвозили на гумно за деревней, здесь его молотили артелями. Несколько семей объединялись, помогали друг другу. Вечером после работы хозяева гумна устраивали угощение с выпивкой для всех, кто работал, после застолья все пели песни. Это было хорошее время, когда люди могли помочь друг другу, славно угоститься, пообщаться, обменяться новостями и сплетнями. Но, с другой стороны, это было и время, омраченное тем, что представители сельской власти забирали большую часть урожая. В эту осень сельсовет не смог собрать необходимую норму по продналогу, так как урожай был плохим. После сдачи зерна у крестьян осталось мало, недостаточно для питания, прокорм скота и на семена для будущего года.

Следующей весной сеять было нечего, и они попросили взаймы у государства, но заем прибыл поздно, и следующий год опять был плохим для крестьян. Я начал второй год моей школьной жизни, в котором были и радостные, и горькие события.

ИСТОРИЯ МОЕГО ВОЛКА

Вскоре после начала учебного года дядя Степан с приятелями взяли меня на охоту на волков. Мы преследовали волчью стаю, гнали ее по направлению к реке, когда Степан вдруг крикнул мне: «Саша, скорей сюда, смотри, здесь маленький волчонок!» Он показывал мне на березовую рощицу. Я быстро побежал туда и увидел маленького волчонка. Его задние лапы были схвачены капканом. Он кричал от боли и страха, как будто просил помощи и спасения у своей убегающей стаи. Это был красивый детеныш с густой шерстью, очень похожий на щенка крупной собаки. Мне было очень жалко его, и я стал упрашивать Степана забрать его с собой. Он почесал в затылке и с сомнением ответил: «Хорошенький волчонок вырастет в плохого злого волка. Нельзя брать его домой». Но, увидев отчаяние и мольбу в моих глазах и посмотрев на скулящего волчонка, он согласился: «Ладно, бери его с собой».

Мы сделали ему намордник из тряпки, открыли капкан и перебинтовали его лапы. Я положил волчонка в мешок. Я назвал его Волк. Несколько следующих недель мы с бабушкой кормили его и ухаживали за ним. Понемногу он стал поправляться. Несмотря на то, что мы давали ему пищу, он скалился на нас и все время старался укусить. У него был явно плохой характер. Каждое утро следующего дня характер его понемногу улучшался, и к вечеру он становился добродушным и игривым, почти совсем как домашний щенок. Его лапы заживали, но на одной кость неправильно срослась и осталась искривленной. Он прихрамывал и немного волочил лапу, когда бежал. Он быстро рос на хлебной и молочной пище, только изредка ему доставалась небольшая косточка, так как мяса в нашем рационе было мало. Иногда вечерами я привязывал его на веревку и выводил погулять. Если он видел собаку или кошку, то старался убежать и спрятаться в темное место. Если я слишком подводил его к ним, то он скалился и рычал, шерсть на загривке поднималась торчком, хвост был поджат между ног. Было ясно, что в нем сохранились волчьи инстинкты, и они становились все заметней по мере того, как он подрастал.

Если он видел корову, лошадь, овцу или другое домашнее животное, то, оставаясь на длинной дистанции, ложился на землю, его лапы и голова прижимались — он явно начинал скрадывать животное, выявляя свои охотничьи повадки. К весне он вырос в крупного, почти взрослого волка. Он стал моим другом, охотно позволял гладить себя и подчинялся моим командам. Это был единственный прирученный волк в районе, и друзья приходили к нам посмотреть на него. Но соседи то и дело напоминали мне, что волк всегда остается волком, что он опасен для людей и животных. Они считали, что его надо застрелить, и всячески старались убедить меня в этом. Меня же угнетала мысль, что мне придется расстаться с моим Волком, что его все равно застрелят, когда меня не будет рядом. Я плакал, думал о разных способах его спасения и не раз говорил об этом со Степаном.

Однажды утром мы втроем: Степан, Волк и я — выехали из деревни на телеге. Степан ехал с ружьем за плечами, чтобы все могли видеть это ружье и поняли, что мы хотим сделать с Волком. Мы направились в ту часть леса, где нашли его прошлой

осенью. Я в последний раз погладил моего любимца, попрощался с ним и снял с него ошейник. Он медленно пошел от нас по направлению к лесу, дошел до первых деревьев, огляделся вокруг, повернулся к нам, постоял, как будто ожидал, что и мы последуем за ним, потом своей прихрамывающей походкой засеменил в глубь леса, снова повернулся к нам, выжидая, затем решительно побежал и исчез в чаще.

В следующую зиму я дважды видел моего Волка, и мы узнали друг друга. Оба раза случилось так, что мы с бабушкой проезжали через лес в санях уже затемно, при луне. Как часто бывает в лунные ночи, стая воющих волков бежала чуть впереди нас, на расстоянии ружейного выстрела. Между нами и стаей бежал одинокий волк, который слегка волочил заднюю лапу. Ошибки быть не могло — так бежать мог только мой Волк. Он как будто нарочно бежал ближе к нам, чтобы дать знать, что он узнал нас и помнит. Мы с бабушкой были счастливы увидеть его, а я немножко всплакнул.

Этой же зимой со мной произошла глупая история, которая чуть не стоила мне моей жизни и закончилась так стыдно, что я помню об этом до сего дня. Однажды утром в конце ноября мы с ребятами шли в школу и по дороге остановились возле пожарной части на берегу пруда. Поверхность пруда уже покрылась гладким ледком, и мы не устояли перед соблазном проверить его на прочность. Мы стали медленно и осторожно продвигаться по льду, вначале у самого берега, а потом, осмелев, все дальше. Мне показалось, что лед уже крепкий. Кто-то бросил мне вызов, что я побоюсь перейти на тот берег, и я, глупый, желая доказать свою храбрость и ловкость, стал пробираться дальше, в то время как мои приятели и не думали следовать за мной. Я был уже почти на середине, когда лед неожиданно осел, треснул и, прежде чем я успел сообразить, погрузился в воду, под лед. Мне удалось вынырнуть и, хватаясь за обломки льда, подплыть к кромке и ухватиться за нее. Я хотел закричать и позвать на помощь, но спазм перехватил моё дыхание. Мальчишки побежали к пожарке, стали кричать и звать на помощь. Мне казалось, что окоченевшие руки не выдержат и я камнем пойду на дно.

Через несколько мучительно длинных минут я увидел, что пожарник с веревкой и лестницей бежит к берегу. Он ловко бросил мне конец веревки, положил лестницу плашмя на лед и стал толкать ее в моем направлении. Я ухватился за веревку, он подтянул ее к себе, подталкивая лестницу все ближе ко мне. Крепко держась за веревку, я забрался на лестницу и был вытянут на берег. Старый пожарник дядя Андрей, друг нашей семьи, завел меня в помещение, снянул мокрую одежонку, закутал в одеяло и посадил в тепло, в то время как одежда сохла у печки.

Испуг прошел, я согрелся и, пока все не высохло, мы сидели в тепле и играли с ним в шашки. Через два часа я оделся и побежал в школу. Из рассказов моих друзей учительница уже знала обо всем. Она была очень сердита и стала кричать на меня: «Ты глупый мальчишка! Разве ты не знаешь, что нельзя ходить по тонкому льду? Ведь ты мог погибнуть! Я накажу тебя! Вставай на ящик в угол лицом к стенке и стой, пока не отпущу. Постой и хорошенъко подумай!» Она указала мне на пустой перевернутый ящик, возвышавшийся в переднем углу класса.

Я стоял там больше часа. Мой мочевой пузырь был переполнен, мне ужасно хотелось в уборную, я скрестил и скжали свои ноги, но терпеть больше стало невыносимо. У меня не было смелости и ума, чтобы попросить разрешения выйти. Момент, когда еще можно было спасти положение, уже прошел... Я неожиданно почувствовал блаженное чувство облегчения. И в это же время я услышал, как класс вначале стал хихикать, потом все громче смеялся. Это вернуло меня к реальности. Я почувствовал, что мои штаны стали мокрыми и выскочил из класса.

Дома я все рассказал бабушке. Она крепко обняла меня, погладила по голове и сказала: «Мальчик мой дорогой, ведь ты мог утонуть, и мы потеряли бы тебя навсегда! Слава Богу, что ты жив».

В середине второго школьного года я узнал, что ребятам из моего класса предложили вступить в пионерскую организацию. У пионеров были свои привилегии: летом они могли отдыхать в пионерских лагерях, заниматься там спортом, со време-

нем их принимали в комсомол, а позже — в партию большевиков. Все знали, что это открывает дорогу для получения высшего образования. Иногда мне хотелось, чтобы меня тоже приняли в пионеры, но меня не приглашали, и я не знал, почему. Это было не потому, что я плохо учился или у меня была плохая дисциплина. Мои отметки были самыми высокими в классе и даже в школе. Я чувствовал, что причина была в чем-то другом. Я поделился своими сомнениями с дядей Николаем, и он мне объяснил: «У тебя, Саша, плохое социальное происхождение: ты сын белогвардейца, а не красного, ты внук кулака. Только ты не верь, что дед твой был мицоедом-эксплуататором. Он был богатым потому, что его отец, дед, прадед и все Савины были людьми работающими, трезвыми и хозяйственными. Но ты должен быть готов к тому, что многие двери будут закрыты перед тобой, возможно, надолго».

В ночь накануне Пасхи мы всей семьей по заведенной традиции пошли в церковь на Всенощное бдение. Служба в церкви шла на старославянском языке, и я не понимал, о чем говорит священник. Мои мысли стали рассеянно бродить, потом я стал прислушиваться к голосам молодых людей на улице. Они смеялись, что-то горланили, пели насмешливые частушки о религии и священнослужителях.

Я стоял и размышлял: почему я здесь, в церкви, а не там, с ними. Ведь они мои одноклассники, мое поколение. Верю ли я в Бога? Я был уверен, что существует какая-то высшая сила, которая руководит нами. И в то же время я чувствовал, что я пришел сюда не потому, что у меня была в этом внутренняя потребность, а потому, что рядом со мной бабушка и вся моя семья, я привык к тому, что на Пасху и в другие праздники мы всегда идем в церковь и молимся. Но я понимал, и нам говорили об этом в школе, что традиции и обряды были частью жизни старших поколений, что они уходят в прошлое, что жизнь изменилась и в ней будет еще больше перемен. Но как мне быть в будущем? С кем оно будет связано? С теми людьми, которые на улице, за стенами храма? Могу ли я быть одним из них? Нет, даже если я этого захочу, то партия, их Бог и Хозяин, меня не примет, ибо я пария, я родился в чужом политическом лагере.

В полном замешательстве я приединился к бабушке, взял ее за руку. Монотонные звуки службы, церковного пения и выкрики на улице куда-то отступили. Крепко держась за бабушкину руку, напрягая всю свою внутреннюю силу, интуитивно я понял, что ни партия, ни комсомол, ни отец Димитрий не будут мною руководить и диктовать мне свою волю — я сам себе буду хозяином. А Бог, если он есть, — это дух внутри меня, и я буду зависеть только от него, и он будет руководить мной и даст мне силы и мужество в трудной моей жизни.

Это было духовное озарение, я принял в тот момент очень важное решение, и смущение и неуверенность остались меня. Я пария, я никому в этом мире не нужен, мне не на кого опереться, но я должен выстоять и выжить благодаря духу внутри меня. Когда я рассказал об этих своих мыслях бабушке, она задумалась, потом внимательно и грустно посмотрела на меня и сказала: «Ты еще слишком мал, и, может быть, твои мысли не раз изменятся. Скажу тебе только одно: оставайся в мире с Богом, неважно, как ты его представляешь. Он будет твоим самым надежным пастырем, лучшего быть не может».

После Крестного хода мы возвратились домой и разговлялись за завтраком, наслаждаясь вкусной пиццей после многодневного поста. К обеду приехали наши родственники; среди них был дедушка Влас со своей семьей. Он привез далеко не праздничные новости. Их выселили из деревни Ряпосово, из большого красивого дома, где когда-то жила моя мама. До революции дедушка Влас был богатым человеком, имел скотные дворы и бойню, поставлял мясо в Сухой Лог. Сейчас с женой и двумя сыновьями он жил на выселке, на лесной заимке в семи километрах от деревни. Ему разрешили выехать на праздник в Рудянку с места высылки на три дня по специальному решению сельсовета, который теперь возглавлял его бывший работник. Даже чтобы сходить в родную деревню, требовалось особое разрешение.

Пока взрослые обменивались новостями и рассуждали о надеждах на спасение, о трудностях жизни и перспективах возвращения родных из-за границы, мы, дети,

ходили на площадь смотреть представления приезжих артистов и фокусников, играли в бабки, боролись, качались на качелях, катались на каруселях.

Это была наша последняя Пасха с бабушкой и последняя встреча всех родственников за праздничным столом в доме Савиных. Здоровье бабушки ухудшалось. Через месяц она заболела, у нее начались боли в груди, кашель и удышье. Фельдшер сказал, что ей нужно усиленное диетическое питание и уход врача, чтобы восстановить сильно подорванное здоровье. Ни того, ни другого у нас не было.

Однажды вечером после сильного приступа удышья она умерла. У ее постели до самой ее кончины оставались о. Димитрий, дядя Никола, Степан, Женя и я. Это было в 1929 году. Ее похоронили по церковному обряду, во время отпевания в церкви присутствовали родственники, соседи и многие односельчане. На кладбище мы увидели и председателя сельсовета. Он стоял молча, с опущенной головой, речей не произносил. Хоронили последнюю из того поколения Савиных, с которым была связана и его судьба, он как будто пришел попрощаться со своим прошлым. Позже Савватей подошел к нам и выразил свое соболезнование...

В тот вечер в нашем доме собирались самые близкие родственники и соседи, чтобы помянуть бабушку и поддержать нас в горе. Они принесли с собой поминальные блюда, приготовили чай. За скромной поминальной трапезой шел разговор о жизни бабушки, о ее любви и доброте к своей семье и чужим людям, о ее чуткости, мудрости и такте.

Две недели спустя умер дядя Никола. Старое поколение Савиных ушло из жизни, оставив трех молодых парней одних перед трудной суровой жизнью. Степану в то время был двадцать один год, Жене шел шестнадцатый, мне было восемь лет. Пока бабушка и дядя Никола были с нами, жизнь, какая бы она ни была, шла своим чередом, по заведенному старшим порядку. Теперь мы были в горе и растерянности. Мы не знали, как нам жить дальше, что делать и куда пойти. Другие наши родственники ничем не могли нам помочь, их жизнь была не лучше. Мы решили, что пока у нас нет другого выхода, как оставаться в родном доме и жить как можем. Тем летом мы много и тяжело работали, чтобы вырастить хлеб и овощи и обеспечить себя на зиму. По мере сил и возможностей нам помогали родственники и соседи; но год снова был неурожайный, и мы собрали очень маленький урожай, который сулил нам еще одну полуголодную зиму.

Осенью нам необыкновенно повезло, подвернулся случай, который мы использовали без колебаний и сомнений, хотя очень сильно рисковали, так как совершили преступление перед государством. Получилось так, что в конце октября, в самом начале снегопадов, наши телка и бычок не вернулись с подножного корма на лугах, где обычно ходил молодняк без выпаса с самой весны. Меня послали на поиски, и я два дня искал свою скотину, но нашел только телочку. Пошел густой снег, ничего не было видно, и я вынужден был прекратить поиски. Мы горевали, что потеряли нашего бычка. Но как-то поздно вечером я выскоцил из дома и увидел, что он стоит возле ворот, терпеливо ожидая, когда мы его впустим. Бычок был весь покрыт снегом и почти неразличим в темноте. Я позвал Степана и Женю, мы очень обрадовались, что нашлась наша потеря. Это был неожиданный подарок судьбы.

Тут же впустив бычка во двор, Степан и Женя о чем-то долго шептались и внимательно смотрели в обе стороны улицы. Шел сильный снег, на улице никого не было видно. Они быстро завели бычка в конюшню в самой отдаленной части пригона для скота. Повернувшись ко мне, Степан строго сказал: «Ты этого бычка не видел. Запомни, ты искал его два дня, но не нашел. Он потерялся, и ты его не видел с самой весны, когда ты угнал его на выпас».

К рассвету следующего дня бык был зарезан, а мясо и кости надежно спрятаны под полом в одной из дальних комнат, для чего нам даже понадобилось специально вынуть доски. Шкуру и отбросы мы закопали в дальнем углу пригона. Всю зиму раз в неделю мы ели мясную пищу, готовить которую нам приходилось с большой осторожностью. Нужно было быть осторожными с другими людьми, особенно тогда, когда речь шла о еде. Многие семьи голодали, и у нас было некоторое чувство вины, но мы никогда об этом ни с кем не говорили.

Мне особенно приходилось держать язык за зубами, чтобы не сболтнуть моим приятелям, что иногда мы едим мясо. Я знал, к какой беде это может привести: утывание от государства забоя домашнего скота расценивалось как преступление. Уже четыре семьи были осуждены за подобные проступки. В трех семьях мужчины были отправлены на трудовые исправительные работы, а в четвертой все были высланы из села.

Мы получали от мамы письма, а иногда даже посылки. Она сообщила нам, что граница между Россией и Китаем закрыта и что для поездки требуется виза, получить которую трудно. Она подала прошение на визу, чтобы возвратиться домой, заполнила анкету, на несколько страниц, в которой тщательно выяснялись подробности ее жизни. Это прошение было отправлено в Хабаровск, оттуда пошло в Москву, теперь нужно ждать приблизительно год, чтобы узнать, дали ей разрешение или нет. Позднее она написала нам, что вышла замуж и что сейчас у нас есть отчим Петр Саранин. В этих обстоятельствах она считала, что будет лучше, если мы с Женей приедем к ней в Китай, чем ей возвращаться домой. В ноябре этого года, в мой третий год в школе, я получил незабываемую награду, о которой я вспоминаю с радостью и печалью. На утренней школьной линейке завуч школы Мария Китаева, высокая статная женщина, объявила нам, что теперь ежегодно будет выдаваться награда для ученика с самыми высокими отметками за предыдущий учебный год. В этом году такая награда — хорошо иллюстрированная книга русских народных сказок, и по решению педагогического коллектива она будет вручена Саше Савину. Она привнесла меня по-дойти к ней и получить награду. Это был самый счастливый момент в моей школьной жизни. Хотя я и знал, что мои отметки лучшие, я никак не рассчитывал получить эту награду.

Все утро в школе я всем показывал эту книгу. Я был очень горд, что получил ее. Но радость моя была недолгой. Через несколько часов эта награда привела к горьким событиям, из которых я извлек урок на всю жизнь. После уроков я шел домой веселый и счастливый, предвкушая, как принесу домой свою награду и покажу ее Жене, Степану, соседям. Я нес книгу в руках. Мои обычные попутчики, с которыми я всегда возвращался домой, ушли вперед. Оглянувшись, я увидел позади себя группу мальчишек и девчонок. Они смеялись, гримасничали, хихикали и дразнили меня. Я продолжал шагать. Тогда они стали кричать, что я не заслуживаю этой награды, так как мои родные — враги советской власти. Потом человек пять мальчишек окружили меня и стали забрасывать комьями снега. Снег облепил все мое лицо, насыпался за шиворот, а они гоготали и скакали вокруг меня, стараясь поддать мне побольнее. Потом им это прискутило, они оставили меня и убежали. Я был уязвлен до глубины души. За что они меня так ненавидят? Что я сделал им плохого! Я не мог этого понять.

Обиженный и униженный, я хотел излить кому-нибудь свою душу, мне хотелось прижаться к кому-то и горько выплакаться. Мне так нехватало Якова и бабушки. Мне так хотелось, чтобы моя мама была здесь со мной, она бы обязательно поняла и утешила меня. Но жаловаться было некому. Позднее я понял, что если ты хочешь быть впереди, то всегда рискуешь попасть в неприятность. Мои соученики, в большинстве пионеры, считали, согласно коммунистическим принципам, что никто не должен высываться вперед и становиться лучше других. Каждый должен быть как все — принцип винтиков и колесиков единого механизма. Не понимая таких принципов, я невольно нарушил их.

ГЛАВА 4 ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ

Зима 1929—1930 года была нашей первой самостоятельной зимой. После плохого урожая лета 1929 года мы отчаянно голодали. В доме не оставалось ничего из вещей, которые можно было бы продать. Степан работал возчиком, и, чтобы заработать, иногда ему приходилось выезжать в другие деревни, а то и в Свердловск, но

это нас плохо кормило. Чтобы протянуть самые трудные голодные зимние месяцы. Женя вынужден был идти работать на лесозаготовки.

Иногда Степан и Женя уходили из дома на несколько дней, и я оставался в доме один-одинешенек, предоставленный самому себе. Моя жизнь замирала. Закутавшись в одеяло, я сидел в холодном доме, ожидая возвращения Степана или Жени. Когда холода и голод становились нестерпимыми, я уходил к соседям. По своей доброте, они кормили меня, чем могли. Иногда это был просто кусок хлеба, которому я был рад. Поев, я садился в дальний угол где-нибудь возле теплой печки и слушал разговоры взрослых о том, что их волновало. Когда Степан не был в отъезде, я, чтобы не оставаться в одиночестве, приводился ходить с ним на собрания, которые часто устраивал сельсовет. В том году главной темой разговоров у соседей и на собраниях была коллективизация.

Сопротивление властям принимало на Урале форму отказа вступать в колхоз. Собрания порой перерастали в драки. Иногда в селах вспыхивали бунты с перестрелкой. Местные сельские власти и приезжие ораторы-большевики все делали для того, чтобы крестьяне вступали в колхозы. Они говорили о больших потенциальных возможностях совместного хозяйствования, предсказывали высокие урожаи, увеличение поголовья скота хороших пород, расцвет села и будущее общее благосостояние. Хотя крестьяне были недовольны низкими урожаями последних лет, мало кого убеждала перспектива выгоды колхозной жизни, и желающих записаться в колхоз было мало. Против тех, кто активно сопротивлялся и других агитировал не вступать в колхозы, стали принимать крутые меры. Их объявляли кулаками, лишенцами, в административном порядке конфисковали земли и даже выселяли и отправляли куда-то под надзор МВД. Суровым репрессиям подвергались также те, кто посягал на забой своей собственной скотины. Видимо, комиссары боялись, что перед перспективой насилиственного обобществления крестьяне прирежут весь свой скот и объединять будет нечего.

В марте я увидел один из примеров такой пропагандистской кампании. В селе состоялся общественный суд над Санкой Савиным, нашим далеким родственником, обвиненным в забое своей годовой телки. Обычно такие случаи рассматривались сельсоветом в административном порядке, но на сей раз для острастки населения в деревне был устроен выездной суд, проведенный «тройкой» из районного суда. Этот показательный юридический спектакль проходил в сельском клубе в течение трех вечеров, и я вместе со Степаном ходил на все судебные заседания. Я занимал удобное местечко на большом помосте над входом в зал, откуда все было хорошо видно и слышно, растягивался там на животе, подложив кулаки под подбородком, и внимательно следил за процессом.

Судебное заседание открыл судья. Картинным жестом, указывая пальцем на сухонького невысокого Санко, сидящего на скамье подсудимых, он сказал хорошо поставленным, выразительным голосом: «Здесь сидит преступник! Посмотрите на него внимательно. Это кулак, враг народа». Публика замерла. После короткой паузы он решительно стукнул кулаком по столу и продолжил с пафосом опытного оратора: «Он убил телку! Это преступление! Это акт, направленный против постановления партии, запрещающего забой домашнего скота без разрешения сельсовета». Затем громким и размеренным голосом он сделал длинный доклад о политике партии, о государственных планах по увеличению в стране поголовья скота в течение пятилетки. Он объяснил собравшимся, что помочь осуществлению планов партии может только коллективизация. Возвращаясь к теме судебного заседания, он снова взглянул на поникшего подсудимого и сказал: «Телки вырастают и становятся коровами. И каждая из них принесет несколько телок, которые в свою очередь произведут множество коров. Убийство телки обвиняемым Санко Савиным — это акт саботажа, открытое сопротивление программе коллективизации». Затем он подробно описал преступные действия Санко.

На второй вечер на заседании суда выступил прокурор. Прокомментировав дело с точки зрения закона, он обратился с присутствующим с пламенной обвинитель-

ной речью и закончил свое выступление такими словами: «Товарищи, я хочу спросить у вас, можно ли поверить обвиняемому, что он совершил преступление непреднамеренно, под влиянием эмоций? Я настаиваю на том, что обвиняемый совершил продуманный преступный акт ради своего удовольствия и обжорства. Такое деяние является тяжелым преступлением и заслуживает заключения в трудовых исправительных лагерях сроком на пять лет».

Адвокат начал свою речь с того, что пятилетний план и постановление о колхозификации должны быть законом для всех, и это неоспоримо. Все усилия нужно приложить для достижения этих целей. «Но в данном случае, — обратился он к судье, — у обвиняемого были смягчающие обстоятельства причины: он беспокоился о своей семье. Он отец трех детей, и у всех троих плохое здоровье, особенно у старшего сына Вани, который находится в последней стадии туберкулеза. Детям необходимо лучше питаться, чтобы поправить здоровье. Именно забота отца о детях понудила его к такому противозаконному действию. Прошу также учесть, что обвиняемый позже сделал правдивое признание и осознал свою вину». Он сурово посмотрел в зал и отчетливо произнес: «Все мы понимаем, что в последнее время поголовье скота в нашей стране резко сократилось и необходимо все сделать для его увеличения. Закон должен стоять на страже интересов государства». Потом обратился к судье: «Но, с другой стороны, ни для кого не секрет, что многие в стране недоедают. То, что семья обвиняемого недоедает, его, конечно же, не оправдывает. Но особого внимания заслуживает то, что у него больные дети».

На третий вечер прокурор произнес бойкую речь, повторив основные положения своего обвинения, сделанного в первый вечер. Он снова говорил о высоких целях колхозификации, отверг смягчающие обстоятельства, на которые опирался адвокат, и на этот раз требовал, чтобы обвиняемый был приговорен к двум годам тяжелых исправительных работ вместо пяти, как он требовал вначале. Адвокат опять обратился к судье с просьбой о милосердии к подсудимому ради его больных детей. Судья объявил небольшой перерыв, и все трое покинули зал для совещания.

Присутствующие в напряженном молчании ожидали решения суда. Жена и дети Санко получили разрешение милиционера подойти к обвиняемому. Они плакали, обнявшись, в состоянии полного нервного изнеможения. Никто не сомневался, что его не оправдают. Все сходились к тому, что Санко ждет тюрьма, а сколько лет ему дадут — это зависит от настроения судей и от того, что они хотят внушить крестьянам, какой урок хотят им преподать. Наконец суд возвратился. Обвиняемому было приказано встать и выслушать приговор. Судья сказал: «Обсудив судебное дело и принимая во внимание обстоятельства, при которых было совершено преступление, суд признает гражданина Санко Савина виновным и приговаривает его к двум годам исправительных работ в трудовых лагерях». Сообщение привело всех в состояние потрясения, и люди спешили выйти на улицу. Тяжелое молчание нарушалось лишь рыданиями жены и плачем детей. Выйдя на улицу и подняв голову к небу, старые люди крестились.

На следующий день милиционерский конвой увез Санко на железнодорожную станцию, откуда он был отправлен в один из сибирских лагерей. После года пребывания в тюрьме срок ему был увеличен еще на один год за какое-то нарушение режима. Его жена с помощью родственников одна поднимала детей. Но Ваня умер от туберкулеза. Несколько недель в деревне обсуждали, для чего властям понадобилось устраивать судебный процесс. Все давно уже привыкли к тому, что местные власти без всякого суда и приговора отправляли в лагерь главу семьи или высыпали из села всю семью. А тут — на тебе! Открытый судебный процесс! Это было что-то новое. «Для чего это?» — спрашивали крестьяне друг друга. Большинство пришло к выводу, что судебные власти хотели продемонстрировать, что в стране все решает закон, а не прихоть местных властей.

Однако даже если это и было так, то сельсовет это во внимание не принял. Людей продолжали ссылать и наказывать без всякого суда и без оглядки на законы. После этого суда крестьяне стали очень осторожны, старались не вести никаких лишних

разговоров с чужими. При детях тоже стало опасным говорить об обычных хозяйственных делах. Даже обмен продуктов на промтовары старались вести так, чтобы дети ни о чем не знали. Они могли сболтнуть лишнее приятелям, а потом это могло донестись до властей. Были и факты сознательного доноса детей на родителей, так как на пионерских и комсомольских собраниях постоянно твердили о политической бдительности, о необходимости борьбы с антипартийными настроениями и экономическим саботажем. Ведь не секрет, что многие родители были арестованы и высланы из-за собственных детей. Тем более, что «грешки» перед государством были у многих.

На крестьян продолжали давить, чтобы они вступали в колхозы. После долгого раздумья Степан решил записаться в колхоз и отдать свою землю. После того, как он подписал все официальные бумаги, он стал больше времени заниматься перевозками строительных материалов и товаров между деревнями, в Сухой Лог и Свердловск. После одной из таких поездок в конце марта Степан привез домой барышню, которую звали Пелагея. Он представил ее родным и друзьям как свою невесту, переговорил с о. Димитрием. Начались приготовления к свадьбе. В бане поставили самогонный аппарат и за следующие две недели выгнали множество бутылок самогонки. Пелагея и ее родственницы стряпали, пекли и готовили разные блюда к свадьбе. Согласно местной традиции, перед свадьбой устроили посиделки для молодежи. Вначале в доме собирались девушки и молодые женщины в нарядных праздничных традиционных одеждах, хранившихся с лучших времен. На них были расшитые сарафаны и кофты, на головах нарядные платки с красочными старинными узорами. Приходили с вышивкой, вязанием и другим рукоделием, чинно здоровались, рассаживались по лавкам, начинали работу, вели полагающиеся слушаю разговоры, но вскоре самая голосистая заводила песню, и все подхватывали. Это было сигналом для холостых парней и молодых мужиков, что им уже можно идти на посиделки.

На свадьбе Степана и Пелагеи гуляло около семидесяти гостей. В церковь ехали в сопровождении целой дюжины саней и кошевок, украшенных белыми лентами, бантиками, звонкими колокольчиками. Венчание в церкви, торжественная и несколько длинная церемония, было совершено о. Димитрием. Мы с Женей тоже принимали участие в венчании — держали венцы над головами: я — над Пелагеей (она была меньше ростом), Женя — над Степаном — и трижды обходили вокруг аналоя.

В доме в большой комнате был накрыт стол, уставленный праздничными блюдами. Перед входом в дом новобрачныхсыпали зерно пшеницы, поднесли им свадебный каравай, от которого они отломили по крошечке и съели с солью. В разгар свадебного веселья две женщины отвели жениха и невесту в другой дом, в подклеть, на брачное ложе. По старинному брачному славянскому ритуалу молодым необходимо было начать брачные отношения и установить, девственной ли была невеста. Согласно традиции, если матроны найдут подтверждение девственности невесты, они должны были возвратиться к столу, размахивая красной лентой. Гости поздравляли родителей с чистотой их дочери, после чего празднование в доме жениха продолжалось три дня. После этого свадебный поезд, украшенный красными лентами и звонкими колокольчиками, оповещавшими всю округу о невинности невесты, отправлялся в дом ее родителей, которые принимали гостей. Примерно через полчаса Степан и Пелагея в обнимку, со смущенными улыбками, в сопровождении матрон, размахивающих красными лентами, возвратились к праздничному столу. Все присутствующие были весьма довольны и встретили их тостами. Свадьба продолжалась до глубокой ночи. На следующий день к вечеру свадебный пир был продолжен, а на третий день новобрачные с небольшой группой гостей уехали в Сухой Лог, чтобы продолжить празднование в доме родителей невесты, как того требовал местный обычай.

После женитьбы Степан решил выйти из колхоза. Сейчас наша семья состояла из четырех человек, и ему хотелось попытаться выращивать урожай самостоятельно и вести хозяйство крестьянина-единоличника. Он вышел из колхоза. Женя вернулся домой. В это время началось новое распределение земель, и мы снова потеряли часть наших лучших земель, второй раз за четыре года. Перераспределение было

произведено с явными политическими целями: лучшие и ближние к деревне земли перешли к колхозу. Это вызвало много скандалов и даже драк между соседями и родственниками. Страсти накалились до того, что однажды стреляли в приезжего комиссара, руководившего отводом земель. Стрелявший, шестидесятилетний крестьянин, был осужден на большой срок исправительных работ. Несмотря на потерю лучших земель весной 1930 года, Степан, Пелагея и Женя решили постараться вырастить хороший урожай, чтобы следующей зимой не было недостатка в питании. Они работали не покладая рук от восхода до заката, часто даже не приходили домой, оставаясь на ночлег в поле.

Моей обязанностью было пасти корову Зою, кормить несколько свиней и кур. Ежедневно я выгонял Зою и соседских коров на пастбище в луга, чаще возле реки Рефт. Пока коровы паслись, я приглядывал за ними и рассматривал растения, букашки, небольших зверушек. Не ленился собирать ягоды, грибы и орехи и приносил их домой, чтобы разнообразить нашу скучную диету.

В то лето сгорели два дома на главной улице, недалеко от площади Революции. Говорили, будто бы поджог был сделан деревенским дурачком или религиозным фанатиком. По времени это совпало с большой антирелигиозной компанией. В деревне было несколько пустующих домов, хозяева которых были высланы, но приезжающий комиссар из Сухого Лога приказал, чтобы сожженные дома были вновь отстроены из материала, полученного в результате разрушения двух сельских часовен. В то же время о. Димитрий был выселен из своего церковного дома, а туда были заселены две семьи погорельцев. Этой весной колхоз был уже довольно большим — в него вступила почти половина села. По приказу областных властей в качестве районного эксперимента колхоз засадил поля сахарной свеклой. Не имея достаточного опыта в выращивании сахарной свеклы и оборудования для ее обработки, крестьяне потратили немало трудов. Был получен довольно приличный урожай, и свекла была сложена в погребах одного из пустующих домов.

Этот дом был недалеко от школы, и сладкие корнеплоды вызывали большой интерес у учеников. Мы частенько пребирались в эти погреба и с большим удовольствием ели эту свеклу. Наши набеги на погреба были приостановлены, когда в конце ноября начались морозы и свекла замерзла. Следующей весной, когда свекла растаяла, она превратилась в вонючую слизь. Несколько дней колхозники очищали подвалы от гнили и вывозили ее на свалку.

Урожай этого лета у нас был плохим. Это объясняется тем, что мы со значительной задержкой получили зерно для посева из общественных амбаров: так как урожай прошлого года был плохим и сеять крестьянам было нечего, то государство давало зерно в долг. Другая причина — опять стояла засуха, во второй половине лета дождей почти не было. Но главное — мы получили в надел плохую неплодородную землю.

Степан пришел к заключению, что в таких обстоятельствах быть крестьянином — единоличником совершенно нерезонно, и отдал нашу землю колхозу. Теперь он снова занялся перевозкой продуктов и других грузов для колхоза. Эта работа заставляла его на несколько дней отлучаться из дома. Женя устроился на работу в Сухой Лог и приезжал домой только на выходной день. Осенью, до больших холодов и снега, пока в полях еще оставалась трава, я вставал очень рано, чтобы успеть до школы отогнать коров на пастбище, а к вечеру шел за ними и пригонял в село. За это я получал от соседей 10 копеек в неделю, и иногда они меня кормили. Я помню, как скопил рубль и потратил его на билет в китайский цирк, приехавший в деревню. Этой же осенью в сельском клубе и школьном зале я посмотрел несколько кинофильмов. Денег на билеты у меня не было, и меня впускали при условии, что я буду крутить динамо. В поисках пищи и общества людей я стал при любой возможности ходить на разные праздничные увеселения: на свадебные вечерики и на свадьбы, которые мне разрешалось посещать, потому что я стал деревенским сиротой, как бы общим деревенским мальчиком. Немного скучной пищи мне давали за разные работы, которые я выполнял для соседей: носил дрова и воду, чистил дворы.

В последний, четвертый год моего обучения в школе ежедневно проводились уроки политграмоты. Они проходили в классе, а иногда в спортивном зале или на игровых площадках, потому что это были политические уроки с элементами игры. Проводил их не без педагогического и актерского мастерства энергичный молодой человек Лев Медведев. Он был комсомольским активистом и приехал к нам из Сухого Лога. Он рассказывал нам о событиях гражданской войны, объяснял, за кого воевали красные, за кого — белые.

Зима 1930—1931 года была очень холодной, и я пропустил много уроков. Моя старая одежда, шубенка и шапка, были сплошь покрыты заплатами, но хотя и выглядели ужасно, все же спасали от морозов. Главной проблемой была обувь. Несколько раз я приходил домой с обмороженными пальцами ног, и они долго не заживали. Я очень хотел ходить в школу, но не имел никакой возможности и в сильные морозы вообще не мог никуда выходить. В этом я не был одинок. Многие дети в деревне были в таком же положении.

Были и такие, кому приходилось еще хуже, чем мне. В эту зиму больше двадцати семей были высланы в Сибирь, в какие-то далекие неизвестные места. Никто не знал, куда их увозят под охраной милиции. Обычно их будили ночью, давали на сборы лишь несколько часов и велели быстро грузить все необходимое, что может поместиться в повозку. С этого момента они были под арестом и не имели права ни с кем общаться. Часто можно было видеть, как на телеге или санях, груженных скучными пожитками, сидят маленькие дети, а рядом в сопровождении конвоя со слезами на глазах идут несчастные люди, разбуженные от сна и одним мановением чьей-то злой воли брошенные в неизвестность. Когда они проходили по улицам деревни, это было печальное и устрашающее зрелище. Ни они сами, ни их родные и соседи не знали, почему выбор пал на них. И никто не был застрахован от того, что завтра то же самое не случится с ним и его семьей. Среди отправленных в изгнание были две семьи наших близких соседей, в которых были дети моего возраста, мой школьные друзья. Помню, как их увозили. Я стоял возле ворот усадьбы, плакал, махал им рукой и смотрел, как они уходили из деревни.

Многие дома в деревне стояли пустые, с заколоченными ставнями. Дворы разрушались, зарастали бурьяном. Жить было страшно. Весной 1931 года Степан и Пелагея переехали в Свердловск и только изредка приезжали в деревню. Женя вынужден был работать на стройке в Сухом Логу и приезжал домой только на выходной. Я закончил школу с хорошими отметками и очень хотел учиться дальше. Единственным выходом для меня в то время было бы получение стипендии, которая дала бы мне средства для существования и возможность для проживания и обучения в городе.

Я понимал, что я, хоть и сирота, но не сын красноармейца, поэтому шансов на получение помощи от государства у меня очень мало. Все же я обратился за советом и помощью к директору школы Марии Китаевой. Она помогла мне составить заявление и приложила письмо о том, что я был лучшим учеником школы и за четыре года в школе показал блестящие способности к учебе. Заявление было отправлено в соответствующие инстанции, и я стал ждать решения моей судьбы. Все лето я работал: пас коров восьми соседских семей, выгонял их рано утром на пастбище и пригонял к вечерней дойке. За это каждый вечер меня по очереди кормили в разных домах и выдавали по куску хлеба, который был моей пищей на следующий день. Нашу корову доила Агния Брылякова, высланная в нашу деревню с сыном Игорем откуда-то из европейской части России. Своей коровы у них не было, и за то, что они пользовались молоком от нашей коровы, она давала мне немного денег и одежду Игоря, из которой он уже вырос.

День на пастбище проходил быстро, обычно в компании двух-трех таких же сельских пастушков. В компании моих приятелей моя работа не была мне в тягость. Страшны были для меня ночи, которые я проводил в одиночестве в заброшенной усадьбе и опустевшем доме. В зависимости от погоды, я спал в разных комнатах. Бури с дождями, гром и молнии бывают на Урале очень сильными, летом 1931 года они

были особенно яростными. Мне казалось, что от грохота грома мои барабанные перепонки лопнут, блеск молний, озарявший комнату ярким светом, пугал и ослеплял меня. Старый дом стонал и скрипел от бушующей погоды. Мне было страшно, что он не выдержит удара грома и рухнет. В такие ночи я прятался в погребе, плача и дрожа от одиночества и страха перед бушующей стихией, пока не засыпал.

Однажды придя домой из Сухого Лога, Женя рассказал мне, что он ходил в отдел народного образования узнать о решении по моему заявлению. Ему сказали, что в прошении о стипендии мне отказано. Все мои надежды и мечты получить образование рухнули, я понимал, что без этого у меня нет никакого будущего. Что ждало меня в жизни? Кому я был нужен? У меня не было родителей, я был сирота, не нужный обществу и отверженный из-за своего социального положения. Ничего в этой жизни от меня не зависело, я ни на что не мог рассчитывать. Мне нужно было обязательно с кем-то об этом поговорить. Я находил утешение в разговорах с Агнией, когда вечерами она приходила доить Зою. Она советовала нам с Женей уехать в Китай, к маме. Мы и сами всегда мечтали об этом. Сейчас нам стало понятно, что маме нельзя возвращаться сюда, ехать к ней должны мы сами. Для этого нам нужно было во что бы то ни стало добраться до Владивостока. В августе мама переслала нам деньги на дорогу. Степан и Пелагея приехали к нам на несколько дней, чтобы попрощаться. Наш самый старый родственник в деревне, восьмидесятилетний Федор Савин, до революции работавший на железной дороге, дал нам советы перед длинным и опасным путешествием.

ГЛАВА 5 ЧЕРЕЗ СИБИРЬ ВО ВЛАДИВОСТОК

В день отъезда, перед далекой дорогой, мы встали очень рано, до восхода солнца, скрутили одеяла так, чтобы их можно было нести на плече, проверили наши котомки, в которых заранее была уложена теплая одежда, белье, ложки, ножи и другие самые необходимые в дороге вещи. Наша поклажа была достаточно легкой, чтобы нести ее на себе, даже если придется идти довольно долго. Покидая дом, мы решили взять с собой тяжелую старинную семейную Библию в кожаном тисненом переплете и дневник дедушки Якова.

Перед тем, как отправиться во Владивосток, нам нужно было повидаться и попрощаться с дедушкой по маминой линии Власом Шемякиным и его семьей, у которых мы планировали остановиться на одну ночь. Мы наняли нашего соседа, шестидесятилетнего Митю Макарова, который хорошо знал местные дороги, чтобы он отвез нас к дедушке, а потом до станции Камышлов. В ожидании, когда он заедет за нами, мы с Женей в последний раз обошли всю усадьбу и еще раз осмотрели здания, двор и огород. Я шел за Женей на некотором расстоянии, а потом вышел на улицу и пошел к высокому берегу реки Пышмы. Я долго стоял там и думал о соснах, березах в лесу, смотрел на холмы, на красную крышу мельницы вдали. Было раннее яркое солнечное утро. На той стороне реки виднелись люди на телегах, они ехали на полевые работы, о чем-то мирно беседовали и смеялись. Их голоса в ранней утренней тишине доносились через реку до высокого берега, где я стоял. Картина, которую я видел, была для меня родной и знакомой с малых лет. В последнее время я не раз стоял здесь и смотрел на восход солнца, в ту сторону, где живет мама.

В задумчивости я пошел обратно к дому. Дойдя до угла улиц Ленинской и Пролетарской, я остановился и долго смотрел на фасад дома Савиных, моего родного гнезда, стараясь запечатлеть его в своей памяти. Серые стены дома, в котором жили мой отец и мать, светлые стены большого дома дедушки Якова, в котором я вырос, большие арочные ворота между двумя домами, длинное кирпичное здание, ряд высоких тополей перед фасадом, группа берез, рябин, заросли черемухи по обеим сторонам усадьбы. Здесь прошло мое детство, наполненное любовью, теплотой и заботой Якова и Александры. Я вспомнил предсказание старца об усадьбе: «Все погибнет в огне и гнили». Значит, я больше никогда уже ничего этого не увижу...

Мы отправимся с Женей туда, где живет мама, куда на зиму улетают птицы. Я так давно об этом мечтал, но сейчас, когда мы должны были через несколько минут покинуть дом, у меня не было чувства радости. Куда мы летим из родного гнезда? Что ждет нас там, в чужих странах? Меня охватило чувство страха перед неизвестным, в которое мы отправлялись. Было грустно. Уезжать уже не хотелось. Звук подъезжающих дрожек вывел меня из печальной задумчивости. Мы с Женей взяли котомки и вышли на улицу через маленькую калитку в сопровождении Жука, беспокойно крутившегося возле наших ног. Мы несколько минут молча постояли у ворот, потом сели в дрожки.

Наш возница был словоохотлив, видно было, что он рад этой двухдневной поездке. Мы направились на паромную переправу через реку Пышму. Жук присталился между нами, приближался момент нашего расставания с ним возле парома. Мы гладили его и говорили: «Жук, хорошая собачка, все будет хорошо, ты найдешь себе другого хозяина, он будет кормить тебя. А уж если не найдешь, тебе придется самому позаботиться о своем пропитании. Бедный песик, прости нас, но мы ничего не можем с этим поделать». На пароме мы вышли из дрожек, чтобы помочь паромщику тянуть канат. Паром медленно двинулся. Мы были почти в двухстах метрах от берега, когда Женя, как мы заранее договорились, поднял Жука, понес его к корме парома и осторожно опустил в воду. Жук делал отчаянные усилия плыть за нами, но расстояние все увеличивалось, тогда он развернулся и поплыл к берегу. Я печально смотрел на него, из глаз текли слезы. Женя подошел, приобнял меня и прошептал на ухо: «Саша, поплачь, если ты хочешь, но в этом нет никакой нужды. Все будет в порядке, через час, как и мы, он начнет новую жизнь. Он выплынет к своему берегу, а мы к своему». Было видно, как Жук доплыл до берега, стряхнул с себя воду, стал лаять в нашу сторону, потом сел и долго наблюдал, как мы переправились на другой берег. Вскоре нам было видно только темное пятно на том берегу реки.

Потом мы долго ехали по лесным дорогам, мимо темных густых ельников и светлых березовых рощ, мимо холмов, вброд переезжали мелкие речушки, потом дорога пошла через просторные луга и поспевающие хлебные поля. К полудню мы приехали в деревню Ряпосово и спросили, как проехать к заимке Шемякина. Дедушка, его вторая жена Нина и двое их сыновей, Коля и Федя, жили теперь в десяти километрах от деревни в бывшей пастушеской хижине, когда-то принадлежавшей Власу. Дедушки дома не было, нас очень тепло встретили Нина и ребятишки. Мы знали по рассказам домашних, что первый муж Нины был расстрелян красными во время гражданской войны. Нина рассказала нам о их житье-бытье. «Дедушка очень рад будет видеть вас, он не раз хотел съездить к вам, но ему запрещено выезжать отсюда на расстояние больше десяти километров». Она показала на небольшое местечко, огороженное возле берез, и сказала: «Там мы приготовили место для наших могил, только там мы найдем свободу от большевиков». Нина немножко помолчала и грустно продолжила: «Дедушка работает по найму у местных крестьян-единоличников. Сейчас жатва, и он помогает, ему платят поденно зерном и мукой».

К заходу солнца мы издали увидели худощавую и чуть согнутую высокую фигуру дедушки Власа, медленно приближающуюся к дому. В старой заплатанной одежде, в лаптях, с котомкой через плечо, в которой лежали коврига хлеба, соль и немного сахара в кульке из газеты — все, что он заработал за день. Мы не видели его около трех лет. Он сильно постарел, выглядел усталым и заметно похудевшим по сравнению с тем, каким он был. Все мы всплакнули от радости встречи, а потом начали разговор о нашем решении ехать на восток и попытаться добраться до мамы и дяди Павла. Дедушка одобрил наше решение. Он понимал, что ничего хорошего в родной деревне нас не ждет; у нас не было никаких перспектив, а сам он ничем был не в силах помочь нам. Он грустно наказывал: «Когда вы увидите моего первенца Павла и мою дочь Анну, скажите им, что я люблю их и очень без них скучаю. Плохо, что мы не вместе и не можем помочь друг другу. Но здесь им сейчас делать нечего. Россия теперь не та. Расскажите им, что сейчас я лишен всех гражданских прав, что моя семья бедствует вместе со мною. Ждать помощи неоткуда. Единственный из оста-

вавшихся в деревне близких родственников Николай Шемякин с семьей выслан на поселение куда-то около Томска. Члены сельсовета, один из них был моим работником — Генко Широкоротов, Павел помнит его, обращаются со мной очень жестоко. Даже люди понимают, что это несправедливо. Но сельсоветчики говорят, что выполняют линию партии, направленную на уничтожение кулачества как класса».

За разговорами мы просидели почти до полуночи. На следующее утро мы сидели за столом, склоненным дедушкой, и, согласно семейной традиции, читали молитвы. Потом Влас снял с божницы старинную семейную икону, которой когда-то перед его женитьбой родители благословили его и нашу бабушку. Эта икона была единственным, что дедушке разрешили забрать, когда его с женой и маленькими детьми выгнали из родного дома. По семейной традиции она после смерти дедушки должна была перейти к его старшему сыну.

Держа икону над нашими головами, он дал нам благословение на благополучную дорогу и счастливое соединение с родителями. Слезы бежали по нашим щекам, когда мы садились в дрожки. Дедушка снова заговорил: «Когда вы встретите Павла и Анну в Китае, скажите им, что жить мне осталось недолго, я никогда больше их не увижу. Но я часто вижу их во сне, как будто они маленькие дети и мы по-прежнему счастливо живем в нашем доме».

Всю дорогу до Камышлова мы с Женей ехали в угрюмом молчании. Митя всячески старался утешить нас. Он говорил рассудительно: «Все равно вы ничем не можете помочь вашему дедушке и что-нибудь изменить, это не в вашей власти. Да, власть нынче у комиссаров. У партии грандиозные планы — осчастливить все человечество в прекрасном и свободном будущем. Но дать людям возможность сегодня жить так, как они хотят, и быть свободными и счастливыми — это не входит в планы партии». Женя угрюмо соглашался: «Да, насмотрелся я на стройке и на лесозаготовках — творят, что хотят. Люди голодают, мерзнут, но жаловаться и протестовать не решаются. Они, как рабы, выполняют все приказания «народной власти».

На прощание перед Камышловом Митя наказывал нам: «В дороге будьте осторожны, от вагона на станциях далеко не отходите. Сибирь — это вам не шуточки, это места осторожные, опасные. Будьте осторожны. Ну, счастья вам, ребятки, и удачи в пути. Да хранит вас Господь!»

На станции кассир после проверки документов, удостоверяющих наши личности, продал нам билеты только до Омска. Мы решили немного размяться, походили по платформе, купили у торговки колбасы и ломоть хлеба, а потом сели на скамейке в маленьком зале ожидания, чтобы поесть и скоротать время до прибытия вечернего поезда. Вскоре к нам подошел молодой милиционер и потребовал предъявить документы. Женя достал наши метрики, он долго их рассматривал и заявил, что они недействительны и что мы едем без необходимых бумаг, поэтому должны пройти с ним в отделение милиции.

Мы решили, что это конец нашему путешествию. Прохожие с любопытством смотрели на такую сцену. Впереди шли мы, двое перепуганных типичных деревенских мальчишек в старой золотанной одежде, в теплых зимних шапках, с котомками за плечами, а сзади страж порядка в голубой шинели, в новых сапогах и с наганом в кобуре на правом боку. В отделении милиции он ввел нас в маленькую комнату и ушел, закрыв двери на ключ. Через несколько минут тревожного ожидания он вернулся за нами и провел в большую комнату, где за большим столом сидел пожилой милиционер, изучая наши бумаги. Мы робко стояли перед столом, не зная, что с нами будет, и не решаясь что-либо сказать. Пожилой встал из-за стола, повернулся к молодому и сердито заговорил: «Я не знаю, чего ты в них такого нашел, чтобы тащить в милицию. Это обычные церковные метрики, выписки из книги о крещении. И если ты не знаешь таких элементарных вещей, тебе нечего делать в милиции, долго ты здесь не пробудешь, уж это я тебе обещаю. Ты дурак и недоучка, тебя нужно крепко напинать в задницу, чтобы ты не тащил сюда кого попало».

Он обошел вокруг стола и протянул нам документы со словами: «У вас правильные документы. Идите на станцию и спокойно ждите прихода вашего поезда, вре-

мени у вас еще много в запасе. Но если вас опять задержит такой же усердный дурак, сделайте мне одолжение и пните его в задницу. А впрочем, нет, чему это я вас учу, не вздумайте этого делать. Тогда у него будут все законные основания, чтобы арестовать и привлечь вас к ответственности».

По дороге на станцию мы не знали, что и думать о милиции. Одно было ясно, что надо держаться от них подальше. Поздно вечером мы сели в вагон, нашли свободные полки, крепко привязали котомки к рукам, положили их под голову и легли спать. На следующее утро мы приехали в Тюмень. В здании вокзала и на платформе было непривычно много для нас людей разного возраста, бойкие продавцы торговали пирожками, колбасой, молоком и чаем.

Поезд шел очень медленно, на некоторых станциях остановки в ожидании встречного состава занимали иногда по два-три часа. Пассажиры рассуждали, что сейчас поезда на магистрали ходят не лучше, чем после войны, девять лет назад.

На следующее утро проводник разбудил всех рано — мы подъезжали к Омску, одному из главных сибирских городов. Из окон вагона было видно, что это большой город с множеством многоэтажных красивых зданий, таких мы раньше никогда не видали. На станции было много народа. Люди лежали на лавках, на полу и даже на столах. Казалось, что некоторые обитают здесь давно, может быть, даже несколько недель, используя вокзал как временное пристанище или гостиницу. Было душно, пахло едой и человеческим потом. Среди взрослых было много детей, некоторые моего возраста. Одни были с родителями, а другие явно были бездомными сорванцами, они вели себя шумно, бегали, устраивали игры и драки.

Мы купили билеты на поезд до Владивостока. Времени до отправления было много, и мы решили осмотреть город и побывать в центре. Это был в моей жизни первый большой город, который я увидел. Мы удивлялись, какие здесь широкие улицы, какие высокие здания, как много магазинов. По улицам сновали дрожжи, грузовые телеги с высокими бортами, катили велосипеды и даже автомобили, было очень много куда-то спешащих людей. Мы гуляли около трех часов и удалились от вокзала на большое расстояние, поэтому решили нанять повозку, чтобы вернуться на вокзал. Кучер, глядя на нашу крестьянскую одежду и слушая наши восторженные разговоры о городских достопримечательностях, сказал, что он тоже родом из деревни, не подалеку от Омска, а сейчас работает в городе.

Узнав, что мы из деревни недалеко от Свердловска, он оживился: «О, я был в ваших краях во время гражданской войны, когда там стояли части адмирала Колчака...» Мы сказали, что наш отец тоже воевал в армии Колчака, был ранен и лежал в госпитале здесь, в Омске. Кучер показывал нам здания, разрушенные или сожженные десять лет назад, во время жарких боев армии Колчака с красными, и говорил, что пройдет еще немало времени, прежде чем их восстановят. «Но кто восстановит семьи, кто вернет убитых и расстрелянных? Вы, конечно, знаете, а впрочем, откуда вы можете знать... Моя сестра Мария, вольнодумка с детства, социалистка, ... она никогда никого не слушала... Она была арестована белыми и в конце концов расстреляна вместе со своими... Они были расстреляны как раз в то время, когда я драился с белыми возле Екатеринбурга, в ваших местах... Помню, как мы драились за город, мы его взяли, но было слишком поздно... Если бы на три дня раньше, мы бы спасли Николая и его семью. Возможно, тогда бы вся история пошла по другому руслу... Революция... Я спрашиваю себя, что она нам дала, что она сделала для меня, простого русского деревенского мужика. Да, конечно, я драился на стороне, которая проиграла, и я заплатил за это дорогой ценой».

Он опустил голову, потом посмотрел вокруг и добавил: «Не думайте, что я говорю об этом с кем попало. Но иногда, когда я встречаю людей, которые меня понимают, я изливаю душу. Я, как собака, срываюсь с цепи... Да, именно как собака... Знаю, как себя чувствует такая собака, потому что я сам на цепи много лет». Какое-то время он задумчиво молчал, потом внимательно оглядел нас и продолжил совсем в другом тоне: «Кстати, о собаках. Вы обратили внимание, что их сейчас на улице почти не встретишь? Собаки, кошки, лошади и даже люди идут сейчас на фарш для пирож-

ков и колбасы. В городе много мясников, которые подпольно вырабатывают такую продукцию. Они покупают и подбирают все, что движется на четырех и даже на двух ногах... Вы люди доверчивые, неопытные. Будьте осторожны, не заходите ни в какие дворы, особенно на окраинах города. Вы зайдете туда, а обратно можете не выйти, иначе как только колбасой. Сейчас бесследно исчезают дети и даже взрослые. Да и с продуктами на перронах будьте осмотрительны, не берите что попало».

Мы вернулись на вокзал до отхода поезда. Наши билеты были в общем вагоне. Поезд двинулся, и мы смотрели на мелькающие дома, потом пошли пригород, деревни, замелькали поля. Пассажиры достали дорожные припасы, тихо разговаривали и закусывали, глядя на мелькающие за окном пейзажи. Позже к вечеру все уже чувствовали себя знакомыми, образовались компании с выпивкой, люди громко разговаривали, спорили и даже пели песни. Для нас это был очень длинный и утомительный день. Мы залезли на самые верхние полки, привычно привязали котомки к рукам и крепко уснули.

На следующее утро мы прибыли в Новосибирск, главный город Сибири. По вагонам проходили люди в форме ГПУ и проверяли документы у всех пассажиров. Некоторым было приказано взять с собой багаж и выйти из вагона для выяснения. Наши метрики долго рассматривали и даже спрашивали, что они означают, но к нашему облегчению, все обошлось. Стоянка была большой, и пассажиры выходили из вагона. Проводник, добрый пожилой человек, наказал нам не оставлять вещи без присмотра. Он сказал, что на всей магистрали полно жуликов.

Принимая во внимание его совет, мы с Женей по очереди выходили на платформу прогуляться, купить что-нибудь из съестного и просто поглазеть на пассажиров. Вскоре мы с Женей могли убедиться в том, что проводник не зря предупреждал нас, что с вещей нельзя спускать глаз. Мы стали свидетелями кражи багажа у пожилой супружеской пары в нашем вагоне. Когда поезд пошел дальше, к Красноярску, мы увидели, как по длинному проходу в вагоне бегут двое молодых парней. Они как будто что-то весело кричали друг другу на бегу, и мы думали, что они балуются, но в это время ограбленные пассажиры закричали: «Держите их, держите! Ловите их! Они украли наши чемоданы!» Женя пытался их догнать, но безуспешно.

После этого в вагоне было много разговоров на эту тему. Рассказывали, что на магистрали ловко орудуют уголовники. Во время коротких остановок они стараются незаметно для проводников небольшой группой в два-три человека проникнуть в поезд. Потом по одному они ходят по вагонам, изучая опытным взглядом пассажиров и их багаж, там и здесь садятся, заводят знакомства, а потом, когда поезд начинает сбавлять скорость перед следующей станцией, хватают вещи, которые облюбовали, быстро бегут в тамбур и выпрыгивают из поезда. Это занимает буквально несколько секунд. И пока хозяин, опомнившись от неожиданности, пытается поймать вора или кричит о помощи, тот находится уже в нескольких километрах от поезда..

Мы уже знали многих людей в вагоне, с некоторыми познакомились ближе, с семьей Хлебко подружились. Родом они были с Украины и ехали в Читу, где глава семьи должен был преподавать в техническом институте. У них было семья детей в возрасте от двух до шестнадцати лет. Жена Хлебко буквально не спускала с них глаз, особенно с младших детей, она была напугана рассказами о случаях, когда будто бы детей крали «на колбасу», и жаловалась нам, что от беспокойства за детей не может спать ночами, поэтому мы с Женей помогали ей смотреть за ними, особенно на стоянках.

На некоторых станциях мы видели товарные вагоны, сопровождаемые охраной в форме ГПУ. Окна вагонов были зарешечены, а в некоторых вагонах окон вообще не было. Через приоткрытые двери видно было, что вагоны переполнены людьми — мужчинами, женщинами и детьми, сидящими и лежащими на соломе. Хлебко-отец объяснил нам, что это везут заключенных в трудовые лагеря или ссылочных к месту принудительного поселения.

После Иркутска поезд шел в юго-восточном направлении через скучные однообразные ландшафты, но ближе к Байкалу картина стала меняться. Горы плавно пе-

реки в распадки, поросшие густыми лесами, все вокруг стало неуловимо величественным, строгим и прекрасным. Картины за окном нас притягивали и вдохновляли. Хотелось смотреть и смотреть на эту неизъяснимую красоту. Поезд медленно двигался вдоль южной части озера — огромной чаши воды, окруженной горами со снежными вершинами. Вода отражала вершины гор, бревенчатые дома на берегу, украшенные затейливой резьбой. Это была сказочная картина, от которой мы не могли оторвать глаз.

Впереди была Чита, и когда мы подъезжали к ней, все было засыпано чистым, недавно выпавшим снегом — явление, как нам сказали, необычное здесь для этого времени года. Из-за обильного снегопада был сильный занос железнодорожного полотна, поезд шел тихо, с частыми остановками, поэтому мы прибыли в Читу с опозданием на несколько часов. После привычной проверки документов и билетов нам всем было приказано выйти из вагонов и ожидать в здании вокзала до следующего дня. Наш поезд должен был уйти и забрать пассажиров с места аварии, которая случилась прошлой ночью восточнее от Читы.

Как и большинство пассажиров четвертого класса, мы нашли местечко в зале ожидания и стали ждать. Тепло в зале в течение ночи поддерживали две печи. На следующее утро объявили, что поезд задержится еще на сутки. Питались мы вполне сносно, не голодали. Еду обычно покупали на платформе, не особенно думая о том, какое мясо было в пирожках и колбасе, есть что-то все равно было необходимо, другой еды не было. Страдали мы от вшей, с каждым днем они доставляли нам все больше мучений, и терпеть дальше было просто невозможно. Поэтому, воспользовавшись неожиданной стоянкой в пути, мы сходили в общественную баню, помылись, обработали паром и постирали белье и одежду.

В эту ночь мы спали очень хорошо, так как вши нас не беспокоили, и проснулись довольно поздно. Мы же очень торопились, так как думали, что поезд тронется через полчаса, но вдруг услышали, что он дал три гудка и стал медленно набирать ход. Мы побежали вдоль платформы, догоняя поезд, а он все больше набирал скорость. Мы побежали так быстро, как только могли с нашими котомками, я едва успел вскочить на подножку и ухватиться за поручни предпоследнего вагона, а Женя вскочил в последний. Ноги подкашивались от пережитого напряжения, когда мы добрались до своих мест.

Большую часть пути до Хабаровска поезд шел недалеко от границы с Китаем, и мы, приникнув к окну вагона, жадно смотрели туда, направо, все наши мысли были там, ведь где-то совсем уже недалеко была наша мама. В некоторых местах поезд шел от границы километрах в пятидесяти — на расстоянии, которое, казалось бы, можно легко пройти пешком. Но на каждой станции и вдоль всей дороги видны были пограничники.

Я зажмурил глаза и вспомнил свои детские грезы: вместе с осенними птицами я поднимаюсь высоко в небо и лечу туда на восток, к маме. Почему у людей нет крыльев! Какое это было бы счастье — лететь куда хочешь... По какому-то странному совпадению мы прибыли в Хабаровск 9 сентября. Был день моего рождения.

В этом городе умер и похоронен наш отец, отсюда в Китай выехала мама... Как и на всех больших станциях, в Хабаровске было много людей, но здесь мы заметили свою местную специфику: было много нерусских людей, одетых в необычные одежды — это были представители малых народностей, встречались китайцы, корейцы, монголы.

Следующая ночь в поезде была последней, мы приближались к месту нашего назначения, Владивостоку. Дорога шла вдоль реки Уссури, которая служила границей между Россией и Китаем. Климат становился теплее, ландшафт менялся с каждым часом движения поезда. Мы разглядывали небольшие поселки и пригород из открытого окна медленно идущего поезда и вдруг увидели часть залива. Море! Я видел его первый раз. В воздухе явственно ощущались запах моря и легкая влажность. Приморский воздух был совсем иным, чем на Урале. Была вторая неделя сентября, но было очень тепло и солнечно.

Приехали... Мы были возбуждены и взволнованы. Поезд прибыл на станцию во второй половине дня. С котомками и свернутыми одеялами на плечах мы быстро поднялись с платформы по виадуку и через здание вокзала вышли на улицу. Стоя на ступеньках вокзального крыльца, мы разглядывали привокзальную площадь, над которой возвышалась большая статуя Ленина. Он смотрел на вокзал и как бы приветствовал приезжающих. На другой стороне площади стояли высокие солидные здания, в которых размещались учреждения, конторы. Справа был небольшой сквер, огороженный оградой из кирпича и чугуна.

Мы наблюдали, как разъезжаются пассажиры: кто нанимал дрожки, кто договаривался с корейцами-носильщиками, и они забирали багаж, водрузив его на специальные приспособления для переноски грузов — рогульки. Важные пассажиры мягкого вагона усаживались в конные экипажи, а некоторые даже уехали на автомобилях.

Увы, нам некуда было идти, у нас не было в городе знакомых. Но тем не менее у нас было хорошее чувство облегчения: мы закончили первую и, как мы думали, самую важную и трудную часть нашей поездки. Нужно было как-то действовать. Мы обошли привокзальную площадь, немного постояли там, наслаждаясь теплыми лучами солнца и приятным ощущением, что под ногами у нас твердая почва, а не качающийся, бегущий пол вагона. Потом обследовали сквер за чугунной оградой, там росли высокие деревья, стояли скамейки, на них сидели люди. Затем мы немного походили по ближайшим улицам, прилегающим к вокзалу, рассматривая дома, проезжающие автомобили, грузовики и конные экипажи, удивляясь, как много здесь людей в красивой морской форме, какую в сухопутных городах мы видели очень редко. Было очень много нарядно одетых людей, но были такие же, как мы, одетые в крестьянскую одежду, ничуть не лучше нашей. Вскоре мы вернулись на вокзал. Мы устали, хотели есть и пить. Но главное, нам надо было определиться, где мы будем жить, где будем ночевать в ближайшую ночь.

В вокзальном буфете мы решили поспрашивать, где можно снять комнату. Человек за буфетной стойкой, видя нашу наивность и нашу бедную деревенскую одежду, сказал: «Вам будет очень трудно найти жилье. Конечно, в городе есть гостиницы и комнаты для приезжих, но это в основном для командировочных, да и стоит это недешево. Вы как будто не из такой категории. Можно получить место в общежитии, но для этого старшему из вас надо устроиться на работу и подать заявление на получение жилплощади в городской жилотдел». Мы спросили его относительно частного жилища в какой-нибудь семье, но он только махнул рукой, давая понять, что разговаривать на эту тему бессмысленно.

Поели мы в привокзальном кафетерии, заказав по тарелке борща и по три куска хлеба на каждого. Нам не оставалось ничего другого, как пойти и лечь в одном из вокзальных залов среди таких же бездомных людей. Мы нашли укромное местечко в углу на полу, крепко привязали свои котомки к рукам, положили их под голову вместо подушек, закутались в одеяла и крепко уснули.

ГЛАВА 6 ЖИЗНЬ В ОПАСНОСТИ

Утром мы проснулись от шума — два милиционера бегали за оборванцами возраста пятнадцати-шестнадцати лет. Парни, сбившись в кучу, толкались, отбивались от милиционеров, пытаясь прорваться к маленькой боковой двери, ведущей на платформу. Один из них споткнулся, упал и был пойман милиционером, который крепко держал его за волосы. Парень орал и вырывался, потом ловко извернулся, пнул одного из милиционеров в ногу, схватил за руку другого и вцепился в нее зубами. От испуга и боли милиционер закричал, потом стал высасывать рану на окровавленной руке. Другой страж порядка быстро распахнул дверь, ловким сильным пинком свалил оборванца, и тот упал вниз лицом на каменный пол.

Когда инцидент с беспризорниками был исчерпан, двое милиционеров начали

проверку документов у остальных, ночевавших в зале. Они долго рассматривали наши метрики, не зная, что с ними делать. У меня колотилось сердце — я боялся, что нас заберут в милицию. Но Женя набрался храбрости и объяснил им, что мы приехали из уральской деревни, где документы все еще выдаются церковью, а не милицией. Они оставили нас в покое. Мы свернули одеяла, надели котомки на плечи и пошли в буфет. После скромного завтрака мы отправились в город поискать жилье на несколько дней, пока оформим документы и уедем в Китай. Центральная улица города, Ленинская, которую большинство жителей по старой привычке называло Светланской, была в нескольких минутах ходьбы от вокзала. Это была очень длинная и достаточно широкая улица, которая тянулась с востока на запад параллельно бухте Золотой Рог. С одной стороны ее подпирали довольно крутые сопки, другой она ниспадала к морю. Улица была застроена красивыми большими домами, в которых, сразу было видно, находились многочисленные государственные учреждения и конторы.

Первым делом мы разыскали почтамт, и Женя сразу написал и отправил письмо в Харбин нашим родным. Он сообщил, что мы благополучно добрались до Владивостока и намерены в ближайшее время подавать прошение на визу в Китай, а пока нам можно писать на центральный почтамт. Потом мы разыскали городской жилотдел и обратились к чиновнику, сидевшему за перегородкой, с просьбой помочь нам устроиться с жильем. Он объяснил, что жилья нам не полагается, так как мы не работаем. Посмотрев на нас, он неуверенно посоветовал: «Постарайтесь устроиться в частном доме, лучше всего у родственников или знакомых, потому что чужим здесь не доверяют, даже таким, как вы, честным на вид, деревенским парням».

Мы с Женей просмотрели местные газеты, но объявлений о сдаче комнат ни в одной не было. Продавщица из газетного кiosка объяснила нам, что газеты не помещают частные объявления и что единственный способ найти частное жилье — спрашивать где-нибудь в пригороде или на окраине.

Мы были настолько наивны, что еще долго бродили по улице, читали всевозможные объявления, но только не о сдаче жилья. Наконец, мы поняли всю бесплодность такого занятия и решили, не теряя больше времени, срочно подавать прошение на визу о поездке в Китай. Мы стали расспрашивать прохожих и даже двух кiosкеров, где можно получить разрешение на поездку за границу, но никто не имел об этом представления. Одни смотрели на нас с недоумением и пожимали плечами, а другие разглядывали иронически и улыбались. Наконец, все же одна женщина объяснила нам, что надо идти в паспортный отдел, который находится на улице 25 Октября, она даже набросала нам план, как туда идти.

Паспортный отдел находился в подвале длинного каменного здания. Там нам выдали анкеты на двух страницах, которые нужно было заполнить, подробно отвечая на вопросы о нас и наших родственниках как по месту жительства, так и за границей. К этой форме нужно было также приложить несколько листов с описанием деталей, уточняющих жизнь нашу и наших родственников.

Пора было поесть. Мы решили сходить на базар. Да, базар — это не паспортный отдел, нам сразу же указали, в какую сторону надо идти. Дальше расспрашивать не потребовалось, так как мы заметили, что многие люди идут в том же направлении. Мы купили несколько пирожков и, закусывая, стали бродить по базару. Особенно нам понравилось, что здесь выступали музыканты, жонглеры, комедианты и даже клоуны, которые ходили, публике на потеху, на высоких ходулях. Для нас все это было в диковинку и очень нас развлекало. На базаре мы пробыли до вечера. Перед уходом купили колбасы и буханку хлеба и вернулись на вокзал. Вечером мы опять заказали в кафетерии по тарелке супа, а после ужина снова слились с толпой бездомных и улеглись спать на каменном полу.

На следующее утро, сидя в большом зале вокзала, Женя начал описывать историю нашей жизни и жизни наших родителей. Некоторые вопросы анкеты вызвали у него затруднение. Нам также надо было найти кого-нибудь, кто удостоверил бы наши подписи. У нас здесь был только один человек, который отнесся к нам сочувственно.

но. Это был заведующий кафетерием Алексей Березовский, добрый и благожелательный человек лёт тридцати с небольшим. Мы обратились к нему с просьбой, и он помог нам заполнить форму и заверил подписи.

На следующее утро мы отнесли анкеты в паспортный отдел. Чиновник взял наши бумаги и плату за оформление, но проверить, правильно ли мы оформили документы, отказался. На все наши вопросы он буркнул только одно: «Приходите через неделю».

Следующие два дня мы делали попытки найти временное жилье, но вскоре убедились, что это бесполезное занятие. Свободного времени у нас было много, поэтому мы с интересом осматривали окрестности, разглядывали необычную для нас планировку города, построенного на холмистой местности возле моря, любовались красивыми домами с богатыми архитектурными украшениями. Особенно нравилось нам с высокой сопки смотреть на гавань, в которой стояли всевозможные морские корабли. Это было очень красивое зрелище.

Мы по-прежнему ночевали на вокзале, а вечером ходили ужинать в кафетерий к Алексею Березовскому. Когда посетителей было мало, он подходил к нашему столику и спрашивал о наших делаах, о поиске жилья. Он тоже считал, что дело это почти безнадежное, так как люди теперь стали очень нервные, подозрительные и осторожные, они не доверяют не только незнакомым, но даже друзьям и родственникам.

Видя нашу деревенскую доверчивость и наивность, он старался предостеречь нас от возможных опасностей. Алексей как в воду глядел — мы стали жертвами жуликов. На пятую ночь мы снова ночевали на вокзале, как обычно, привязав к рукам и подложив под голову наши котомки и закутавшись в одеяла. На следующее утро, которое я отчетливо помню до сих пор, мы были разбужены легким пинком сапога милиционера. Вялые и сонные, мы не соображали, где находимся. И тут, к нашему ужасу, мы увидели, что котомки наши бесследно исчезли, на руках болтались лишь обрезки веревок, которыми были привязаны котомки. Ни Женя, ни я ничего не слышали и не почувствовали ночью. Потом нам объяснили, что воры иногда с помощью эфира вводят свои жертвы в глубокий сон. Видимо, такую же процедуру они проделали с нами, потому что мы чувствовали странную дурноту и головокружение. Мы с Женей смотрели друг на друга с чувством страха и ужаса, даже не представляя, что же сейчас с нами будет. Ведь пропало не только все наше имущество, но и наши семейные реликвии — дневник Якова, старинная Библия и — самое страшное — наши метрики и все документы, восстановить которые невозможно. Все, что у нас сейчас осталось, — это одежда, которая была на нас, да наши одеяла.

Женя стал лихорадочно ощупывать свое пальто и пояс под рубашкой. Боже, какое счастье, деньги были на месте! Но все равно, потери наши были ужасны. Мы понимали, что человек без документов, без метрик — это человек вне закона. Никто не выдаст нам разрешения на поездку в Китай, никто не возьмет нас на работу. Нас даже могут отправить в места специальных поселений как бродяжек.

Нас отвели в привокзальное отделение милиции, где мы написали заявление о потере вещей и документов, описали содержимое украденных котомок. К счастью, милиционеры нас помнили, они не раз уже проверяли у нас метрики и подтвердили, что документы у нас были. Свидетелем выступил и Алексей Березовский, который заверил, что помогал нам заполнять анкеты и видел наши метрики.

На основании всего этого нам выдали временные удостоверения личности, что было для нас огромным облегчением и утешением. Можно было жить дальше. Мы очень надеялись, что воры выбросили некоторые бумаги из котомок. Мы обошли вокзал, осмотрели все коридоры и проходы, все урны и мусорные ящики, потом обследовали все окрестности вокзала и сквер, но ничего не нашли. Березовский посоветовал нам сходить на базар: вдруг там будут продавать что-нибудь из наших вещей. Он напутствовал нас: «Если вы что-нибудь там обнаружите, не пытайтесь спорить с продавцом и доказывать, что это ваши вещи, это принесет вам только новые неприятности. Платите, что потребуют, если это ценно для вас, и не спорьте, вы ничего не выиграете».

Весь этот день и два следующих мы провели на городском базаре, очень надеясь найти что-нибудь. Особенно нас огорчала пропажа Библии и семейных записей. Мы даже ходили потом к букинистам, но так ничего и не нашли... Так как мы остались в чем были, пришлось купить себе самое необходимое — котомки, два полотенца, кружки и немного белья.

На одиннадцатый день мы отправились в паспортный отдел получать визы. Несколько минут мы постояли возле конторки в ожидании. Высокий худощавый человек отошел от своего стола, подошел к перегородке и приветливо спросил: «Что вам нужно, ребята? Вы, наверное, не туда попали. Здесь паспортный отдел». Женя объяснил ему, что мы сдали документы на выезд в Китай и пришли сюда за получением визы. Спросив нашу фамилию, он полистал какие-то документы и сказал, что в прошении нам отказано. «Но почему? Что нужно еще сделать, чтобы получить эти визы?» — с отчаянием и надеждой спросил Женя. Он взглянул на нас и строго ответил: «Граница закрыта. В Китай ехать никому не разрешается. Разве вам этого не объяснили, когда вы пришли в первый раз?» Он отвернулся и пошел от нас, давая понять, что разговор окончен.

Мы стояли, не в силах поверить в то, что все наши планы рухнули. Он оглянулся, снова подошел к перегородке и уже враждебно сказал: «Разговор с вами окончен. Уходите». Но мы не могли сразу уйти. Мы стояли с жалкими и умоляющими лицами, все еще надеясь, что тут какая-то ошибка и можно еще что-то сделать, что к нам подойдет кто-нибудь другой, выслушает нашу мольбу о визе и, может быть, даст нам совет, что нужно делать дальше, чтобы все-таки получить ее.

Но служащие за перегородкой равнодушно сидели за своими столами, рассматривая и перелистывая бумаги. Никто даже не посмотрел в нашу сторону. Мы поняли, что напрасно теряем время. Поднявшись по каменным ступенькам и выйдя на улицу, мы молча стояли на тротуаре под холодным ветром, совсем упавшие духом. Что же нам делать дальше? Неужели мы никогда уже не сможем встретиться с мамой и нашими родными! Как нам теперь жить в чужом городе, без крыши над головой, без близких людей... Бесцельно и понуро мы бродили по чужим незнакомым улицам. Приближались сумерки, заметно холодало. Неожиданно мы увидели купола большого Собора и прибавили шагу. Мы решили пойти и помолиться, попросить у Бога милости и помощи. Вход в собор был забит досками, на них висела табличка: «Здание закрыто для переоборудования в музей».

Мы немного постояли на ступенях, а потом стали тихо молиться. Я читал свои собственные молитвы, обращаясь к Духу во мне. Я просил его дать нам смелость и силу преодолеть все трудности, которые нас ждут на нашем пути.

Вечером мы вернулись на вокзал и пошли, как всегда, поужинать в кафетерии. Алексей сочувственно выслушал наши грустные новости, но ничего не сказал. На следующий день он разыскал нас и сообщил: «Я посоветовался со своей женой, она у меня очень добрая женщина, и мы решили вам помочь. На вокзале вам больше оставаться нельзя. Это не место для жизни. Тебе, Женя, лучше всего было бы найти работу в городе и получить какое-нибудь жилье. Пока ты будешь устраиваться, мы можем на некоторое время взять Сашу к себе, он поживет у нас и будет помогать моей жене по дому. Ну как, согласны?»

Мы были очень рады и благодарны Алексею. В тот же день после обеда Женя пошел в бюро по трудуустройству с запиской от Алексея. Он возвратился очень довольный, впервые с тех пор, как мы уехали из дома, я увидел улыбку на его постоянно озабоченном лице. Ему дали работу на строительстве туннеля в районе Гнилого угла. При стройке была столовая для рабочих и общежитие в бараке, где он сразу же получал место для ночлега. В тот же вечер Женя пошел оформляться на работу, а я ожидал, когда Алексей закончит работу и закроет кафетерий.

Поздно вечером мы сели на трамвай и поехали на Первую речку — в пригород, где жила семья Березовских. По дороге Алексей рассказал мне, что жену его зовут Евдокией, а двух дочек — Таня и Клара. Какие я буду выполнять поручения, мне скажет его жена.

Мы вошли во двор, огороженный забором, и я увидел довольно большой дом, фруктовые деревья вдоль забора и овощные грядки. Во дворе стояли сарай для коровы и кур и небольшая летняя кухня, в которую направились мы с Алексеем. Он познакомил меня со своей женой. Евдокия посмотрела на меня с состраданием и сказала: «Бедный мальчик, сколько же бед выпало на твою голову!.. Тебя нужно вымыть и постричь. А твоя одежда... Господи, что же это у тебя за одежда! Непонятно, чем она пахнет... всем пахнет. Ладно, завтра мы что-нибудь придумаем. А сейчас садись и поешь.» Она указала мне на стул у стола, где стоял стакан молока, лежали вареное яйцо и несколько кусков хлеба. Когда я поел, она сказала мне, что в доме нет лишнего места, поэтому спать я буду здесь, на летней кухне, на соломенном матрасе на полу. Я был нескованно рад и этому.

После крепкого, спокойного сна в тихой уютной летней кухне я был разбужен голосами и хихиканьем. Около меня стояли Евдокия и две чистенькие, аккуратные смешливые девочки. Это были Таня и Клара восемь и десять лет. Евдокия живо выпроводила их из кухни, усадила меня на стул, набросила на плечи полотенце и велела смирно сидеть, пока она меня стригла под машинку. Потом она велела мне сесть в кадушку с теплой водой, дала мыло и мочалку и велела хорошенко оттирать все тело, что я и проделал с усердием и величайшим удовольствием. После мытья эта добреяя женщина дала мне одежду на пару дней, пока она отстирала и отпарила мою одежду. В следующие дни я выполнял ее поручения: кормил корову и кур, собирая яйца, колол и носил в дом дрова, подметал двор, а также провожал девочек в школу и встречал их, когда они возвращались домой.

Я был занят вполне посильным и привычным для меня трудом и радовался, что вся семья хорошо относится ко мне. Но мои мысли все время были заняты самым главным. Я постоянно размышлял о том, как нам уехать к маме в Китай. После обеда я обычно отправлялся пасти корову на ближайших холмах. Оставшись один, я все время размышлял на эту тему. Пока корова мирно похрумкивала травой, я смотрел на восток, в ту сторону, где совсем рядом, вон за теми сопками живет наша мама... Я крепко зажмуривал глаза и воображал, что вот сейчас я встану на самую вершину сопки, сильно взмахну руками и высоко-высоко взлечу в небо вместе с птицами, которые летели туда, на восток. Я буду лететь и лететь над этими сопками, горами и лесами, и никто, никакие пограничники и никакие чиновники не смогут меня остановить. И я прилечу в Китай и опущусь прямо в Харбине и сразу увижу маму. И сразу ее узнаю. Она такая же красивая и добрая, как Евдокия, даже еще лучше. Мне было стыдно за свои детские мечты, но я ничего не мог с собой поделать.

Раз в неделю с Таней и Кларой мы ездили в центр города на открытую киноплощадку смотреть кинокартини. Сами по себе походы в кино мне нравились, но фильмы порядком портили настроение. Это были злободневные пропагандистские фильмы, призывающие к бдительности и недоверию к подозрительным людям. Я чувствовал, что по отношению ко мне и моим близким эти фильмы не могут быть правдой, но все же они меня эмоционально тревожили и подавляли, и с такими вопросами я обращался к Евдокии. Она очень хорошо понимала мои чувства и убеждала меня: «Саша, какой же ты еще ребенок! Эти фильмы — сущая чепуха и голая пропаганда».

Евдокия находила во мне внимательного слушателя. Мне нравилось ее общество, я с удовольствием выполнял все поручения этой доброй женщины, привык и привязался к семье и был благодарен, что меня приютили.

Быстро пролетели пять недель. Однажды Евдокия, виновато глядя на меня, грустно сказала, что дольше оставаться у них мне нельзя. Надо решать, что делать дальше. Закон требует, чтобы я ходил в школу, иначе мое проживание у них может быть истолковано как эксплуатация детского труда. Время сейчас такое, что всего можно ожидать. Могут и соседи донести. Алексей предложил мне 7 ноября, в день Октябрьской революции, навестить Женю.

Добравшись до города, я сел на трамвай и поспешил в Гнилой угол, где работал Женя. Вскоре я нашел его в рабочей столовой — он завтракал после ночной смены.

Женя рассказал мне, что недавно от мамы пришло письмо, она советовала нам ничего не предпринимать и ждать помощи, которая обязательно придет. Женя был в хорошем настроении и ждал, что все скоро может перемениться. Он обещал забрать меня к себе в ближайшие две недели и придти за мной, как только в бараке освободится койка. Он пошел спать, а я сел на трамвай и поехал смотреть парад. В центре города собралось много людей в ожидании начала парада. Я занял удобное место, поднявшись по ступеням лестницы большого здания, откуда мне видна была улица. Толпа была огромной, я еще никогда не видел такого скопления людей. Скоро послышались звуки приближающегося оркестра. Следом за оркестром шли колонны красноармейцев по восемь человек в строю с винтовками и легкими пулеметами. Потом пошла артиллерия — тяжелые пушки на ко-лесах. После них пошли колонны моряков в красивых сине-белых формах, и уже за ними пошли колонны демонстрантов.

Все это шествие замыкали какие-то ряженые — шуты и клоуны. Я не заметил, чтобы зрители проявляли энтузиазм или радость по поводу зрелища, которое закончилось где-то после полудня. Люди расходились молча, куда-то спешили с озабоченными лицами. Я прислушивался к их разговорам, ожидая услышать комментарий, узнать их впечатление — ведь это был их праздник, но был разочарован. Разговоры были обыденными, как будто никакого праздника и не было. Люди были заняты житейскими проблемами, мыслями о хлебе насущном.

Я проголодался, а так как все магазины в этот день были закрыты, то решил пойти на городской рынок и там перекусить. На базарной площади было, как всегда, многолюдно. Здесь шла привычная жизнь. Люди делали свое дело: продавали, покупали, ели и пили. Здесь было оживленно и весело, люди смеялись и шутили, звучала музыка, слышалось пение уличных музыкантов. Еда и праздничная атмосфера базара взбодрили меня. Я не стал дожидаться, пока склонят толпа, и бодро зашагал к дому Березовских.

Следующие две недели прошли спокойно, без всяких происшествий. Погода становилась все холоднее, задули холодные ветры, выпал снег. В последнюю неделю ноября за мной пришел Женя. Мы упаковали мое нехитрое имущество — немного одежды, бельишко и домашнюю еду, которую собрали нам с собой Евдокия и ее дочери. Мне было грустно уходить из уютного дома Березовских, к которым я привык и искренне привязался, особенно к Евдокии. Но в то же время я радовался, что буду теперь снова вместе с братом, которого мне постоянно недоставало. Женя поблагодарил моих гостеприимных хозяев за внимание и помощь, мы попрощались с ними и отправились в путь. Чтобы не ждать вечно переполненный автобус и не пилить потом через весь город на трамвае, мы решили сократить время и расстояние и идти пешком напрямик через сопку в Гнилой угол.

Прямой путь составлял километров шесть, и мы предполагали пройти его часа за полтора. Это было очень опрометчивое решение, которое едва не стоило нам жизни. Мы прошли уже около половины пути, как вдруг задул сильный северный ветер со снегом, переходящий в шквал. Буквально в несколько минут мы были окружены бушующим снежным ветром, который чуть не валил нас с ног, и потеряли видимость. Сначала не стало видно вершины сопки, потом мы перестали различать деревья и вскоре потеряли направление. Мы шли прямо по снегу, не различая дороги, по каким-то оврагам и лощинам, занесенным снегом, проваливаясь по колено. Ледяной ветер продувал нас насквозь, мы очень замерзли, ослабели и едва брели, с трудом передвигая ноги. Возвращаться было нельзя, это грозило гибелью. Шагая вперед, мы все же имели шанс выжить. Мы знали, что единственный путь — вперед, если мы, конечно, найдем, в какую сторону надо идти.

Мы совершенно не ориентировались, идем ли в правильном направлении или ходим по кругу. Я быстро терял силы и уже не мог даже дрожать от холода. Каждый шаг давался мне с трудом. Я напрягал буквально все свои силенки, чтобы сделать еще и еще один шаг. Женя крепко держал меня за руку, чтобы не потерять в этой круговерти, поднимал меня на ноги и помогал идти дальше. Он тоже выбился из сил. Мы уже дошли до полного изнеможения и порой стояли, держась друг за друга, что-

бы выпрямиться под порывами ураганного ветра и идти дальше. Мы знали, что если упадем и не встанем, то неизбежно погибнем от холода. Я валился и снова карабкался и вставал. Я молился: «Господи, Дух святой, дай нам силы идти дальше, помоги нам выжить, я не хочу, чтобы мы здесь погибли».

Мы миновали вершину, путь пошел под уклон, ветер стал немного стихать, идти стало легче. Дойдя до крутого склона, мы кувырком скатились вниз по снегу. После второго склона видимость улучшилась, и мы стали различать вдали слабые огни. Еще с километр мы прошли рядом с сопкой, которая возвышалась справа от нас и надежно защищала от ветра, и вскоре увидели силуэты домов. Мы еле передвигали ноги, бредя по неглубокой лощине в направлении огней, но теперь мы знали, что спасены. Наконец мы вышли на широкую улицу с редкими домами по обеим сторонам. Тело ломило от усталости, ныли обмороженные лицо, руки и ноги. Мы постучали в дверь первого дома, но хотя в окнах горел свет, никто не отзывался на наш стук. То ли мы чересчур ослабели и нас не слышали, то ли не хотели открывать.

Мы пошли дальше и вскоре услышали голоса, а затем увидели мужчин и женщин, они выносили из дома что-то тяжелое и укладывали на сани. Шатаясь от изнеможения, мы подошли к ним, и Женя спросил: «Скажите, пожалуйста, где мы. Мы шли через перевал в Гнилой угол, но нас застала непогода, и мы потеряли направление». — «Как, и вы тоже попали в этот шторм? Бедные ребята! Идите скорее в дом, вам надо обязательно отогреться».

Женщина завела нас в дом, велела раздеться, снять обувь и сесть поближе к огню. Она осмотрела наши лица, руки и ноги, позвала другую женщину, и они вдвоем стали мазать и растирать наши щеки, уши, пальцы рук, и ног, и пятки. Нам дали по кружке горячего чая и по куску хлеба. Пока мы отогревались, женщины рассказали нам, что перед нашим приходом их сосед нашел почти окоченевшего старика с дочкой. Их отправили в больницу. «Старик совсем плох — слишком переохладился, и навряд ли он выживет», — сетовала сердобольная хозяйка.

Мы узнали, что находимся всего в километре от Гнилого угла. Отдохнув и согревшись, мы снова вышли на дорогу. Когда мы пришли, было уже поздно, но столовая работала — ужинала вечерняя смена рабочих. Мы поели и пошли спать. Нам очень посчастливилось — мы остались живы и отделались лишь легким обморожением.

На следующий день, пока Женя был на работе, я обследовал хозяйственную территорию стройки. Это был большой участок с несколькими длинными одноэтажными зданиями баракного типа. В одном размещались столовая и клуб, в двух жили рабочие. Мы с Женей жили в бараке под номером 1. Посередине, из одного конца в другой, шел широкий проход, по обеим сторонам от которого на небольшом расстоянии друг от друга стояли в два ряда около пятидесяти, а то и больше кроватей. На каждой кровати был постелен матрас и лежали два одеяла, у изголовья над кроватью висел ящик для личных вещей. В проходе стояли столы со скамейками. В каждом конце барака около входа стояли чугунные печки, которые топились углем для обогрева помещения. Жильцы его приходили и уходили в любое время днем и ночью.

За порядком здесь следил Петр, человек лет сорока, бывший борец с крепкими кулаками и саженными плечами. Ему удавалось, хоть и с трудом, добиваться относительной чистоты в ночное время и не давать большой воли любителям спиртного. Если они все же напивались, он живо растаскивал их по кроватям, а когда им пора было отправляться на смену, приводил в чувство.

Администрация стройки выдавала талоны, по которым рабочие, в основном неженатые парни, приехавшие со всех концов Советского Союза, питались в столовой. Как Жениному иждивенцу, мне полагалось два талона в день — на завтрак и на ужин. Обед я должен был получать в школе, куда собирался ходить после Нового Года.

Большая группа комсомольцев работала на стройке по призыву партии. Они прибыли сюда, чтобы показать пример ударного труда. Все свободное от работы время они были заняты политической агитацией, призывая рабочих досрочно сдать объект, который позже был назван туннелем имени товарища Сталина. Работа на стройке была трудной и опасной, нередко случались аварии, в которых рабочие по-

лучали увечья. В недрах горы выламывалась порода, камнями и землей загружались вагонетки, и рабочие толкали их наружу. Потом все это увозили к бухте Золотой Рог и сбрасывали в воду для укрепления берега залива.

Я не знал, чем мне заняться, и стал исследовать окрестности. Недалеко от стройки был большой овраг, где я встретился с ребятами, которые тоже жили на стройке. Мы играли в овраге или шли к кому-нибудь из них домой, когда они возвращались из школы. Иногда мы дружной стайкой отправлялись на трамвае в центр города и бродили там, глязя на автомобили, грузовики, пожарные машины. Нам нравилось ходить в гавань и смотреть, как разгружаются большие грузовые пароходы. Или разглядывать в бухте морские суда, определяя, к какому типу они относятся. Это были самые лучшие развлечения, мне нравилось общаться с моими сверстниками, но в то же время в душе я им завидовал. Они живут с родителями, которые заботятся о них, а самое главное — они ходят в школу.

ГЛАВА 7 ПОСЛАНЦЫ ОТ МАМЫ

На третьей неделе моего пребывания на стройке, когда мы с Женей поздно вечером возвращались в барак из столовой и шли через двор, из темного угла к нам подошел незнакомый человек. Он внимательно оглядел нас и, видимо, оставшись удивленным осмотром, тихо сказал Жене, что ему надо переговорить с ним с глазу на глаз. В его голосе слышалась спокойная уверенность, и Женя велел мне идти в барак и там его ждать.

Я заметил, что в тени за углом стоит еще один человек. Оба они были нерусские, то ли китайцы, то ли корейцы. Они были одеты в длинные темные пальто и зимние шапки. Перед тем как войти в барак, я оглянулся. Женя вместе с обоими незнакомцами отошел в тень за углом и о чем-то с ними беседовал.

Вскоре Женя появился и дал мне знак, чтобы я вышел на улицу. Я шел за ним несколько минут, он молчал, о чем-то сосредоточенно думая. Когда мы отошли на приличное расстояние от барака, Женя близко притянул меня к себе, положил руки мне на плечи и взволнованно сказал: «Саша, я скажу тебе что-то очень важное. Только запомни, об этом никому ни слова. Ты должен крепко держать язык за зубами, иначе все погубишь. Ты понял меня?»

Я согласно кивнул головой, догадываясь, что он мне сейчас скажет. Женя продолжил: «Эти люди из Харбина, от мамы, ты не сомневайся, все правильно, у них наша фотография, которую мы посыпали маме из Рудянки. Они корейцы, профессиональные проводники, они переведут нас тайными тропами через границу.» От радости и волнения я не мог говорить. Женя старался меня успокоить: «Ты не беспокойся, все будет хорошо. Через несколько дней они дадут нам знать, когда уходим, мы должны быть готовы к этому в любой момент. Граница охраняется, но они знают, как можно уйти в Китай».

Мы прогуливались с ним по двору и тихо беседовали, пока не улеглось наше волнение. Мы радовались, что скоро мы увидим маму, может быть, даже Новый Год будем спровождать все вместе. С этими мыслями, в возбуждении, ожидании и тревоге мы жили три следующих дня. Вечером 24 декабря в то же время и на том же месте нас остановил один из проводников. Он дал нам подробные инструкции на следующий день. Ночью мы почти не спали и поднялись в пять часов утра. В шесть часов я шел по дороге в город с котомкой и свертком. Я миновал первую трамвайную остановку, как мы условились с Женей, а на второй остановился и стал его ждать. Он пришел почти через час, и мы вместе поехали на трамвае в центр города. Там мы бродили часа два, убивая время, как нам было сказано проводниками.

В одиннадцать часов мы были на условленном месте — на нижней платформе под виадуком. Через несколько минут мимо нас прошел один из проводников, взмахом руки дав нам понять, чтобы мы следовали за ним. Мы вышли на другую платформу, и он указал нам на скамейку. Мы сели и стали ждать, а он пошел вверх по

лестнице в билетную кассу. С утра мы ничего не ели и были голодны. В моей котомке лежал ржаной хлеб, который Женя предусмотрительно выменял в бараке на наши талоны, и мне очень хотелось достать и съесть несколько кусков, но Женя велел мне сидеть тихо и ждать. Он не хотел ничем привлекать к нам внимания.

Пассажирский поезд с надписью «Южное Приморье» подошел к нашей платформе. Это был очень короткий поезд, состоящий из нескольких пассажирских и товарных вагонов. Пассажиры поспешили на посадку. Вместе с нами появились наши проводники. Один из них, высокий и, видимо, старший, незаметно сунул Жене билеты и знаком показал садиться в вагон. Там было много свободных мест. Следуя его молчаливому распоряжению, мы сели в середине вагона. Он прошел вперед, ближе к выходу, другой сел сзади, в противоположном конце.

Станционные часы пробили двенадцать, и поезд тронулся. Он шел медленно, останавливаясь возле каждой маленькой станции. После Сибирцево он свернул с транссибирской магистрали и пошел в западном направлении, в сторону озера Ханка. Женя объяснил мне, что мы едем на какую-то дальнюю станцию возле китайской границы, что ехать еще долго. Мы открыли котомку, достали хлеб и съели половину, предусмотрительно оставив вторую половину на потом. Ехали мы уже часов пять, когда старший проводник знаками дал нам понять, что на следующей станции мы выходим.

Мы вышли из вагона вместе с другими пассажирами, большей частью это были женщины и дети. Уже смеркалось, и было довольно холодно. Сначала мы шли на некотором расстоянии от наших проводников. Редкие прохожие и проезжающие на санях не обращали на нас никакого внимания. Потеплее закутавшись в шубы и подняв воротники, они торопились домой до наступления темноты. В большинстве домов уже горел свет, из труб на крышах домов шел дым.

Когда деревня осталась позади, проводники остановились и подождали нас. Старший, его звали Лум, сказал, что теперь он пойдет впереди нас, а младший, Тум, сзади. Около часу мы шли по неширокой дороге мимо небольших поселков. Лум остановился возле усадьбы, огороженной высоким забором, и дал нам знать, чтобы мы ждали его. Он вошел во двор и вскоре появился, махнув рукой, чтобы мы шли за ним.

Мы обошли вокруг бревенчатого дома с крышей в восточном стиле и вошли в большую комнату с входом со двора. Почти половину ее занимал большой кирпичный кан высотой около полуметра от пола, традиционный для домов на востоке. Кан обогревал помещение и был предназначен для сна в холодные зимние месяцы. Другую часть комнаты занимал стол с несколькими скамейками. Нас встретили мужчина и женщина, видимо, тоже корейцы. По всей вероятности, нашего прихода ожидали. В комнате было натоплено, на столе дымилась большая миска с лапшой, лежали ломти хлеба. Сняв с себя котомки и раздевшись, мы живо все съели и попросили добавки. Нам дали тарелку гречневой каши и вареную картошку. После ужина мы улеглись на теплый кан и крепко уснули.

На следующее утро Лум куда-то ушел, наказав нам не высывать носа даже во двор. Целый день мы провели в комнате, глядя сквозь окно на падающий снег и слушая завывание ветра, дующего со стороны Ханки. Под вечер раздался короткий, но энергичный стук в дверь, прервавший наше томительное ожидание. Тум подошел к двери, постучал в ответ и, когда получил условный ответ, осторожно открыл дверь.

С ветром и снегом в дом вошла высокая пожилая женщина, закутанная в меха. Следом за ней вошел Лум и поставил ее багаж, который состоял из тяжелого саквояжа и большой кожаной сумки. Он тотчас же развернулся и уехал с возницей. Женщина стряхнула снег со своего прекрасного мехового манто, сняла меховые рукавички, шляпу и валенки, потом огляделась вокруг, с дружеской теплой улыбкой посмотрела на нас, протянула руку и представилась: «Мальчики, я ваша компаньонка в этом смелом побеге в Китай. Зовите меня мадам Бединская или просто мадам». Она положила свои руки на наши головы и сказала с большим чувством: «Все будет хорошо. Я буду молиться за нас и за тех, кто ждет нас в Китае. Мы обязательно встретимся. Мы скоро будем с ними».

Энергичные черты ее все еще красивого лица, тронутого старостью, ее свободная манера держаться в сочетании с природным тактом и культурная речь показывали, что перед нами женщина яркой индивидуальности, благородного происхождения и хорошего воспитания.

Мадам Бединская шла к своим родным — дочери, зятю и внучке, которых она не видела семь лет. Кроме них, у нее никого не осталось.

Лум ушел и возвратился через несколько часов с охапкой старой одежды: шапками, шарфами, ватными стеганными фуфайками и брюками, а также с лаптями и портнянками. Он сказал нам, что сегодня ночью мы пойдем в другую деревню, ближе к границе. После ужина мы с Женей оделись в самую теплую одежду, какая была, обмотали портнянками ноги, обулись в лапти.

Около девяти часов вечера мы вышли, чтобы пойти в деревню, которая находилась в пяти километрах отсюда. Это была своеобразная репетиция перед настоящим переходом границы, который должен был состояться, как сказал Лум, через несколько дней, как только позволит погода. Плавущие облака заслоняли луну, было темно, когда мы шли по узкой лесной дороге почти два часа, затем мы свернули на дорогу, которая вывела нас в деревню. Судя по тому, что в окнах не было огней, жители уже легли спать. Мадам шла за нами и держалась хорошо. Проводники несли ее саквояж и сумку.

Лум велел нам остановиться под деревом у дороги, а сам подошел к одному из домов и постучал в окно. Вскоре он возвратился с ключом, и мы следом за ним пошли к дому на самом краю деревни. Он ввел нас в большую комнату точно такой же планировки, как в предыдущем нашем пристанище. В доме было натоплено в ожидании нашего прибытия.

На следующий день погода испортилась, началась довольно сильная пурга. Это изменило планы проводников, которые собирались вести нас через границу в ближайшую ночь. Они то и дело подходил к дверям, выглядывали на улицу, прислушиваясь к завыванию ветра, потом объявили нам, что пурга может задержать нас здесь на несколько дней.

Еще два томительных дня прошли в ожидании перемены погоды. Мадам Бединская скрашивала это ожидание. Чтобы скоротать время, она рассказывала нам с Женей историю своей жизни, вспоминала о своих путешествиях.

На третий день, 31 декабря 1931 года, погода немного улучшилась, правда, температура по-прежнему была ниже тридцати градусов, но ветер утих. Проводники все еще беспокоились о погоде. Они постоянно выходили на улицу, возвращались и свещались между собой. Нас это очень беспокоило, так как надоело сидеть в томительном ожидании.

После ужина Лум объявил нам, что сегодня ночью мы будем переходить границу. А пока он велел нам отдыхать, так как дорога предстоит нелегкая, через густой лес по глубокому снегу. В десять часов нам сказали, что пора одеваться. Мадам надела меховое пальто и теплые катанки. Мы с Женей снова надели на себя все теплое, что имели, а поверх своей одежды натянули старые залатанные, на несколько размеров больше, но теплые фуфайки и стали похожи на толстые, неуклюжие чучела.

Проводники, придирчиво оглядев нас, остались вполне довольны нашим одеянием. Еще несколько раз выйдя во двор и посовещавшись, в одиннадцать часов они вывели нас из нашего убежища, и под легким падающим снежком мы зашагали в сторону границы, которая, как нам сказали, находилась в пяти километрах отсюда. Впереди всех шел Лум, а позади, замыкая шествие группы, Тум, они несли на рогульках вещи мадам. Мы шли через лес в полном молчании, не торопясь и останавливаясь, чтобы прислушаться, не лают ли где сторожевые собаки, не скрипит ли снег под ногами пограничников.

Вокруг было тихо. Мы пробирались по глубокому снегу сквозь густой хвойный лес. Остановки становились все более частыми и продолжительными, наши проводники явно нервничали — наступал критический момент, мы приближались к границе, были совсем рядом с ней. Их волнение передавалось и нам.

Я шел между мадам и Женей, на каждой из остановок мы жались друг к другу. Еще одна остановка... Снова пошли... Остановка... Пошли...

И вдруг неожиданно тишина взорвалась, воздух наполнился звуками стрельбы, над головами засвистели пули. Стреляли совсем рядом, из-за кустов, шагах в двадцати от нас. Я увидел, что прямо на нас из-за деревьев идут три пограничника с собаками. Собаки натягивали поводки и с оскаленными зубами рвались к нам, охранники с трудом их сдерживали. С автоматами, направленными прямо на нас, они пошли и окружили нашу группу. Мы были ошеломлены. Сбросив котомки, мы стояли, инстинктивно подняв руки вверх, показывая, что не вооружены и покорны судьбе.

Грубыми голосами нам приказали снять верхнюю одежду и положить на снег. Пока мы выполняли приказание, двое охранников допрашивали проводников и били их приследами по голове. Уклоняясь от ударов окровавленные лица с разбитыми носами, перепуганные корейцы сразу признались, что они хотели перевести нас через границу. Они просили: «Не бейте, остановитесь! Мы не хотели сделать ничего плохого для вашей страны, мы только хотели заработать деньги!..» Мадам сидела, закрыв лицо руками, на пальто, брошенном в снег. С ее губ не сорвалось ни звука. Мы с Женей подняли ее. Она была в состоянии, слишком к обмороку. Нас троих грубо обыскивали, обещая так же избить, как проводников, но мы благополучно отделались легкими тумаками.

Нам приказали идти. Один пограничник с собакой шел впереди, два — позади нас. Мы с Женей вели обессилевшую мадам под руки. До ближайшего пограничного поста мы добирались около часу. Мадам посадили в запряженные сани, а мы четверо в сопровождении трех, уже других пограничников брали за санями. Через четыре часа медленной и мучительной ходьбы по занесенной снегом и продуваемой ветрами пустынной дороге мы прибыли к местному отделению ГПУ в Новокачалинске.

Мы так замерзли, устали и обессилены, что нас уже не волновало, что они будут с нами делать. Записав наши имена и фамилии в большую толстую книгу, отобрав котомки, нас отправили в камеры предварительного заключения. Мы с Женей попали в одну камеру, отдельно от проводников. Мадам поместили в женскую камеру.

Когда нас втолкнули в камеру и дверь за нами захлопнулась, мы увидели массу голов. Люди сидели в переполненной камере плотно, буквально плечом к плечу, даже возле паразида двери. Они сидели, поджав ноги и упираясь подбородком в собственные колени или положив голову на соседа. Тусклая электрическая лампочка, единственное, что было в камере, кроме несчастных людей, освещала их лица, смотревшие на нас со злой неприязнью.

Кто-то крикнул: «Тут нет места для одного, а не только для двоих!» — «Ну, чего вы там стоите, как будто уже перед расстрелом!» — «Что вы привязались к парням, они что, по своей воле сюда пришли?»

Масса человеческих тел задвигалась, и освободилось маленько пространство, едва достаточное, чтобы мы смогли опуститься и сесть на полу. Снаружи температура воздуха была ниже тридцати градусов, а в камере, которая совсем не отапливалась, было тепло от тел заключенных. Электрическая лампочка горела днем и ночью, так как единственное маленько окошко свет почти не пропускало.

Разница между днем и ночью была в том, что днем нас на один час выпускали во двор, огороженный высоким забором. Некоторые во двор не выходили. Одни были больны и слабы, у других не было обуви для прогулок по снегу.

Два раза в день давали скучный рацион — кусочек хлеба около шестидесяти граммов и кружку чаю. День тянулся удручающе долго. Читать было нечего. Время от времени то одного, то другого заключенного уводили на допрос. В течение всего дня велись одни и те же разговоры о прошлой жизни на воле, о причине ареста, размышления и догадки о том, куда и на какой срок отправят. Многие из наших сокамерников были арестованы не в первый раз, некоторые успели побывать в тюрьмах и трудовых колониях. Были здесь и ветераны. Человек по имени Даниил рассказывал, что он сидит в тюрьмах, начиная с первых дней граж-

данскои войны. Большинство арестованных попадало под две основные категории: политические и уголовники.

На четвертый день нас с Женей вызвали на допрос. В кабинете за столом сидели двое мужчин в форме ГПУ. Они подробно расспрашивали нас, куда, куда и с какими целями мы приехали на Дальний Восток, почему мы, получив отказ в паспортном отделе, самовольно решили перейти границу и бежать в Китай. После того как мы ответили на все вопросы, нам разъяснили, что переход государственной границы — серьезное преступление против закона, поэтому мы арестованы и будем, вне всяко-го сомнения, осуждены.

Один из них, постарше и подобнее на вид, посмотрел на нас внимательно и сказал: «Да, считайте, что вам и старой женщине еще очень повезло: вас могли застrelить при переходе границы. Или вы могли сбиться с пути и замерзнуть. Сейчас вы могли бы лежать где-нибудь мертвыми».

На шестой день нас снова вызвали в кабинет и объявили, что мы и мадам будем переведены в другое место, но не сказали, куда. Конечно, мы уже знали, что нас отправят в тюрьму или трудовую колонию, но это уже не имело для нас существен-ного значения. Крушение наших планов, задержание на границе, арест и пять дней нечеловеческих условий в переполненной камере сделали нас апатичными, почти бесчувственными. Не было желания жить. Нам вернули котомки, и под охраной двух гепешников, переодетых в штатские кожаные тужурки, мы с Женейшли до ближай-шей станции за санями, в которых везли мадам.

В вагоне нас посадили в отдельное купе, под охраной мы ехали около трех ча-сов. По прибытию в Уссурийск нас встретили два охранника в военной форме, воору-женные автоматами. Мы с Женей помогли мадам сесть в широкие открытые сани, которые выехали с железнодорожного двора, и двинулись по середине широкой ули-цы, занесенной снегом...

Прошло много лет, но я до сих пор не могу забыть нашего страшного и унизи-тельного шествия, вижу как бы со стороны эту странную, нелепую процессию... Впереди идет лошадь, запряженная в сани, с извозчиком на возвышении. В санях полулежа едет мадам в прекрасном меховом манто, шляпе и катанках. Следом идем мы с Женей в огромных золотых фуфайках, в широких лаптях. По обеим сторо-нам от саней — два охранника в добротных темно-зеленых шинелях и щегольски начищенных сапогах, каждый с автоматом в руках. Позади нас — два офицера ГПУ в кожаных тужурках с руками на кобуре револьвера. Процессия занимает почти по-ловину проезжей части. Другой транспорт вынужден сторониться, уступая нам дро-гогу... Прохожие останавливались и смотрели на нашу процессию вначале с любо-пытством, потом с недоумением, сочувствием и жалостью. Дети приостанавливали свои игры. Другие прохожие равнодушно отворачивались: вид арестованных под конвоем уже становился привычным в России.

Мы обменивались взглядами. В тюрьме нам говорили, что переход государствен-ной границы является тяжким преступлением, заключенные рассказывали, что за это расстреливают людей любого возраста. Если бегут целые семьи, их всех расстрели-вают прямо на месте задержания. Тогда мы не верили таким рассказам, но теперь... слишкоm усиленная охрана сопровождала нас. Мы с Женей смотрели друг на друга, зная, что нам предстоит. Нас расстреляют в назидание другим.

Миновав центр города, мы подъехали к высокой стене из потемневшего кирпи-ча, с широкими чугунными воротами, которые открыли вооруженные охранники. Процессия въехала в широкий, занесенный снегом двор, за нами загремели закры-ваемые ворота. Впереди, метрах в ста, стояло большое кирпичное здание. Водосточ-ные трубы по углам были местами поломаны, тяжелые железные решетки прикры-вали немытые окна. Можно было легко догадаться, что перед нами старая тюрьма дореволюционной постройки. Мы прибыли к месту назначения.

Наши измученные нервы и онемевшие от усталости тела почувствовали какое-то облегчение. Мысли о расстреле отступили. Мадам была на удивление спокойна. Она сидела в санях с высоко поднятой головой, ее глаза отрешенно смотрели на

тюремный двор и здание, на наших четырех охранников и двух охранников у входа в тюрьму. Ее сдвинутая к затылку шляпа придавала лицу решительное выражение, на ее губах, я заметил, блуждала ироническая улыбка.

Сани подъехали к самому входу. Один из наших охранников крикнул нам: «Эй вы, молодые придурки, помогите этой старой буржуйской сволочи выйти из саней и поднимите ее на крыльцо». Мы помогли мадам выйти из саней. Она нетвердо стояла на ногах, немного согнувшись в пояснице и коленях, опираясь руками в больших теплых рукавицах на наши плечи. Охранники, стоящие на ступенях около входа, теряли терпение и кричали нам, чтобы мы поторопились. Но мадам не хотела спешить. Вместо этого она приблизила наши головы к своему лицу и прошептала: «Мальчики, друзья мои дорогие, я скоро умру. Обещайте мне, что вы выживете и обязательно уйдете в Китай. Скажите моей дочери и ее семье, что я шла к ним, но не судьба. Пусть они молятся о моей душе».

Она выпрямилась, достала правую руку из рукавицы и, держа пальцы вместе, подняла руку ко лбу, как будто желая перекреститься. Пальцы опустились к губам, и она что-то быстро положила в рот. Затем она ступила на занесенную снегом дорожку, нагнулась, взяла в руку горсть свежего снега, положила его в рот и проглотила. Глядя на охранников, которые нас привезли, она с вызовом и торжеством крикнула им: «Я сделала это! Я это сделала! Снег ускорит действие яда, это произойдет быстро... Бог скоро возьмет меня к себе, и я буду свободна от вас».

Она перекрестилась, выпрямилась, потом сделала несколько медленных твердых шагов по свежему снегу в сторону охранников, потом покачнулась, взмахнула руками, как птица, и рухнула к их ногам. Они даже не пошевелились, с ленивым холодным любопытством разглядывая ее. Тело мадам содрогнулось в конвульсиях наступающей смерти, руки хватали пущистый белый снег рядом с твердыми черными сапогами охранников...

Позже, когда я все-таки выжил вопреки всему и ушел в Китай, я встретился с ее близкими. Я рассказал ей дочери и внучке Тане, моей ровеснице, чем-то неуловимо похожей на нее, все подробности наших злоключений. Я вспоминал о мужестве и воле, с которыми она преодолевала все трудности, стремясь соединиться с любимыми людьми, о ее трагической смерти и предсмертных словах, обращенных к ним в последние минуты жизни...

ГЛАВА 8 В ТЮРЬМЕ

Охранники подтолкнули нас с Женей вверх по ступенькам, ведущим в длинный коридор, по обеим сторонам которого были расположены тяжелые двери с болтами и замками. За ними слышалось журчание человеческих голосов, и мы поняли, что это камеры. В сопровождении офицеров мы прошли мимо двух надзирателей и вошли в большую приемную. За перегородкой сидел худощавый хмурый офицер в форме ППУ.

Некоторое время мы стояли перед ним, приходя в себя после шока, который испытали, глядя на последние конвульсии мадам. Офицер записал наши анкетные данные в толстый потрепанный журнал, выписал и прикрепил ярлыки к нашим котомкам и бросил их в большую корзину, стоящую позади. Затем подозвал двух охранников, которые расхаживали в дальнем конце комнаты, и приказал: «Хорошенько обыщите этих двух сукиных сынов». Нам приказали раздеться догола и обыскали всю нашу одежду, не забыв проверить и тело. Шарфы и портняки отобрали, заявив: «Вам это больше не понадобится».

Офицер приказал отвести нас в камеры и посадить порознь. Нас вытолкнули из приемной и снова повели по коридору. Подойдя к камере номер 1, один из надзирателей отомкнул замок, немного приоткрыл тяжелую дверь, обитую железом, и сильно втолкнул меня в узкое отверстие. Не успел я еще толком войти, как дверь быстро захлопнулась, больно стукнув меня по затылку. От такого «подзатыльника»

ка» свет померк в моих глазах. К моему счастью, толстая стеганая шапка приняла удар на себя.

В камере было полутемно, и вначале я ничего не различал. Первое, что я почувствовал, — это сильную вонь, смешанный запах сырости и параша с человеческими испражнениями. Когда мои глаза немного привыкли к полумраку, я разглядел слабый свет, идущий из зарешеченного окна на противоположной стене, и тусклый свет электрической лампочки под самым потолком. Затем я почувствовал человеческое дыхание и движение тела рядом со своими ногами. Потом рассмотрел множество лиц, удивленно разглядывающих меня.

Одни люди стояли вдоль стен, другие сидели на низких нарах, третий располагались прямо на полу. Я услышал удивленный голос: «Посмотрите, они уже ташат детей! О, Господи!..» Все мои чувства, вызванные горем, страхом, возмущением и протестом, вырвались наружу. Эта жуткая процессия через весь город, ожидание казни, предсмертные конвульсии мадам — все промелькнуло в голове.

Больше я не мог сдерживать своих чувств и залился безудержными слезами. Я хотел только одного — бежать, бежать отсюда, быть рядом с Женей. Я повернулся к двери и стал бить и царапать холодный металл. Я изо всей силы колотил кулаками, стучал ногами, чтобы разбить эту ненавистную дверь и вырваться отсюда. Я был как затравленный обезумевший зверек. Дверь не поддавалась, я стал кричать, чтобы меня выпустили отсюда к брату.

Через некоторое время я устал. У меня не было больше сил плакать и кричать. Я стоял, бессильно уткнувшись в бесчувственный металл, ощущая лишь полную пустоту и безразличие. За своей спиной я услышал сильный и спокойный голос, обращенный ко мне: «Эй, парнишка, оставь эту дверь. Ты можешь плакать и кричать сколько хочешь, но не жди, что они откроют и выпустят тебя». Другой голос поддержал: «Они не пожалеют, отправят в «холодную», чтобы охладить твой пыл. Одна ночь там научит кого угодно на всю жизнь, если только выживешь».

Утирая распухшее от слез лицо, я повернулся на голоса и увидел, что на меня смотрят с сочувствием и поддержкой. Это меня немного успокоило, страх и отчаяние отступили: Я почувствовал непреодолимую усталость и оцепенение. Высокий человек около окна сказал, обращаясь к молодому пареньку: «Ну-ка, Ваня, подвинься немного, освободи местечко рядом с собой нашему новому другу».

Переступая через ноги людей, я с трудом продвинулся между сидящими на полу и добрался до места. Опустился на пол, где места было ровно столько, чтобы сесть, упираясь коленями в подбородок. Вскоре я забылся и уснул, как будто провалился в беспамятство.

Под утро я пробудился от шума просыпающихся и зевающих людей. Робкие лучи восходящего солнца едва пробивались сквозь грязное тюремное окно. С грохотом и лязгом болтов открылась дверь, дежурные заключенные под присмотром охраны вынеслиочные посудины. Надзиратель закричал: «Быстро всем во двор, на прогулку! Хлебный паек получите на обратном пути».

Я чувствовал себя после ночи на полу очень уставшим, меня мучила жажда, хотелось есть. Но я надеялся увидеть Женю во дворе или в коридоре. С трудом поднявшись на затекшие ноги, я встал в строй и в длинной веренице заключенных отправился на прогулку.

Покрытый снегом тюремный двор был со всех сторон окружен высокими кирпичными стенами с проволочными заграждениями в два ряда. На вышках с внутренней и наружной стороны дежурили вооруженные охранники. Было холодно и ветрено. Чтобы согреться, заключенные топали ногами, размахивали и хлопали руками, закрывали шею и лицо поднятыми воротниками и поглубже натягивали шапки. Некоторые, здоровые и сильные, вышли на прогулку без шапок и рукавиц. Они согревались, бегая и подпрыгивая, делали зарядку. Я искал глазами Женю, но его нигде не было, я видел только своих сокамерников. Позже я узнал, что по другую сторону кирпичных стен были другие прогулочные дворы.

На обратном пути в камеру нам выдали дневную пайку из черствого ржаного хле-

ба, около пятисот граммов, и по кружке чая, который нужно было быстро выпить, чтобы передать кружку очередному заключенному. Недоеденный хлеб я взял с собой и, вернувшись на свое место на полу в камере, потихоньку отщипывал и ел его маленькими кусочками. Я съел почти весь хлеб сразу, потом провалился в глубокий сон и спал почти весь день. Молодого парня, сидевшего возле меня, вызвали на допрос, и это дало мне возможность поудобнее сесть и даже опереться на стену. Я свернулся в комок, повыше поднял воротник, спрятал в него лицо и задремал. Я просыпался, потом снова дремал и снова просыпался. Когда я бодрствовал, попытался выстроить все события в том порядке, как они проходили, и представить их последствия. Но в голове была полная сумятица, все произшедшее не выстраивалось в стройную цепь событий, все перепуталось, вспыхивали лишь отдельные разрозненные картинки событий, как будто не имевшие между собой никакой связи. Вот мы идем в темном заснеженном лесу к границе... Мадам, в предсмертных конвульсиях хватающая белый пушистый снег возле черного сапога офицера... Нас ведут по городу на расстрел... Пули свистят над нашими головами, лают собаки... Мадам едет в санях с гордо поднятой головой... Она кричит офицерам: «Я сделала это!»

Мое детское сознание не могло вместить всего ужаса того, то произошло с нами после нашего отъезда из Владивостока. Я пытался представить себе нашу дальнейшую с Женей судьбу, но все мои размышления постоянно приводили меня к плохому концу. Стارаясь успокоить себя и собрать свои мысли, я с верой и усердием стал мысленно молиться. Молитва успокоила меня, дала мне мужество. Страх, хоть и с трудом, но отступал. Я начал воспринимать окружающий мир. Иногда в камере то тут, то там слышался смех, кто-то рассказывал анекдоты, кто-то даже вполголоса напевал простые безыскусные песни.

В четыре часа нас снова выпустили во двор — на вечернюю получасовую прогулку. На обратном пути в камеру выдали по миске водянистой баланды с капустой. Опытные заключенные достали куски хлеба, оставшиеся от утреннего пайка, и ели его с баландой.

Моя вторая ночь в тюремной камере была неспокойной. Я спал тревожно, часто просыпался от движения стесненных тел, от храта, хрипа и кашля. Больные стонали и просили о помощи, но никто не обращал на них внимания. Как я узнал позже, в тюрьме был лазарет, но отправляли туда обычно слишком поздно, когда у заключенного уже не было шансов выйти оттуда живым.

На третий день я был весь покрыт вшами, от которых не было никакого спасу. После утренней прогулки и тюремного завтрака я присоединился к общему для всех в камере занятию — стал искать и бить вшей, покрывавших мою одежду. Скоро я был в состоянии прислушиваться к разговорам, которые вели между собой заключенные. Это был единственный способ как-то скоротать время. С грустью и безнадежностью они обменивались рассказами о своих злоключениях, которые привели их сюда. Ваня, пятнадцатилетний подросток, рядом с которым я сидел, рассказывал мне душепитательную и, вероятно, выдуманную историю своих злоключений. Это был здоровый смышлена парнишка с голубыми глазами и коротко постриженными белокурыми волосами, одетый вполне прилично. Первый раз его взяли, когда ему было двенадцать лет: он продавал на черном рынке ворованную муку. Его дядя коммунист, занимавший в то время большой пост, сумел его вытащить, и Ваня получил лишь шесть месяцев легких исправительных работ в трудовых лагерях.

— Сейчас мой дядя уже не поможет мне ничем, — заливался Ваня слезами. — он умер где-то в тюрьме на Камчатке.

После того, как его вызвали на допрос, он сказал мне, что на этот раз ему наверняка дадут большой срок и отправят в трудовой лагерь, а может, даже в рудники или на лесоповал. Ваня смирился с этим, теперь его только волновало, куда именно отправят его.

На четвертый день выкрикнули и мою фамилию. Я робко подошел к двери, загремели железные болты, дверь открылась, и охранник повел меня через весь коридор в противоположный конец тюрьмы. В комнате ожидания было три двери, веду-

шие в кабинеты следователей. Вместе со мной в ожидании допроса здесь находились еще двое заключенных, пожилой человек и молодая женщина.

Мой ум был в смятении и ужасе перед предстоящим. Чтобы избавиться от страха, я стал сосредоточенно молиться. Все мои мысли были направлены на эти три двери, за одной из которых ждала меня моя судьба. Я почему-то вспомнил одну скользкую историю, которую слышал от дедушки Якова в раннем детстве. Странствующий принц доехал до перепугья трех дорог и должен был выбрать одну из них, чтобы остаться в живых. Каждая дорога требовала особого качества. Одна — храбрости, вторая — мудрости, третья — кротости. Принц выбрал третью. Он выжил и смог продолжить свой путь. Яков тогда объяснял мне: «Принц был очень храбр. Он был и мудр, выбрав кротость, самое лучшее и редкое из человеческих качеств. Он смирил свою гордость, не считая себя храбрее и мудрее всех, и положился на Бога. Запомни, мой мальчик, что сказано в Писании: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Если бы я знал, какую дверь выбрать, если бы я мог выбирать свое будущее. Но в отличие от благородного принца у меня не было выбора и указания, что ждет меня за каждой дверью. Я почему-то все время смотрел на среднюю дверь. И вдруг она открылась, из нее, к моему удивлению и радости, вышел... Женя.

Я увидел, что он очень похож на дедушку Якова. Но как он постарел! Каким он выглядел безнадежно усталым! У нас было какое-то мгновение, чтобы перекинуться несколькими словами. Буквально на ходу он сказал мне: «У нас нет никаких шансов на освобождение. Нам придется долго сидеть в тюрьме или в лагере». Кивнув на дверь, из которой только что вышел, он добавил: «Скажи ему все, как есть. Нам нечего скрывать. Все, что мы хотели, — это уехать к нашей матери».

Охранник грубо толкнул его и повел в камеру. Слова Жени и его обреченный вид ошеломили меня. Значит, нет никакой надежды... Ничего хорошего нас не ждет. В этот момент мне была необходима моральная поддержка старшего. Или, по крайней мере, нужно было подумать и решить, как себя вести. Но надзиратель уже толкал меня в открытую дверь, из которой только что вышел Женя. Он ввел меня в кабинет и доложил: «Заключенный Александр Савин доставлен!» После чего повернулся и вышел, закрыв за собой дверь, оставив меня среди комнаты перед большим столом.

У окна в конце комнаты стоял высокий человек, одетый не без щегольства в новеньющую форму ГПУ, видимо, офицер довольно высокого ранга. Он курил, повернувшись к окну и задумчиво глядя на улицу, не обращая на меня ни малейшего внимания и даже не удостоив поворотом головы. Казалось, что он полностью поглощен своими важными мыслями и не видит такую ничтожную букашку, как я. Я стоял в молчаливом ожидании, полагая, что это самое разумное в моем положении...

На стене над столом висели портреты Ленина и Сталина. Ниже, справа от них, были прикреплены фотографии, похожие на семейные. В комнате было тихо, но чувствовалось напряжение. Наконец он медленно и как бы нехотя повернулся, подошел к пепельнице на краю стола, аккуратно погасил сигарету, глубоко вздохнул, поднял голову и сказал:

— Ну и что же мы будем делать с тобой, деревенский парнишка?.. Ты напоминаешь мне мое детство. Я вырос в деревне в России и во время гражданской войны ушел из дома с Красной армией. Я прошел через холод и огонь войны и выжил, но мой брат, мой старший брат, такой же дорогой для меня, как твой старший брат для тебя... Знаешь, что случилось с ним?

— Нет, товарищ комиссар, я не знаю...

— Я скажу тебе, чтобы ты понял, почему вы в тюрьме, и понял всю серьезность вашего положения. Самое лучшее, что я могу сделать для тебя, парень, — это объяснить тебе, почему ты и твой брат должны быть наказаны за то, что хотели бежать в Китай, в чем заключается ваше преступление перед законом.

Он помолчал, затем продолжил:

— К концу войны белые бандиты бросили моего брата и трех его товарищей в топку паровоза и сожгли их заживо. В последние дни войны, когда эти недобитые

сволочи отступали в Китай, они расстреляли, повесили и замучили многих людей. Война закончилась девять лет назад, но борьба за революцию не закончена, она продолжается.

Он сел, полистал бумаги на столе, отодвинул их от себя, посмотрел на меня как будто с сочувствием и снова заговорил:

— Ты еще мал и, надеюсь, со временем оставишь эту дурацкую затею бежать в Китай. Ну, чего вам здесь нехватает! Работайте, учитесь, трудитесь. Партия все делает для того, чтобы вы были здесь счастливы. Куда вы все бежите? Подумай, вас могли перестрелять на границе... Эта старая сволочь Бединская... Ну, чего она хотела нам доказать! Прожила долгую жизнь, но ничему не научилась. Надеюсь, что для вас с братом это будет уроком на всю жизнь.

Он обмакнул перо в чернильницу и стал что-то быстро писать на бумаге. Я набрался храбрости и спросил его, что теперь с нами будет. Он ничего мне не ответил, поднял колокольчик и позвонил. Я понял, что верить его словам нельзя. Ему нет до таких, как мы с Женей, никакого дела. Вошел надзиратель и увел меня в камеру.

Потянулись однообразные тюремные дни. На допрос меня больше не вызывали. Одни за другими уходили из камеры заключенные, на смену им приходили другие. Когда кого-то отправляли, оставшиеся меняли свои места на полу или на нарах, устраиваясь поудобнее. Количество заключенных в камере все время менялось. Когда уводили большую партию, места хватало, чтобы во время сна даже вытянуть ноги. Можно было передвигаться по камере, и заключенные собирались группами возле интересных рассказчиков.

Меня привлекали рассказы Андрея Исакова. Этот высокий стройный человек с волевыми чертами лица, хорошо поставленным голосом и культурной речью был прекрасным и даже талантливым рассказчиком.

— Для меня самое суровое испытание всей моей жизни было в те дни, когда на борт моего военного корабля, совершенно не приспособленного для перевозки пассажиров даже в гавани, не говоря уже об открытом море, шли и шли люди. Я до сих пор не знаю, прав ли был, взяв их на борт. Я очень не хотел принимать участия в эвакуации, чувствовал, что это может привести к гибели людей. Кроме того, мне самому не хотелось покидать Родину, здесь оставалась моя семья, и когда мы отправлялись, у меня было чувство, что я совершаю двойную измену. А эти люди, которым я помог покинуть Россию, нужно ли было им ее покидать? Их не приняли в Корее. Они никому не были нужны в Шанхае. Недели, месяцы и даже годы они вынуждены были жить на кораблях и карантинных станциях. Я сам все это испытал на собственной шкуре. Два года я жил этой неопределенной жизнью на корабле. Мы стояли у входа в Шанхай. В конце концов я не выдержал и возвратился во Владивосток с некоторыми такими же «оригиналами» из числа беженцев. Я разыскал свою семью, был благожелательно принят новым правительством и первые шесть месяцев работал на восстановлении флота. Но однажды рука ГПУ опустилась на мое плечо. Меня арестовали, я был обвинен во враждебном отношении к режиму, хотя я был абсолютно лоялен к властям, не стремлюсь к постам и карьере. Я хочу спокойно работать и жить для себя и своих близких. Последние пять лет меня то выпускали, то снова подвергали аресту. Я уже сидел и в тюрьмах, и в трудовых лагерях. Бедная моя жена умерла, оставив двух дочерей. Бог дал ей мир в той жизни... А меня ГПУ никак не хочет оставить в покое. Они хотят узнать от меня больше того, что я сам знаю. Их интересуют те, кто остался за границей, и те, кто возвратился в Россию. Сейчас меня держат здесь для новых допросов. Но сказать им ничего нового я не могу». ...Мир тесен. Через 5 лет я встречу дядю Андрея Исакова, генерал-майора Алексея Исакова, который тоже ушел из Владивостока с флотилией адмирала Старка и высадился в Шанхае... В школе, где я учился, он преподавал географию и математику. Я рассказал ему о встрече в тюрьме. По его сведениям, Андрей был все же реабилитирован и освобожден, по крайней мере, на какой-то срок.

На десятый день моего пребывания в камере из тюрьмы отправляли большую партию заключенных. Слышино было, как их выводят поочередно из разных камер и

выстраивают в коридоре, как они шумят и разговаривают. Я сидел на полу, погруженный в невеселье мысли, когда лязгнула дверца на зарешеченном окошечке в дверях и я услышал звонкованный голос Жени, который звал меня: «Саша, Саша, скрой сюда!»

Спотыкаясь и перескакивая через чужие ноги, я подбежал к двери и сквозь железную решётку увидел родное лицо. Женя торопливо говорил мне сквозь слёзы: «Меня куда-то отправляют, я сам ничего толком не знаю. То ли в лагерь, то ли в тюрьму. Они не говорят, куда. Саша, прости, я ничего не могу сделать...»

Охранник за спиной уже торопил его от двери, мы протянули наши пальцы через решётку и прикоснулись друг к другу в последний раз. В это короткое мгновение наши глаза многое сказали друг другу. Мы оба подумали, что, возможно, это наша последняя встреча. Действительно, так и случилось. Больше я никогда не увидел моего брата...

Женя был для меня человеком, на которого я привык всегда и во всем полагаться. Он заботился обо мне, планировал нашу жизнь, зарабатывал на пропитание, был мне надежной защитой и опорой. И вот я, одиннадцатилетний мальчишка, остался в тюрьме, один, не зная, как мне жить дальше и что делать. Я чувствовал себя одиноким и потерянным, хотя камера была переполнена людьми.

Я пробрался на свое место, свернулся калачиком, укрыл голову поднятым воротником и крепко зажмурил глаза, чтобы отгородиться от этого страшного мира. Я думал о Жене. Мысленно я следил за ним, представляя его путь. Я хотел быть рядом с ним независимо от того, куда его везут. Пусть в тюрьму, лишь бы только вместе.

Потом мои мысли перенеслись в нашу деревню. Вот мы с Женей возвращаемся в наш дом, где нам когда-то так хорошо жилось с бабушкой и дедушкой. Вот мы идем с ним по лесу, ищем грибы и слушаем, как поют птицы. Женя учит меня наставлять, подражая их голосам. Вот мы сидим на берегу речки, а рядом с нами присоединился наш верный Жук. Мне хотелось, чтобы все, что с нами произошло, оказалось только страшным сном. Вот я открою глаза и увижу, что мы никуда не уезжали, что мы снова в нашем родном доме, в нашей деревне, и нет никакой тюрьмы. Захотим — и пойдем в поле, искупаемся в речке, потом быстро сбежим с горы и будем лежать на полянке в траве, ощущая запахи спелой земляники и дуновение легкого ветерка. Мое прошлое казалось мне прекрасным. Все хорошее осталось там, в детстве, с Женей, с Яковом и бабушкой Александрой.

Я думал, что больше в моей жизни ничего хорошего уже не будет. В следующие дни, избегая одиночества, я тянулся к старшим, слушая их рассказы о жизни, скитаниях. Очень много говорили о Боге, о жизни и смерти. Старый человек с длинной бородой и длинными волосами, в поношенной поповской рясе, убеждал своего соседа:

— Я тебе так скажу: в моменты умственного и духовного сомнения надо молиться. Бог всегда поможет тебе и даст спокойствие, разум и ответ, как жить дальше.

— Ну, не скажи, батя, — возразил голос с нар, — молиться, граждане, это тоже не всегда помогает.

Я слушал их, и мне становилось страшно от того, что меня ожидает. Я думал, что в любой момент может открыться дверь и меня уведут из этой, уже привычной для меня камеры в более страшное и неизвестное будущее. Я понял: что бы ни случилось со мной, теперь я должен сам заботиться о себе и сам находить способ, как выжить. Я остался совсем один и сам должен теперь защищать себя. Я знал, что надо бороться за каждый день жизни. Нужно выжить еще один и еще один день — и так до самой смерти. И еще я понял из всех тюремных рассказов, а самое главное — из трагической смерти Мадам, что самый главный мой враг — это безжалостные комиссары, от которых я должен избавиться во что бы то ни стало. Они никогда не пожалеют меня, сироту. Им нет никакого дела до меня и моей жизни.

На четвертый день после того, как отправили Женю, надзиратель выкрикнул мое имя. Вместе с другими заключенными мужчинами из нескольких камер нас выстро-

или в коридоре. У стен и входных дверей стояли вооруженные охранники. Было много суматохи. Надзиратели выкрикивали фамилии заключенных, звучали команды: «Отойти!», «Построиться по четыре человека!», «Разобрать свои котомки!» Было заметно, что многие из охранников были не русские. Они говорили с прибалтийским, а некоторые с украинским акцентом.

Я знал из разговоров заключенных, что кадры для ГПУ и НКВД специально набирают не на местах, а в других республиках, чтобы обеспечить жесткий контроль на местах, избегая всякого родственного и другого влияния. Пользуясь моментом, заключенные переговаривались между собой и разбирали свои котомки и чемоданы, сваленные в кучу посреди коридора. Порывшись, я тоже нашел свою котомку. Я открыл ее и посмотрел: там были белье, бумаги и прочее мое имущество. Я спросил у охранника, стоявшего рядом со мной, куда нас отправляют. Он только покосился на меня и ничего не ответил. С тем же вопросом я обратился к проходившему мимо офицеру, но он оттолкнул меня и грубо ответил: «Не надоедай с вопросами, парень! Когда будешь там где надо, тогда и узнаешь, где ты».

Вскоре я услышал: «Савин, на выход!» Офицер ГПУ в кожаном пальто велел мне следовать за ним. В то же время он дал знак двум охранникам, стоявшим в углу возле какого-то человека. Они подхватили его под мышки и поволокли по коридору, вынесли из здания и забросили в дрожки, стоящие на улице. Это был китаец, пальто и брюки которого были пропитаны мочой и испражнениями. От него воняло, как от запущеннойочной посудины. Охранники, помогавшие ему, отворачивались в сторону. Мне приказали сесть рядом с ним. Его ввалившиеся глаза и осунувшееся лицо говорили о том, что он тяжело болен. Его волосы были сплетены в косицу, на китайский манер, но одет он был хоть и в запущенную, но хорошую европейскую одежду. Мы с ним были единственными пассажирами.

Офицер сел рядом с возницей, и дрожки поехали в сторону ворот. Он кивнул в сторону китайца и сказал вознице: «У него тяжелая форма малярии, он потерял контроль над кишечником и мочевым пузырем, вот уже несколько дней он не может остановиться».

Я отодвинулась от своего соседа как можно дальше. По временам он впадал в забытье. Я подумал, что ему сейчас гораздо тяжелее, чем мне. Дрожки медленно двигались по улицам, покрытым слякотью. Я робко спросил гепешника, куда они меня везут. Он помолчал, потом повернулся ко мне и насмешливо сказал: «Ты думаешь, я должен тебе отвечать? Но я все же тебе скажу, парень. Тебе здорово повезло. Года не хватило по возрасту, чтобы отправить тебя в колонию. Ты едешь в исправительный детский дом. Там ты чему-нибудь научишься. Конечно, чему-то хорошему, а чему-то и плохому. Но это гораздо лучше, чем сидеть в трудовой колонии».

ГЛАВА 9 БЕСПРИЗОРНИК

Дрожки остановились у ворот большой усадьбы, окруженной высокой чугунной оградой красивого фигурного литья, но поверх нее в несколько рядов была натянута колючая проволока, которая уродовала весь вид. В центре двора стоял большой трехэтажный дом, позади него располагались какие-то строения. Вероятно, до революции здесь была усадьба богатой семьи, а могла быть и престижная частная школа.

Сторож в форме открыл ворота и низко поклонился офицеру. Дрожки подъехали к дому, возле которого нас уже ожидал высокий, лысый, плотного телосложения человек в штатском. Поздоровавшись с офицером, он взял у него бумаги и велел мне следовать за ним. Войдя в узкий длинный кабинет, он сел за стол, записал мои анкетные данные в учетную книгу и сказал:

— Ну вот, паренек, теперь ты уже не в тюрьме. Ты еще молод, и вся жизнь в твоих руках. Я советую тебе... Я требую, чтобы ты соблюдал дисциплину и не нарушал наши правила. Можешь называть меня «товарищ директор». А теперь шагай за мной в прачечную и моечную.

Я пошёл за ним через длинное здание. Мальчишки без всякого дела, видимо, просто убивая время, слонялись по коридору. Некоторые сидели на столах или прямо на полу, как сидят заключенные в тюремной камере. За спиной директора некоторые корчили гримасы, делали неприличные или угрожающие жесты в мой адрес.

Мы вошли в небольшое кирпичное помещение за домом, там стояли большая печь с огромным котлом для нагревания воды, корыта для стирки и большой круглый бочонок. Я увидел трех парней. Один бросал в печь дрова, другой сортировал какуюто одежду на столе, а третий, старше и сильнее на вид, сидел у печки на полу с независимым видом.

— Иван, — обратился к нему директор, — у нас новенький, займись им, вымой его и поменяй ему одежду.

Иван не тронул с места. Небрежно махнув рукой, он дал понять, что принял сказанное к сведению. Директор ушел. Иван не спеша поднялся, посмотрел на меня и вдруг грубо и громко заорал: «Ты, деревня, иди сюда, да побыстрее!» Я оробел и стоял в нерешительности. Он подскочил ко мне, грозно оглядел сверху донизу и сказал: «Меня все здесь зовут Иван Грозный. Когда я говорю «иди сюда», ты должен не медлить, а мчаться ко мне со всех ног. Ты понял?!

Я очень испугался и стал бормотать, что все понял и буду делать так, как он скажет. Иван приказал мне раздеться до подштанников, поставить табуретку у печки и сидеть не шевелясь, пока он будет меня стричь. Я сидел, как овечка, а он больно водил машинкой, выстригая всё до волоска, пока моя голова не стала совершенно голой. Потом он велел мне собрать с пола и сжечь в топке волосы и грязную одежду.

Один из парнишек помог приготовить мне «ванну», я залез в бочку с горячей водой. Купание доставило мне огромное удовольствие, несмотря на то, что было больно шоркать мочалкой изъеденное вшами и расцара-панно ногтями тело. После мытья Иван велел мне из кучи старой, но чистой одежды взять белье и все необходимое. Я быстро подобрал себе довольно гношенную и залатанную одежду, которая все же была лучше моей, и обувь. Остриженный, помытый и переодетый, я уже мало чем отличался от остальных подростков этого дома. После обеда мне отвели кровать в спальном зале на втором этаже.

Следующие три дня я старался войти в распорядок дома. В утренние часы подростки занимались хозяйственными работами: чистили двор, кололи дрова, кормили трех коров, двух лошадей и кур. После завтрака начинались уроки: ребята учились читать, писать, считать, проходили уроки политической истории. После обеда в мастерских учили плотницким работам, кладке кирпича или заставляли ремонтировать телеги, сани, сломанную мебель.

Если бы не два охранника, которые караулили дом круглые сутки, наше заведение казалось бы вполне приличным, по крайней мере, в дневное время, хотя во всем чувствовалось отсутствие дисциплины. Старшие парни задавали особый тон. Во время утренних работ они преспокойно оставались в постелях и продолжали спать. Они громко ругались, спорили и часто дрались между собой. Некоторые ходили с ножами и кастетами, поэтому, как я скоро узнал, такие драки нередко кончались серьезнымиувечьями.

Младшие ребята и те, кто послабее, были в их полной власти. В первый же день я получил множество тумаков и подзатыльников. Я до сих пор помню свое чувство полной беззащитности и страха, когда двое старших парней с двух сторон крутили мне уши и били. От одного удара заплыл синяком мой глаз. Меня предупредили, чтобы я не вздумал жаловаться и о чем-либо рассказывать воспитателям и учителям. А чтобы меня не лупили все, кому не лень, я должен найти себе старшего «покровителя», который будет меня защищать, а я — во всем подчиняться ему.

Вочные часы старшие становились полными хозяевами в доме. С заходом солнца учителя и воспитатели уходили в свои комнаты на третьем этаже и не появлялись до следующего утра. Почти каждую ночь старшие парни уходили в город. Ключая проволока над забором и сторожа не представляли для них препятствия. Они прямо шли через ворота, подкупая охранников водкой и табаком, которые они при-

носили с собой из города. Они были связаны с взрослым преступным миром. Иногда по ночам к нам в дом приходили «гости» из города. По существу, «исправительный дом» был рассадником для будущих преступников и алкоголиков.

После всех размышлений я твердо решил бежать отсюда при первой же возможности, вначале во Владивосток, а дальше уж как получится. Вначале я незаметно навел справки, в каком направлении и далеко ли отсюда центр города. Потом у других ребят начал осторожно выспрашивать, можно ли незаметно для охранников выйти за ворота. Мой сосед по койке сказал, что лучше подкупить охранников, они любят водку и табак; если у меня этого нет, то можно попросить «покровителя», чтобы он взял с собой, когда старшие пойдут ночью в город, но тогда они заставят воровать, а это очень опасно, так как могут покалечить и даже убить, если поймают.

На третий день часть времени я посвятил обходу двора, примечая, где бывают караульные. Я даже немного поболтал с ними. Они были довольно миролюбивы, и я надеялся как-нибудь сговориться с ними или обмануть их бдительность.

На четвертый день ранним утром я пошел в сарай и нарочно разбудил кур, а потом сделал вид, что хочу найти причину, что их могло разбудить. Когда утих куриный переполох, на который никто не отреагировал, я пошел на задний двор проверить, нельзя ли открыть там ворота или найти какую-нибудь лазейку через забор. Я увидел, что ворота очень крепко закрыты, а лезть через забор с колючей проволокой было очень рискованно. Тогда я стал медленно продвигаться вдоль забора в поисках какого-нибудь лаза и дошел до центральных ворот.

Подойдя с опаской к окну будки, я разглядел, что сторож спит, лежа поверх одеяла. Ворота были закрыты на большой замок, висевший на двух петлях на расстоянии примерно трех четвертей всей высоты. В нижней части было небольшое отверстие, это меня обнадежило. Я осторожно пополз от сторожевой будки к воротам. Вокруг все было тихо и спокойно. Толкая одну створку вперед и оттягивая другую назад, я увеличил отверстие между створками на ширину, достаточную, чтобы с усилием пролезть через нее.

И вот я на свободе... От волнения бешено колотилось сердце, прерывалось дыхание. Я огляделся, вокруг не было ни души, все было спокойно. Я сделал первый шаг! Я сделал его самостоятельно, без чьей-либо помощи и подсказки! Мне очень повезло, я сумел выйти на свободу! Теперь я не в тюрьме и не в этом ужасном «исправительном» доме. Я молился и благодарил Бога, я просил его помочь мне, чтобы мне удалось осуществить задуманное, не сделать ошибки и снова не попасть в лапы этих людей.

Вначале я с опаской пошел вдоль забора, дошел до угла и свернул в переулок, густо засаженный деревьями. И вдруг за деревьями, прямо передо мной, засверкали первые лучи восходящего солнца. Как давно я его не видел! Или просто не замечал... И я помчался туда, на восток, к восходу солнца. Я словно летел. Ноги несли меня прочь отсюда. По диагонали я промчался через переулок, потом побежал к домам поселка. Пробежав вдоль небольшой улицы и достигнув ее конца, я повернул в направлении к центру города и бежал, пока не обессилел, постепенно замедляя бег и переходя на шаг.

Я увидел знакомые места, по которым совсем недавно, какие-то три недели назад, вместе с Женей и Мадам нас вели под усиленной стражей. Это был центр города. Постепенно я пришел в себя и успокоился. Я сделал главное, что хотел, — я свободен. Пока все идет хорошо. У меня был соблазн пройти вдоль магазинов и поглядеть на витрины с колбасами, рыбой и всякими прочими лакомствами, но я понимал, что это неблагоразумно. Скоро в городе будет оживленное движение, и лучше уйти из центра как можно скорее. У меня не было ни копейки денег и никаких документов, поэтому надо было действовать очень осмотрительно, взвешивая каждый шаг, чтобы не попасть на глаза милиции и не стать жертвой уголовников или шайки беспризорников.

Я пошел медленным уверенным шагом, с независимым видом, как человек, который хорошо знает, куда и зачем он идет. По дороге я разглядывал здания и читал

на углах названия улиц, стараясь без расспросов выйти к вокзалу. К тому времени, проехав от Урала до Владивостока, я хорошо ориентировался на железнодорожных вокзалах. Они стали для меня как бы родным домом, настолько я к ним привык. Я знал, как там найти воду, раздобыть немного пищи.

Около полудня я пришел на вокзал. На платформе и в теплом станционном зале было немноголюдно. По обыкновению, там в ожидании коротали время транзитные пассажиры, некоторые с семьями, на лавках дремали солдаты, шныряли бездомные. Я немного посидел в зале ожидания, потом подошел к расписанию и стал изучать расписание движения поездов. Во Владивосток в этот день должны были идти два поезда: вечером шел местный, а глубокой ночью — поезд транссибирской магистрали.

Я решил попытаться уехать вечерним поездом, но для этого мне нужно было сориентироваться, как себя вести. Я вышел на перрон и стал наблюдать отправление других поездов: как ведут себя кондуктора, проверяют ли билеты, следят ли за посадкой милиционеры. Я довольно удачно избегал встреч с ними, да они и не очень-то интересовались такими, как я: слишком много было в те времена беспризорных детей. Перед приходом нужного мне поезда милиционеры вышли на перрон и стали проверять документы у отъезжающих. Я прошел в самый конец платформы и оттуда наблюдал, как пассажиры садились в вагоны. Почти у всех проверяли билеты. Я выискивал возможность проскользнуть в вагон, но в последний момент потерял смелость и решил отложить свой план до прибытия ночного поезда. Может, тогда будет более благоприятная ситуация.

Я ничего не ел больше суток и был очень голоден. Мой желудок терзала ноющая боль, меня подташнивало, ноги ослабели. Денег у меня не было, продать было нечего, и я не знал, что делать. В такую ситуацию я никогда еще не попадал. Чтобы не умереть с голоду, мне нужно было украсть или просить милостыню. И то, и другое для меня было ужасно. Я подумал, что бабушка и дедушка со стыда бы сгорели за меня, если бы я стал красть или попрошайничать.

Но мой желудок как будто взбесился и настойчиво требовал пищи. Я вспомнил, что просить милостыню не считалось позором для русской традиции. Народная мораль гласила: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся». В детстве я не раз видел нищих возле церкви, и подать им денежку или съестное было долгом христианина. Я долго присматривался к семье из четырех человек, приехавшей вечерним поездом. Они устроились ужинать на полу возле печки. Я прошел мимо них, ощущая восхитительные запахи колбасы и свежего деревенского хлеба. Мой рот наполнился голодной слюной. Мысленно я уже откусывал и пережевывал воображаемые куски колбасы и хлеба. Я остановился неподалеку, робко поглядывая в их сторону и надеясь, что они сами поймут, как мне хочется есть, и поделятся со мной. В деревне всегда было так принято.

Но они закусывали, не обращая на меня никакого внимания. Это приводило меня в отчаяние. Я никак не мог пересилить природное чувство достоинства и попросить немножко еды. У меня даже появилось дерзкое желание выхватить кусок пищи и убежать. Они меня ведь не догонят. Но я понимал, что так делать нельзя. Ведь это будет кража, даже хуже. Я дрожал от стыда и страха, приближаясь к ужинающей семье. Помедлив, я нерешительно обратился к мужчине и его жене: «Помогите мне, ради Бога. Пожалуйста, прошу вас, дайте мне кусочек хлеба. Я сирота. Я очень голоден». Мужчина резко развернулся ко мне и сильно ударил, метя по лицу. Я отстранился, но удар сильно прошелся по подбородку. Он злобно закричал, глядя на меня с возмущением и ненавистью: «Уходи отсюда, вор! Я слишком хорошо знаю вашего брата! Убирайся немедленно, а то я сейчас позову милицию».

С горьким чувством стыда и обиды я вышел на улицу и долго бродил по пустынной платформе. Я ходил из конца в конец, рассматривая в тусклом свете фонарей, не обронил ли кто-нибудь кошелек с деньгами или хотя бы монетку. Ничего не найдя, я возвратился на вокзал и обшарил все мусорные бачки и корзины в поисках пищи, но нашел лишь такую заплесневелую корку хлеба, какую не стали бы есть даже свиньи.

Найдя укромное местечко в углу вокзала, я устроился поудобнее, свернувшись клубочком, поднял воротник, натянул поглубже шапку и постарался задремать, чтобы заглушить чувство голода. Спал я чутко и вскоре услышал, что люди на вокзале задвигались, готовясь к посадке на прибывающий поезд, который мне был нужен. Вслед за пассажирами я вышел на перрон и внимательно огляделся. Ни милиции, ни кондукторов не было видно. Тогда я пристроился к небольшой группе пассажиров и вместе с ними незаметно вошел в один из вагонов.

Там было много свободных мест. Все уже спали, только двое подвыпивших мужчин в первом от входа купе продолжали затянувшийся ужин. Я нашел пустое купе, забрался на багажную полку, расположенную над окном почти у потолка, и забился в самое темное место, надеясь, что здесь меня никто не увидит.

Поезд тронулся. Вскоре через вагон прошел кондуктор, даже не взглянув в мою сторону. Я почувствовал себя в безопасности. Я очень устал, но голодные спазмы в желудке не давали мне спать. Все мои мысли были сосредоточены на пище, которую я видел небрежно разбросанной возле пьющих мужчин в первом купе.

Но, наученный горьким опытом, я не смел попросить у них еды. Я лежал и прислушивался к их голосам, ожидая, когда же наконец они уснут. Вскоре я услышал из их купе легкое сопение, переходящее затем в громкий храп. Осторожно, с чувством стыда и страха я слез со своей полки и пополз по коридору. Они спали. Под полкой на полу стояли пустые бутылки, лежали свертки. Я тихонько, как можно осторожнее, развернул полотняный сверток и обнаружил там полторы буханки хлеба и несколько небольших белых булочек. Я взял себе полбуханки и две булочки. Потом я поднял бумажный сверток, от которого пахло чем-то умопомрачительно вкусным — то ли жареным мясом, то ли рыбой. Я попытался его развернуть, но он предательски зашелестел, и это меня остановило. Взять весь сверток я побоялся, решив, что это рискованно, и сожалением положил его на место. Крадучись, под ритм и звуки поезда я пробрался на свое место, лег и стал потихоньку, с наслаждением жевать хлеб, потом булочки.

Следующее, что я услышал, это был голос кондуктора, объявляющего, что поезд прибывает на станцию Владивосток. Было утро. Я стоял на ступеньках вокзала и смотрел на статую Ленина на площади прямо передо мной. После всего того, что я пережил за последние пять недель, когда мы в последний раз были здесь с Женей, эта статуя казалась мне воплощением всех моих бедствий и несчастий, страданий и унижений.

Я тихо побрел в сквер возле вокзала, машинально повторяя путь, который мы проделали с Женей в первые часы после нашего прибытия во Владивосток с Урала. Сидя на лавке, я размышлял, что мне делать дальше, как жить одному, но так ничего и не придумал.

Я продрог, и вскоре ноги сами повели меня в привокзальный кафетерий к Алексею Березовскому. В глубине души я надеялся, что он поможет мне. Я без утайки рассказал ему обо всем, что с нами случилось. Я сказал, что сейчас мне некуда пойти и я не знаю, как мне жить дальше. Он озабоченно и грустно выслушал меня, немного подумал и сказал: «К сожалению, я ничем не могу помочь тебе. Саша. Ты был осужден и бежал из исправительного учреждения. Приютить тебя в семье, значит, вступить в конфликт с государством, это может быть расценено как укрывательство осужденного законом. Рисковать безопасностью своей семьи я не могу. Ты знаешь, что моя жена очень хороший человек, но я прошу тебя не приходить к нам, это опасно. Советую тебе: иди в городской комиссариат по делам несовершеннолетних и проси, чтобы они устроили тебя в приют. Только ничего не говори им о том, что твои родители живут в Китае, а брат осужден за попытку перейти границу. Говори, что ты сирота, приехал сюда из далекой деревни после смерти всех родственников. У тебя нет ни родных, ни знакомых, жить тебе негде».

Я попросил у него рубль или два, чтобы купить конверт с маркой и бумагу для письма маме и немного еды. Он дал мне пять рублей с мелочью.

После обеда я пошел в комиссариат по делам несовершеннолетних, который

находился в центре улицы Ленинской. После долгого ожидания в приемной на первом этаже меня пригласили в большой кабинет с окнами на бухту Золотой Рог, расположенный на третьем этаже. Важный тучный бюрократ с круглой лысой головой и пышными усами сидел за необычным столом в конце кабинета. Стоя перед столом, я робко попросил, чтобы меня определили в приют, так как мои родители умерли, у меня не осталось никого из родственников и мне негде жить. Я сразу почувствовал себя неуверенным и беззащитным, так как с самого начала он смотрел на меня с явным недоброжелательством.

Едва выслушав, он стал гневно выговаривать мне: «Что, сирота?? Какая же ..ерунда! Я знаю тебя! Ты мне врешь, ты в этом кабинете уже был. Тебя уже устраивали в приют. Я знаю вашего брата! Когда холодно, когда ты голоден и болен, ты снова захотел в приют! А придет весна, и ты снова убежишь. Ты уличный, ты беспризорник! Да, да! Я тебя помню! В приют он захотел! Нет у нас для тебя свободных мест!»

Он был тверд и непреклонен. Я видел, что его невозможно убедить и смягчить. Размазывая слезы по щекам, держа смятую шапку в руках, я отчаянно старался убедить его, что никогда до сего дня не был ни в приюте, ни в его кабинете, что я первый раз прошу принять меня. Я умолял его во имя Бога. Он не оставил мне никакой надежды: «Ты все врешь, парень! Ты можешь наговорить мне что угодно. У тебя нет никаких документов, и мы не можем проверить, кто ты. Я говорю тебе в последний раз: у нас нет свободных мест. Уходи отсюда и больше никогда не появляйся».

И я ушел... Ушел жить на улицу, как тысячи подобных мне, никому не нужных детей. Я понял, что нельзя ни на кого рассчитывать: ни на доброго дядю, ни на государство. Надо было как-то жить, добывать себе пищу, искать крышу над головой.

Моим домом стали вокзальные коридоры, подъезды домов, подвалы, склады и бараки. А пищей — то, что я подберу, найду или украду... Первое, что я сделал, — написал маме в Харбин и рассказал ей обо всем, что с нами случилось. Я знал, что она ждала нас к Новому году, а теперь уже февраль. Я предполагал, что она ничего не знает и беспокоится о нас. Позднее она рассказала мне, что пережила и что пересмутила за это время. Она знала: бывает и так, что при переходе границы в людей стреляют... Уму непостижимо, как я запомнил харбинский адрес мамы, ведь письма всегда писал Женя. Он как будто бы был «записан» в моем уме большими буквами.

До сего дня я думаю, что это обстоятельство было самым решающим звеном в длинной цепи моего выживания. Корявым почерком, отрывистыми фразами я сообщил маме, что с нами произошло на границе, что Женю отправили неизвестно куда, а я живу где придется и что писать мне нужно до востребования на почтamt. Прокитавшись несколько дней, я понял, что бродяга-одиночка обречен на голодную смерть.

Вскоре я встретил группу подобных себе подростков, состоявшую из четырех человек, и примкнул к ним. Нашим главарем был местный парень, Борис, такой же, как я, сирота. Его отец погиб в гражданскую войну, а мать уехала с отступающими чехами, оставив ребенка в надежде, что его кто-нибудь усыновит. Борис хорошо знал город, и мы надеялись, что он сумеет найти места, где можно чем-нибудь поживиться. Обычно беспризорники питались тем, что могли утащить со складов, прилавков магазинов и даже из проезжающего мимо грузовика. Воровали деньги из карманов, грабили кладовки и даже делали набеги на дома.

В этом мире была своеобразная иерархия. Главарями были самые сильные и опытные. Шайки беспризорников контролировались взрослыми группами. Всякая большая кража, особенно спиртного и табачных изделий, завершалась обязательной дележкой со старшими. Иногда взрослые заставляли подростков грабить склады. Приказы должны были выполняться беспрекословно. Неповинование каралось очень жестоко. Законом в преступном мире были нож и кастет. Шайки взрослых были вооружены и часто конфликтовали между собой. Внутри групп тоже были очень часты конфликты. Устраивались драки не на жизнь, а на смерть. Все это я видел своими глазами.

Две недели, а это огромный срок при жизни, полной смертельной опасности, я

пробыл в шайке Бориса. Однажды вечером на моих глазах его насмерть раздавил грузовик, когда он пересекал проезжую часть улицы, убегая с украденным от складского охранника.

Потом я был еще в двух подобных группах, принимал участие в нескольких разбойных набегах. Я знал, как жестоко расправлялась милиция с теми, кто попадался с поличным, видел раны, следы от зверских побоев, искалеченных и даже убитых людей. Скоро я понял, что жизнь в шайке еще опасней, чем жизнь бродяги-одиночки. Твоя воля подчинялась воле преступного коллектива, от которого ты был полностью зависим. Там не было ни дружбы, ни поддержки, ни заботы друг о друге. Каждый думал только о себе.

Я решил отойти от групп и жить самостоятельно. Раз в неделю я ходил на почту, справляясь, нет ли для меня писем. На третью неделю пришло письмо от мамы. Она была в ужасе от всего, что с нами случилось, и страдала, что не может помочь мне немедленно. На все нужно было время. Она просила меня не болеть, не падать духом и быть осторожным, прекрасно понимая, что эти советы в моей ситуации трудно выполнимы. «Сыночек мой дорогой, — писала мама, — помочь обязательно придет. Береги себя. Скоро мы обязательно будем вместе. Мы и все наши друзья молимся за тебя и Женю. Молись и ты святому Николаю-Чудотворцу. Он нам поможет.»

Каждый день моего существования проходил на грани жизни и смерти. Голодный и холодный, я жил в постоянной опасности быть пойманным, избитым или даже убитым за кусок хлеба. Однажды возле харчевни на углу улиц Ленинской и Октябрьской я заметил приставленные к окну рогульки со связками вяленой рыбы. Рядом никого не было.

Отчаянный голод, настойчивое желание съесть хоть немного рыбы привели меня к глупому и очень рискованному эксперименту среди бела дня в самом центре города. Осмотревшись, я увидел, что два корейца-носильщика, хозяева рогулек, сидят в харчевне за столом возле окна, поглядывая на них, и обедают. Я сделал вид, будто прогуливаюсь, подошел и быстро схватил две связки. Корейцы вскочили и, крича и размахивая руками, побежали к выходу. Набирая скорость, я мчался по тротуару улицы Ленинской со связками рыбы в обеих руках. Корейцы бежали за мной и кричали: «Держите вора! Держите его! Держите!»

Но никто не пытался меня остановить. Большинство людей, сознательно или нет, отодвигались в сторону, пропуская меня. Через несколько кварталов один из моих преследователей стал догонять меня. Делая обходное движение, я выскочил на середину улицы, бросил одну из связок и проскочил перед самым носом проходящего трамвая, а потом, оторвавшись от преследователя, свернул в небольшой переулок, ведущий в сторону гавани.

Это был один из поступков, когда решение принимал мой голодный желудок, а не разум. После пяти недель такой жизни мое здоровье было подорвано, я чувствовал апатию, силы были на исходе. В этот мучительный период моей жизни я часто думал о Евдокии Березовской. Я вспоминал, как добра и внимательна была она ко мне, когда я жил у них в прошлом году. Я чувствовал, что погибаю, и она для меня была самой последней надеждой. Мне очень хотелось повидать ее, но я все время помнил, что ее муж просил меня неходить к ним. Я очень боялся причинить какую-нибудь неприятность их семье, будучи беглецом да к тому же имеющим родственников-белогвардейцев за границей.

После долгих колебаний и размышлений я все же не выдержал и решил пойти и повидаться с Евдокией. Я сознательно выбрал время, когда девочки были в школе, а Алексей на работе. Евдокия открыла дверь. С удивлением и страхом она осмотрела с головы до ног худого, оборванного и грязного оборванца, каким я предстал перед ней, и неуверенно что-то пробормотала. Она не сразу узнала меня. А когда поняла, кто перед ней, решительно протянула ко мне руку и сказала: «Проходи, проходи, Саша! Алексей говорил мне, что ты в городе. Я рада снова тебя видеть».

Она провела меня в кухню, усадила за стол, налила стакан молока, поставила

передо мной тарелку с жареной рыбой и отрезала кусок пирога. Поев, я рассказал ей все: о том, как нас поймали на границе, как посадили в тюрьму и о том, почему я оказался на улице. Она плакала, закрыв лицо фартуком.

Я чувствовал себя очень неловко, даже виноватым, что пришел сюда вопреки запрету Алексея и рассказал ей эту слезливую историю. Потом она вышла, оставив меня одного, и долго, как мне показалось, не возвращалась. Наконец она вернулась с бумагой и конвертом. Стارаясь унять слезы, она сказала: «Саша, бедный мой мальчик, у всех у нас свои напасти, мы все несем свой крест. Сейчас у нас тяжелые времена. Поверь мне, я не могу тебя приютить, это небезопасно для нашей семьи. Алексей и так уже на подозрении ГПУ. Он больше не может ничем рисковать. Я даже не буду говорить Алексею и девочкам, что ты приходил». Она положила руки на мои плечи и продолжила: «Я хочу попытаться помочь тебе другим способом. Помнишь, я рассказывала тебе о моем брате Иване. Он занимает большой пост и имеет силу и власть, чтобы помочь тебе. Я написала ему записку».

Она вложила бумагу в конверт и подала его мне с напутствием: «С этой запиской ты должен пойти в горсовет к моему брату, комиссару Ивану Бродскому. Это в центре города. Попроси, чтобы тебя пропустили к нему. Если он не примет тебя с первого раза, ходи и ходи день за днем, пока не добьешься своего. Он не посмеет отказать мне».

Я вышел от нее, чувствуя себя совершенно разбитым. Мне не хотелось идти в те места, где я обычно ночевал в городе. Вместо этого я прошел около четырех кварталов и подождал, пока стемнело. Потом я вошел во двор школы, в которую когда-то провожал дочек Евдокии. После нескольких попыток я открыл одно из окон и влез в класс. Первый раз за несколько недель я спал возле теплой печки. На следующее утро я был разбужен приходом толстой и шумной уборщицы. Незаметно тем же путем через окно я покинул здание.

Я дошел до города и нашел здание горсовета. Несмотря на ранний час, на первом этаже было четыре больших очереди перед длинной стойкой, закрытой стеклом. Когда дошла моя очередь, я посмотрел снизу вверх на человека за стеклянным барьером и сказал ему, что мне нужно увидеть комиссара Бродского. Он оглядел меня с недоумением, снял свои очки и проговорил:

— В своем ли ты уме? Ты хочешь видеть самого комиссара Бродского? Все хотят его видеть. Нет, тебе нельзя его видеть. Он не принимает уличных мальчишек. Ты только посмотри на свои волосы. У мальчиков должна быть острижена голова. И вообще, ты выглядишь так, как будто живешь в свинарнике. Нет, тебе к нему нельзя! И речи не может быть об этом!

— Я хочу постричь свою голову! Я хочу жить в приюте! У меня есть письмо для комиссара, написанное его сестрой.

Я протолкнул письмо через перегородку. Он взял его, внимательно прочитал и отнес человеку, сидящему за столом. Вернувшись, он указал мне на скамейку в углу: «Иди туда и жди. Может быть, позже я позову тебя, но, вероятно, не скоро».

Я ждал больше двух часов, прежде чем меня вызвали к перегородке. Женщина подала мне конверт со словами: «Возьми это письмо иди в городской приют, это в конце Маньчжурской улицы. Там на правой стороне ты увидишь трехэтажное красное кирпичное здание. Не потерян этот конверт. Второй раз такого письма ты уже не получишь».

В первый раз за несколько месяцев я радовался. Это был первый светлый луч надежды. Он придал мне силы, когда я поднимался по длинной высокой лестнице к приюту. В приемной я отдал письмо сидящему там человеку. Он вскрыл и прочитал его. Какое-то время он был в растерянности, потом улыбнулся мне и сказал: «Ты принят в приют. С этого момента ты не будешь беспризорничать. Но ты должен соблюдать наши правила проживания. Они очень простые, выучи их на всю жизнь».

Затем меня отвели в моечную. Крупная пожилая женщина наголо остригла мою голову и втолкнула меня в душевую кабину. Когда я вымылся, она осмотрела мое тело и сокрушенно покачала головой: «Господи! Какой же ты худой и истощенный!» Она

выдала мне довольно старое, но заштопанное и чистое белье, ношеные штаны и рубашку, пальто и шапку и совершенно новые кожаные ботинки.

Уже на следующий день вместе с другими ребятами я пошел в школу. Я очень беспокоился, что отстал от учебы и меня посадят в класс с младшими ребятами. Но, к моему большому удовольствию, опасения оказались напрасными. Мне дали проверочные задания по чтению, письму и арифметике и определили в класс с моими сверстниками. То, что я стал учиться, радовало меня больше всего. Это была самая приятная и желанная перемена в моей жизни. Мне очень нравилось ходить в школу и общаться с мальчиками и девочками моего возраста.

Я быстро освоился с распорядком и укладом жизни в приюте, ознакомился с планировкой здания. В наши обязанности, кроме уборки помещений, мытья полов в спальнях и во всем доме, входила также помочь на кухне, которая была весьма желанной для всех ребят. Там всегда можно было ухватить какой-нибудь кусочек, пусть даже всего лишь морковку или ломтик редьки — все годилось для наших желудков.

Но приятней всего было поручение идти ранним утром, задолго до завтрака, в пекарню за дневной нормой хлеба для приюта. По дороге из пекарни каждый из ребят проделывал аккуратную дырку в нижней части буханки, осторожно выковыривал и съедал горячую душистую мякоть свежеиспеченного хлеба. Это повторялось ежедневно. Я сам не раз проделывал такой фокус, не в силах сопротивляться упорному желанию отощавшего желудка, который ранним холодным утром требовал своего. Придя на кухню, мы укладывали буханки на стол. Их количество строго соответствовало тому, что мы получали в пекарне. Но при этом некоторые из них были полупустыми. Соответственно уменьшались порции хлеба, которые мы потом получали в столовой.

Это, конечно, была кража у своих же ребят. Подобное случалось не только с хлебом, но и с другой пищей. Старшие и наиболее ловкие ребята воровали продукты из кухни и со склада, а если не удавалось, то отнимали часть порции у младших. И те, хоть и сами недоедали, из страха вынуждены были отдавать им свою еду, рассчитывая впоследствии на их защиту.

Такова была жизнь, где мораль отступала перед ноющей болью в желудке. Необходимость добывать недостающую пищу вела к постоянному нарушению дисциплины. Между ребятами часто вспыхивали драки, процветало фискальство. Но жизнь эта была все же лучше, чем на улице.

Я написал маме письмо, сообщив, что теперь я живу в приюте, что теперь моя жизнь как будто бы в безопасности и я даже хожу в школу. В конце марта я немного окреп, стал чувствовать себя лучше. Но вдруг неожиданно заболел очень тяжелой формой гриппа и был в бессознательном состоянии отправлен на лечение в морской госпиталь. Несколько дней я лежал с высокой температурой и бредил. Очнувшись, не понимал, где нахожусь.

Через неделю я, хоть и медленно, пошел на поправку. Еды мне хватало, кровать была удобной, обо мне заботились и старались поставить на ноги. Я попал в нормальные человеческие условия.

В первый раз за все время после трагической попытки перейти границу я смог выстроить картину моей жизни в единую цепь событий. Я внимательно перебирал все звенья цепи моей несчастной жизни и пытался понять, за что мне можно зацепиться, как жить дальше. Трудно было сделать какой-либо вывод. Возвращаться в Рудянку было невозможно, да и бессмысленно. Кто меня там ждал? Оставаться здесь? Что ждет меня здесь? Я не знал, как мне жить дальше, к какому берегу плыть.

Однажды, когда я лежал после обеда и в полусладкем думал о своем будущем, если оно у меня будет, я услышал, как медсестра назвала мое имя, обращаясь к кому-то: «Вот он, Саша Савин. Кажется, он спит». Я открыл глаза и увидел старшую медсестру Надю, стоявшую у кровати, в ногах. За ее спиной стоял высокий человек в черном пальто, со шляпой в руках. Увидев, что я не сплю, Надя радостно сообщила: «Саша, к тебе гость. Это твой дядя».

В моей голове промелькнуло: «Дядя? Не ослышался ли я? Может, это какая-то

ошибка». Я сел на кровать, с недоумением разглядывая «дядю». Прежде чем я успел что-нибудь ответить, мужчина подошел к кровати, наклонился ко мне и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «Саша, я твой дядя Игорь. Ты, наверное, меня не помнишь. Ты был совсем маленьким, когда я видел тебя последний раз».

Я увидел у него в руках копию фотографии, которую в свое время показывали нам корейцы-проводники. Одного взгляда на нее мне было достаточно, чтобы я понял значение его прихода. Он пришел от мамы, чтобы увести меня к ней. Ошеломленный, я молча смотрел на него. Это был человек лет сорока, высокий, хорошо одетый. Он держался с достоинством и спокойной уверенностью.

Было видно, что Надя была просто очарована им. Она смотрела на него с улыбкой, а он объяснял ей, что потерял связь с нашей семьей несколько лет назад. Сейчас он живет во Владивостоке и работает инженером на Дальзаводе. «Саша, теперь, когда я нашел тебя, ты будешь жить в моей семье, я буду о тебе заботиться», — сказал он мне. Потом он поблагодарил Надю за уход и заботу обо мне. Они договорились, что завтра он придет и заберет меня. «Я подготовлю его для выписки на завтра», — пообещала Надя.

Неожиданный визит «моего дяди» Игоря привел меня в сильнейшее волнение. Я лежал с закрытыми глазами и думал. Это перемена всей моей жизни. Исполнилось то, о чем я горячо молился, когда голодный и продрогший бродил по улицам чужого равнодушного города. Помощь от мамы пришла...

Мои мысли были прерваны одной из медсестер. Она пришла, чтобы измерить температуру. «Мальчик, дай мне посмотреть на тебя. Я так за тебя счастлива! Как хорошо, что твой дядя нашел тебя». Она измерила температуру, сосчитала пульс и сказала: «Ты вполне в приличном состоянии, если учесть, через что ты прошел. Я приготовлю тебе бутылку молоки и дам с собой, чтобы ты принимал ее несколько дней, пока не окрепнешь». Я помолился и лег в постель с надеждой, что Бог поможет мне и все обойдется хорошо.

ГЛАВА 10 К МАМЕ В КИТАЙ

На следующий день старшая медсестра Надя подготовила меня к выписке. Она искренне радовалась за меня, восхищалась «дядей» Игорем. Он прибыл в точно назначенное время. Мы вышли из госпиталя и сели в трамвай, который шел на Первую Речку. Когда мы вышли из трамвая и прошли расстояние, «дядя» сказал мне: «Ты так и называй меня дядей Игорем. Ты ведь понял, откуда я пришел за тобой? Только об этом никто не должен знать. Я переведу тебя через границу и доставлю в Харбин к дяде Павлу, а он отвезет тебя в Шанхай к твоей маме. Они недавно переехали туда с твоим отчимом».

Мы прошли два квартала и постучали в дверь кирпичного дома. В этом чистеньком уютном доме мы остановились на два дня. Следуя наставлениям Нади и заботясь о моем здоровье, Игорь решил дать мне два дня на то, чтобы я мог отдохнуть и набраться сил.

На утро третьего дня он переоделся в одежду местных крестьян, нанял дрожки, и мы поехали на вокзал. Около четырех часов мы ехали в поезде через Уссурийск до станции Гродеково, которая находилась в семнадцати километрах от китайской границы. По другую сторону границы железная дорога продолжалась уже как Китайская восточная железная дорога. До Харбина по ней было около 450 километров пути.

Мы вышли из поезда в Гродеково и долго шли по узкой извилистой улочке, потом несколько километров по лесным тропинкам. Мы вышли к лесопилке, взобрались на сваленные бревна и сидели там, ни от кого не таясь, около получаса, как будто бы отдыхая. Дядя Игорь спокойно поглядывал на людей, которые подвозили и пилили бревна. Через некоторое время он поднялся и удовлетворенно сказал: «Ну вот, теперь мы можем с тобой идти».

Дальше мы пошли через густой лес по грунтовой проселочной дороге, почти пустынной. Лишь изредка проезжали то военный грузовик, то длинная телега для перевозки бревен или крестьянская повозка. Никто не обращал на нас никакого внимания. Через час мы дошли до перекрестка трех дорог, возле которого возвышалось большое кирпичное здание. Во дворе возле него стояли армейские грузовики, сзади виднелись конюшни и каретный двор. С первого взгляда было ясно, что здесь располагается воинская часть. Когда мы поравнялись с ней, дядя Игорь сказал мне: «Иди дальше по дороге. Когда завернешь за угол, сверни налево и немного еще пройди. Потом сядь у дороги и жди меня. Я долго не задержусь. Мне нужно кое-кого увидеть. Помни: ни с кем не разговаривай.»

Я видел, как он вошел в здание. Это меня смущило и озадачило, тем более, что когда я пошел дальше, то увидел несколько солдат в пограничной форме. Я был в нервном возбуждении и не понимал, что происходит, но решил следовать во всем его распоряжению.

Я сел не у самой дороги, а чуть подальше, за деревом, чтобы хорошо видеть дорогу. Мимо проехал грузовик, полный пограничников. Потом верхом на лошади проехал местный крестьянин. Он увидел меня и спросил, не заблудился ли я. Я привстал, как будто увлечено рассматривая верхушки деревьев, и ответил: «Нет, я смотрю, где тут птичий гнездо.» Ничего другого я не мог придумать. «Ну, ну, счастливо тебе», — пожелал он успеха и помахал мне рукой.

Вскоре пришел дядя Игорь, и мы продолжили путь по той же дороге. Когда мы дошли до небольшого села, Игорь постучал в дверь одного из крестьянских домов. Открыла женщина и молча впустила нас. Было понятно, что они хорошо знают друг друга и что нас ждали.

«Сейчас я приготовлю ужин. Отдыхайте пока. Иван скоро будет», — сказала она, уходя на кухню. Игорь велел мне присесть на скамейку у окна и отдохнуть. Он вышел из дома. Через оконную занавеску я видел, как он ходит по двору в задумчивом ожидании. Вскоре приехал Иван на длинной четырехколесной телеге для перевозки бревен. Они долго о чем-то беседовали, сидя во дворе на корточках, и что-то чертили на земле, как будто какой-то план местности.

Ужин был съеден почти в полном молчании. Лишь были слышны вдали механические звуки пилы на лесопилке. Не было сказано ни слова относительно наших планов. Игорь ничего мне не объяснял. Около восьми часов вечера Иван запряг лошадь в тележку, и мы втроем уселись в нее: Иван впереди, а мы с Игорем по бокам, свесив ноги. Поехали мы по направлению к сопкам. Небо с той стороны было покрыто низкими облаками, вскоре стало совсем темно. Было понятно, что Иван хорошо ориентируется на местности.

Дорога, посыпанная гравием, то поднималась вверх, то спускалась с холма вниз. Было тихо и пустынно. Молчаливо застыли деревья по обеим сторонам дороги. Единственный звуком было лишь цоканье лошадиных копыт, да изредка скрипело тележное колесо. Мы ехали уже около двух с половиной часов, когда Иван сказал Игорю многозначительно: «Мы проезжаем заброшенный лагерь лесозаготовителей — «японские могилы». Скоро будем на месте...»

Вскоре слева от нас послышались журчание горного ручья. Иван остановил лошадь и сказал: «Ну вот, мы и прибыли. Дальше вы пойдете сами. Помни все, что я тебе сказал. Да хранит вас Матерь Божия.» Он стал разворачивать лошадь с телегой в обратную сторону, а Игорь посветил ему карманным фонариком.

Потом он крепко взял меня за руку и сказал: «Ну, Саша, в путь. Сейчас нам предстоит долгий, долгий переход. Пошли, с Богом!» В полной темноте, осторожно, почти наощупь мы зашагали вниз по склону к ручью. Ручей был мелкий, по колено, с тонким слоем льда у берегов. Лед сразу же захрустел и проломился. Когда мы перешли на другую сторону, наши ботинки были полны ледяной воды.

Мы шли по густой тайге, спотыкаясь и падая на неровной каменистой почве. Я старался идти рядом, держась за руку или рукав дяди Игоря. Где-то вдали грохотало — шла гроза. Вскоре глухой шум тайги и густая темень были взорваны близкими

раскатами грома и резкими вспышками молний. «Это весенняя гроза, она быстро пройдет», — успокаивающе прошептал мне Игорь.

Но вскоре пошел холодный проливной дождь с градом. С полчаса мы стояли под укрытием большого дерева, но дождь был такой сильный, что мы промокли до нитки и дрожали от холода. Оставаться там было бессмысленно. Мы вышли из укрытия и снова двинулись в путь, стараясь двигаться быстрее, чтобы хоть немного согреться.

Время от времени Игорь сжимал мою руку, и мы останавливались, замирая в безмолвном молчании, чутко прислушиваясь к каждому звуку и шороху. После грозы лес ожил. Громче шумели деревья, слышались шорохи живых существ, крики диких животных. Иногда в отдалении был слышен волчий вой. Я знал, что в этих местах водятся медведи и даже тигры. Но не их я боялся.

Сторожевые посты располагались в двух-трех километрах один от другого, это расстояние регулярно патрулировалось пограничниками со специально обученными собаками. Я помнил, как дорого нам обошлась первая попытка перейти границу. Мадам умерла... Женя где-то в лагерях или в тюрьме... Не слишком ли это дорогая цена за то, чтобы старая женщина и дети могли соединиться и жить вместе со своими родными.

И вот я снова рискаю своей свободой и даже жизнью. Но я готов был идти, а если понадобится, то и ползти хоть час, хоть всю ночь, хоть полжизни, лишь бы только уйти отсюда живым. Нервное напряжение усиливалось. «Сейчас мы недалеко от границы, примерно в километре или около того», — прошептал Игорь.

Было за полночь. Мы шли очень осторожно, стараясь не производить никакого шума. Внезапно мы услышали звуки человеческих голосов. К нам приближался пограничный патруль!.. Игорь сжал мою руку и сильным движением пригнул вниз. Мы припали к сырой земле и лежали неподвижно, сдерживая даже дыхание. Они шли совсем близко от нас, возможно, даже у самой границы. Они остановились и какое-то время стояли молча, прислушиваясь к звукам.

Это были невыносимо длинные минуты. Казалось, что мое сердце колотится на всю тайгу. Я с ужасом ждал лая собак и треска автоматов... Но на этот раз почему-то собак с ними не было... Вскоре мы снова услышали звуки их шагов. Они уходили от нас. Игорь повернулся ко мне и прошептал: «Идем тихо и осторожно... Держись за мою руку».

Я понял: кажется, мы переходим границу. Вскоре небо местами очистилось от сплошных облаков, выглянула луна, осветив окрестности. Стало хорошо видно, и мы могли теперь идти быстрее. На склоне сопки мы остановились в густой чаще хвойных деревьев. Игорь наклонился ко мне и ободряюще прошептал: «Все, мальчик, мы перешли через границу. Мы с тобой достигли своей щели. Мы уже в Китае. Посмотри на ту сопку. Видишь, вон среди деревьев пограничный пост».

Я посмотрел на противоположную сопку и увидел фигуры двух пограничников, освещенных светом, идущим из небольшой будки. Были даже слышны их голоса и топот сапог. Один из них ходил взад и вперед по застывшей земле и, как мне показалось, смотрел в нашем направлении. Я был взъерошен и чувствовал себя очень усталым от долгой трудной ходьбы и нервного напряжения.

Понемногу до меня стал доходить смысл происшедшего. Мы достигли цели! Я жив! Я жив... Предсказание старца сбылось. Я, последний рожденный в доме Савиных, выжил. Значит, он сказал правду дедушке Якову. Все так и случилось...

Я еще раз посмотрел на сопку, которая была теперь по ту сторону границы, в России, взглянул на пограничников и подумал, что я не хочу больше никогда видеть эти формы, никогда. Я отвернулся от них и пошел — и навсегда ушел из России в чужую землю, в добровольное, но вынужденное изгнание.

Это было 11 апреля 1932 года. Светало. Мы шли еще почти три часа — сначала через лес, потом по проселочной дороге до железнодорожной станции Суйфенхэ на китайской границе. Там мы подошли к дому, куда нас впустила русская женщина. После вкусной еды мы улеглись и проспали целый день. Вечером того же дня мы сели в поезд, который по КВЖД следовал до Харбина.

На следующее утро я с любопытством и тревогой смотрел в окно. Поезд шел мимо горевших деревень. Были видны военные лагеря японской императорской армии, а дальше в горах расположились бивуаки китайской армии. Доносились звуки артиллерии. Вдоль железнодорожной линии шли толпы китайских беженцев, успевших покинуть горящие деревни. Они шли семьями, везли пожитки на небольших тележках или несли свою поклажу на плечах.

Когда поезд останавливался, они старались успеть сесть в вагоны. На некоторых станциях поезд шел тихо, но без остановок, не желая брать беженцев. Они умоляли, махали руками, знаками показывая машинисту, чтобы остановил поезд.

Я спросил дядю Игоря, что случилось, почему горят деревни и бегут люди. Он объяснил мне, что японская императорская армия оккупировала маньчжурские провинции, чтобы со временем образовать здесь государство Манчудиго под властью последнего императора Пу Ви.

Я смотрел на беженцев, и мне их было очень жалко. Чувствуя мое беспокойство, дядя Игорь объяснил мне, что не надо беспокоиться. Ни одна из воюющих сторон не посмеет атаковать железную дорогу или причинить вред поезду и его пассажирам, так как железная дорога принадлежит европейским и японским банкирам и военные действия ее не затронут. А что касается беженцев... Конечно, их жалко, но тут уж ничем не поможешь. Таковы законы военного времени.

Чтобы отвлечь мое внимание от беженцев и успокоить, он добавил: «Теперь ты можешь звать меня Игорем Петровичем, а не дядей. Сегодня после обеда ты встретишься со своим настоящим дядей, Павлом Шемякиным».

В Харбине Игорь Петрович нанял дрожки, которые довезли нас до его дома. Он оставил меня со своей женой, а сам ушел, сказав, что вернется позже с моим дядей Павлом. Вскоре из школы пришли двое его сыновей и дочь, примерно моего возраста. Через несколько минут мы уже познакомились и подружились. Они с увлечением рассказывали мне о своей школе, показывали игрушки и шалаш для игр, сооруженный на большом дереве во дворе. Они провели меня в свой секретный наблюдательный пост на крыше и попросили никому не открывать эту тайну. Мы несколько раз залезали на крышу и сидели там в сумерках.

Я увидел, что во двор вошел Игорь с высоким подтянутым человеком. Мы помахали им рукой и смущенные спустились вниз. «Саша, это твой дядя Павел», — сказал Игорь. Я никогда не видел дядю Павла, кроме как только на фотографиях, но сразу узнал его. Он был молодой копией дедушки Власа.

Дядя Павел рассматривал меня внимательно и придирчиво. Я робко сказал ему: «Дядя Павел, это я, Саша Савин.» Но он ничего мне не ответил. Из кармана пальто он достал фотографию и с сомнением смотрел то на меня, то на нее. Видно было, что он не уверен, тот ли я мальчик, которого он ожидал увидеть. Он даже подошел ко мне вплотную, сличая черты моего лица с фотографией.

Потом он стал задавать мне вопросы о месте и дате моего рождения, о именах моих родителей, дедушек и бабушек. Я отвечал на его вопросы, а он задавал мне все новые и новые, без всякой остановки. Меня уже это утомило. И я сказал ему: «Дядя Павел, перед отъездом мы с Женей ездили попрощаться с дедушкой Власом. Он сейчас живет не в Ряпосово, а на выселке, в пастушьем доме. Он просил сказать...»

И вдруг лицо его изменилось, на глазах показались слезы, он быстро обнял меня и крепко прижал к себе. «Саша, дорогой мой племянник, это действительно ты! Наконец-то! Наконец-то ты с нами! Слава тебе, Господи! Ты услышал наши молитвы».

Он поднял меня на руки, как маленького, и держал, крепко прижав к себе. Наконец он опустил меня на землю, потом отступил на шаг, вынул из внутреннего кармана пальто кожаный мешочек и протянул его Игорю: «Здесь деньги, мой дорогой друг. Ты честно их заработал. Сосчитай. Спасибо тебе. Ты вернул матери сына, а мне племянника. Я буду рекомендовать тебя другим».

Мы вошли в дом. Игорь Петрович поднес мешочек к лампе, открыл его и, расположив монеты на столе, не торопясь, пересчитал свой гонорар. Сделка была за-

вершена. Я был доставлен. Его рискованный труд был оплачен золотыми монетами царской чеканки.

Распрощавшись с моим спасителем, мы с дядей Павлом вышли на улицу. «Сейчас, — сказал он, — прежде чем мы пойдем домой, мы с тобой сходим в городскую баню. Тебе нужно хорошенько помыться с дороги». Он шагал так быстро, что я должен был чуть ли не бежать, чтобы не отстать от него.

В бане он усердно мыл и скреб меня, продолжая в то же время расспрашивать о жизни дедушки Власа и о том, что говорил его отец при нашем расставании. После бани дядя Павел нанял дрожки, и мы поехали к ним домой в скромный пригород под названием Нахаловка, где они жили в небольшой квартирке на нижнем этаже.

Тетя Аннушка в нетерпеливом ожидании стояла в открытых дверях. Она обвила меня руками и заплакала, не выпуская из своих объятий. Это продолжалось довольно долго. «Остановись, женщина, ты поплачешь позднее. Можешь плакать всю следующую неделю, он будет с нами. А сейчас корми нас, мы очень голодные», — сказал дядя Павел.

Стол к ужину уже был накрыт, он буквально ломился от всевозможной стряпни и закусок. Чего только на нем не было! И соленья, и варенья, и торт. В центре стола стояло большое блюдо дымящихся пельменей. Я не видел такого изобилия с детских лет.

Тетя Аннушка, добрейшей души человек, была женщиной лет сорока, с полноватой фигурой, седеющими волосами, голубыми глазами и румяным русским лицом. Она была абсолютно предана дяде Павлу; он так же был предан ей. Они делали все возможное, чтобы хоть немного откормить меня.

Каждый день мы ходили обедать с дядей Павлом в маленький ресторанчик в подвале большого дома возле центрального рынка. Это было его любимое местечко, он часто там обедал. «Здесь подают лучшие русские блюда», — ежедневно убеждал он, когда мы с ним входили в ресторанчик. Обычно мы начинали с тарелки супа, потом заказывали мясное или рыбное блюдо, к которому он обычно заказывал рюмочку-другую водки. У него был хороший аппетит, он любил вкусно покушать. Во время бесед за обедом я ближе узнал своего дядю.

Дядя Павел был убежденным монархистом. Он был призван в Российскую императорскую армию в 1914 году, три года воевал на Западном фронте, а затем вступил в армию адмирала Колчака. Вместе с частями этой армии он вошел в Екатеринбург через несколько дней после расстрела императорской семьи. Впрочем, дядя Павел считал, вернее, как и многие другие русские, надеялся и хотел верить, что раз не найдены тела, Романовы живы. Эта тема его очень волновала, и он часто расспрашивал меня о том, что говорят по этому поводу на Урале.

«У России может быть только одна форма правления — монархия, и она должна быть восстановлена, и она обязательно рано или поздно будет восстановлена» — убеждал он своих собеседников. Согласно мнению его друзей, в этом вопросе он был бескомпромиссен и не хотел слышать никаких возражений на этот счет.

Тетя Аннушка была очень религиозным человеком. Она заказала в русском православном соборе благодарственный молебен, на котором присутствовали друзья семьи. Мы молились, благодаря Бога за мое избавление, и просили, чтобы он также благословил Женю. Через день она повела меня в собор помолиться и поставить свечку.

Вечерами за ужином дядя Павел и тетя Аннушка расспрашивали меня о своих знакомых, о жизни на Урале. Вот уже десять лет, как они жили в Китае и очень скучали по России. Они все еще надеялись и верили, что наступит такой прекрасный день, когда они смогут вернуться домой.

В то время население Харбина было смешанным: русские, китайцы и этнические меньшинства. Первые русские прибыли сюда еще во время строительства КВЖД, затем после гражданской войны сюда приехали политические беженцы — солдаты и офицеры разгромленной белой армии. В то время русское население Харбина достигало около двухсот тысяч жителей — больше, чем китайцев. Из Харбина русские разъезжались в другие города: Тяньцзинь, Циндао и Шанхай. Отток русского насе-

ления из Харбина усилился в тридцатых годах, когда Япония захватила Маньчжурию.

Заботясь о моем развитии, желая, чтобы я на чужбине не забывал и любил Россию и русскую культуру, дядя Павел и тетя Аннушка собирали для меня с помощью своих «ученых друзей» небольшую библиотечку классической русской литературы, чтобы я взял ее с собой в Шанхай.

И позже, в последующие годы, приезжая к нам в гости, они постоянно привозили новые книги, пополняя мою библиотеку книгами известных русских писателей. Среди них встречались и редкие издания.

Дядя Павел держал мебельный магазин вплоть до своей смерти в 1969 году. В том же году тетя Аннушка, оставшись одна, переехала ко мне в Австралию, где умерла в возрасте 84 лет.

Друг моих родителей Павел Ножин постоянно курсировал между Харбином и Шанхаем, перевозя товары туда и обратно. Он взялся отвезти меня к родителям. По железной дороге мы доехали до Дайрена (теперь город Лут), затем сели на японский пароход и отправились до Шанхая. Для меня все было ново и интересно.

В дороге Павел Ножин обо мне заботился и много рассказывал о моих родителях, особенно об отчиме, Петре Саранине. Я ловил каждое его слово, мне было очень важно и интересно узнать как можно больше о моей семье. «Твой отчим, — очень добрый человек, хороший труженик. Он станет тебе настоящим отцом, будет о тебе заботиться», — говорил Ножин. Я узнал, что Петр Саранин был родом тоже с Урала. Он вступил в белую армию под командованием Колчака, вместе с ней прошел, отступая, от Урала до Владивостока, а в 1922 году приехал в Харбин вместе с моим дядей Павлом, которого знал несколько лет. Там он встретился с моей мамой.

И вот мы в Шанхае. У меня колотится от волнения сердце. Скоро я увижу маму, о которой мечтал столько лет... Наш пароход, продвигаясь среди китайских сампанок, джонок с высокими парусами, катеров, грузовых и военных кораблей, пассажирских лайнеров и морских лодок всевозможного назначения. Пристани, склады, высокие дымящиеся трубы фабрик по обеим сторонам реки. Около полудня пароход подошел к пристани Вэйсайд.

Набежало множество грузчиков-кули, предлагавших пассажирам свои услуги. Павел нанял несколько кули, чтобы перегрузить ящики, мешки и корзины с парохода на грузовик, который он нанял. Когда все было уложено и увязано веревками, он велел мне забраться в кузов среди багажа и крепко держаться за веревки. Грузовик медленно двигался по улице, запруженной всевозможными экипажами и движущейся техникой.

Мы переехали через мост и въехали на большую широкую улицу Банд возле реки, с ее прекрасными величественными зданиями, затем влились в другую большую городскую артерию, авеню Эдуарда VII с ее красивыми зданиями, магазинами, продавцами, громко расхваливающими свой товар, с колоритной смесью всевозможных экипажей и толпами пешеходов. Все это было непостижимо для моего провинциального российского ума.

Мне было интересно все, но вскоре я утомился. Было чересчур много новых впечатлений, я не мог сразу воспринять этот разноцветный калейдоскоп зданий, красок, звуков, людей. Кроме того, в душе все время была главная мысль — о маме и отчиме. Я волновался и как будто чего-то боялся. Время приближалось к сумеркам, когда грузовик свернул в тихую улицу, усаженную деревьями, и остановился у ряда террасных домов. Над входными дверями висела вывеска на русском и английском языках: «Петр Саранин. Мебельный магазин».

Кто-то у входа в мебельный магазин заметил меня в кузове грузовика и взволнованно закричал: «Смотрите, это, наверное, он! Ваш сын приехал! Он здесь!»

Из помещения выбежал мой отчим, следом за ним — моя мама и несколько любопытных и взволнованных покупателей. С шумными возгласами меня спустили на землю. Потом меня разглядывали, трогали, обнимали, целовали и даже плакали. Вокруг нас собралась большая группа людей. Мама крепко держала меня в своих объятиях, не отпуская от себя ни на секунду. Она плакала и смеялась.

От слишком большого внимания я был в сильном смущении и плохо соображал, что происходит. Я не привык к такому вниманию и столь бурному проявлению чувств по отношению к моей персоне. Как будто все это было в каком-то кино и происходило не со мной.

Волнение и суета продолжались весь вечер. Приходили и уходили друзья дома, желающие посмотреть на меня и разделить радость моих родителей. Мама все так же крепко держала меня в своих объятиях и рассказывала всем вновь приходящим, как она прыгнула через кровать и побежала из магазина, услышав возглас: «Ваш сын приехал!»

Она то радовалась, то плакала, взволнованная встречей. Следующие несколько дней она не спускала с меня глаз, часто усаживала на колени и ни на минуту не хотела отпускать от себя: А если мне удавалось высвободиться, я чувствовал, что краем глаза она постоянно наблюдает за каждым моим движением и жестом. В первые дни она даже спала со мной в моей кровати. Она относилась ко мне так, как будто я был маленьким ребенком. Она купала меня и готова была кормить чуть ли не с ложки. Для нее я был все тем же маленьким мальчиком, которого она держала на руках, кормила и грела своим телом в холодные уральские ночи.

Она наверстывала все, по чьему истосковалось ее материнское сердце за длинные годы разлуки. Она видела, что меня смущает ее постоянное наблюдение за мной и объясняла мне, ласково гладя по голове:

— Я хочу смотреть и находить в тебе, как ты изменился, что в тебе появилось новое. Ведь я не видела, как ты рос и менялся.

— Ты думаешь, что я очень изменился?

— Нет, сыночек. Я узнаю те же черточки, что у маленького... Вырос, конечно, но для меня ты все тот же, мой маленький сыночек, кровиночка моя любимая. Господи, как давно все это было... Совсем другая жизнь... Сколько пережито, сколько слез пролито! Но сейчас ты здесь, ты со мной, а это самое главное. Теперь мы с тобой никогда не расстанемся. Все наши страдания позади.

Для меня это было совершенно новым, непривычным и немного стеснительным чувством. Порой я терялся и не знал, как мне реагировать, как вести себя. Ведь я был не по годам взрослым и самостоятельным человеком, а меня опекали как беспомощного малыша. Мама понимала это, но материнское чувство было в ней выше разума.

Прошло еще несколько дней, пока я привык к слову «мама», которое не произносил с раннего детства. С каждым днем наши отношения становились все теплее и проще. В конце концов они сложились в нежные и мягкие и вместе с тем разумные отношения. Мама умела быть твердой и требовательной, если это было в моих же интересах.

Отношения с отчимом складывались у меня медленней и проще, без особых волнений. Мы осторожно присматривались друг к другу и пришли к взаимному уважению. Со временем я стал называть его «папой». У него не было своих детей, и для меня он стал настоящим отцом. Его фамилию и отчество я ношу до сего дня.

Эйфория от встречи продолжалась много недель. За мной ухаживали, как никогда в моей жизни, обо мне заботились, наряжали, ласкали, как ребенка. Друзья и покупатели моих родителей приходили с поздравлениями. Они гладили меня по головке, спрашивали, рад ли я, нравится ли мне жить с родителями. В семье дедушки Якова, да и любой семье в Рудянке никто никогда не задавал подобных вопросов. Они были неуместны, так как ответ на них был абсолютно однозначен. Я не знал, как на них отвечать и как вести себя — не был приучен с детства к тонкому этикету. Поэтому я бормотал что-то невразумительное.

Я понимал, что выгляжу в их глазах неуклюжим и невоспитанным. Они наперебой давали советы относительно моего воспитания и самого лучшего, с их точки зрения, образования.

— Непременно отдайте его в русскую школу, — советовали одни.

— О нет, мы живем во французской концессии, и его нужно отдать во французский колледж, — возражали другие.

Были советы отдать меня в английскую, американскую и немецкую школы. Обсуждались преимущества и недостатки разных школ Шанхая. Говорили, что мне необходимо дать элементарное религиозное воспитание, научить меня хорошим манерам и умению держаться свободно и непринужденно, о том, что надо позаботиться о моей будущей профессии. Порой они говорили о таких вещах, о которых я не имел ни малейшего понятия.

Из всего этого я заключил, что мне необходимо многому научиться, ко многому привыкнуть и многое понять, что мне предстоят годы и годы учебы. История моих злоключений, побег из коммунистической России и воссоединение с семьей передавались из уст в уста и обсуждались в русских эмигрантских кругах. Позже две русские дневные газеты «Шанхайская заря» и «Слово» напечатали статьи с описанием моих злоключений.

Я не хотел их читать, эта шумиха меня не трогала. Я не хотел не только говорить, но вообще вспоминать о моем прошлом и старался забыть его, как кошмарный сон. Я хотел смотреть в будущее, хотя оно было для меня совершенно неопределенным и туманным.

Вопрос о том, в какую школу мне идти, решился сам собой, когда папа повел меня в Русский эмигрантский комитет для регистрации и выправления документов. Нас пригласили в комнату председателя, где из-за просторного стола, приветствуя нас, поднялся высокий лысеющий человек. Он протянул навстречу нам руки и сердечно сказал, обращаясь ко мне с дружелюбной улыбкой: «Добро пожаловать, мальчик. Может быть, ты умен, а может, просто везуч. Тебе удалось то, что не всегда удается взрослым — ты сумел выжить и уйти от большевиков, от их убийственных ЧК и ГПУ. Сейчас ты стал одним из нас, русским в изгнании. Мы поможем тебе вырасти хорошим русским человечком. Ты, конечно, пойдешь в русскую школу, которая даст тебе хорошее русское образование, воспитание и дисциплину».

Потом он дал папе анкету, которую тот заполнил, подписал и отдал председателю. Тот заверил ее печатью и сказал мне: «Сейчас ты был официально усыновлен. Теперь твое имя — Александр Петрович Саранин. Поздравляю тебя с этим важным событием, мой молодой друг».

В этот момент я понял, что перешел через важную черту. Теперь я не белогвардейское отродье, кулацкий выкорьши, не беспризорник и приютский сирота Санька Савин. Я стал русским эмигрантом или, пользуясь советским термином, «белым» русским, Александром Сараниным. Начиналась новая полоса моей жизни — в чужой стране, где мне также потребуется немало труда и стараний, чтобы выжить.

*Авторизованный перевод с английского
Л.М. Лапиной-Свиридовай.*